

БАЛКАНСКИЙ ЛАКМУС

Л. Ю. Пахомова

Австро-
венгерская политика
в Боснии и Герцеговине
и российская дипломатия

1878–1908

Институт славяноведения
Российской академии наук

Институт славяноведения
Российской академии наук

Л. Ю. Пахомова

БАЛКАНСКИЙ ЛАКМУС

Австро-
венгерская
политика
в Боснии и
Герцеговине
и российская
дипломатия
(1878-1908)

ИНДРИК
МОСКВА 2021

УДК 94(497.6)
(436).08
(47).08
ББК 63.3(0)5 3
П21

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-19-00181, не подлежит продаже)

Ответственный редактор
Л. А. Кирилина

Рецензенты:
кандидат исторических наук Л. В. Кузьмичева
кандидат исторических наук Г. Н. Энгельгардт

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН
(протокол № 6 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 24.11.2020)

Пахомова Л. Ю.

Балканский лакмус. Австро-венгерская политика
в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). —
М.: Индрик, 2021. — 288 с., илл.

ISBN 978-5-91674-610-5

DOI: 10.31168/91674-610-5

В центре внимания автора находятся деятельность российских консулов в Сараеве и работа дипломатов по решению боснийско-герцеговинского вопроса в период между двумя кризисами — Великим восточным и аннексионным. Берлинский конгресс, состоявшийся после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., передал Боснию и Герцеговину под управление Габсбургской монархии, оставив османского султана сувереном. В работе показывается, что у российского военного министерства был план помешать оккупации края. Предметом исследования стали также русско-австрийские переговоры о статусе провинций. Решения МИДа основывались на анализе ситуации в крае: центром сбора информации было консульство в Сараеве, поэтому в книге уделено внимание его функционированию. Впервые в историографии анализируется, как министерство иностранных дел России оценивало австро-венгерскую политику модернизации на оккупированной территории. Изучение этнографических трудов П.А. Ровинского и А.Н. Харузина дало возможность проследить изменения в жизни боснийцев и герцеговинцев в период австро-венгерской оккупации. Таким образом, в монографии предпринята попытка показать связь между внутренним развитием Боснии и Герцеговины и решением их судьбы на международном уровне.

© Пахомова Л.Ю., текст, 2021

© Издательство «Индрик», оформление, 2021

Содержание

Предисловие	7
Введение	9
До Берлинского конгресса	25
Босния и Герцеговина в русской и австрийской политике в 1850-х — 1870-х гг.	26
Миссия генерала Р.А. Фадеева в Боснии в 1878 г.	48
Начальный этап австро-венгерского управления в Боснии и Герцеговине	69
Босния и Герцеговина в 1879 г.: взгляд П.А. Ровинского	71
Управление в 1878–1882 гг. и восстание в Герцеговине	83
Православные Боснии и Герцеговины и российская дипломатия	99
Активная интеграционная политика Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине (1880-е — середина 1890-х гг.)	117
Политика Б. Каллая	118
Деятельность консула М.М. Бакунина	123
Роль российских дипломатов в назначении и отставке митрополита Саввы Косановича	133

Босния и Герцеговина в поле зрения российской общественности	145
Самоорганизация жителей Боснии и Герцеговины	154
Боснийский вопрос в русско-австрийских договорах	158
Трансформация режима управления Боснией и Герцеговиной (середина 1890-х — начало 1900-х гг.)	175
Русско-австрийское соглашение 1897 г.	176
Помощь российского МИДа боснийцам	184
Борьба за церковно-школьную автономию	191
Опыт австро-венгерского управления в Боснии и Герцеговине в оценке российского государственного деятеля и ученого А.Н. Харузина	209
Босния и Герцеговина — часть Габсбургской монархии (1908–1914 гг.)	219
Присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии	220
Подданные Франца Иосифа	240
Заключение	251
Список сокращений	255
Источники и литература	256
Карты и иллюстрации	277
Abstract	279
Именной указатель	280

Предисловие

Основой книги стала диссертация, защищенная в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2010 г. Некоторые идеи, выраженные в монографии, были апробированы ранее в статьях. Однако для книги многое пришлось переосмыслить, от некоторых мыслей отказаться, что-то добавить.

Работа бы не состоялась без помощи Людмилы Васильевны Кузьмичевой. Я ей безмерно благодарна за все, что она сделала для меня. Я очень признательна ответственному редактору Любови Алексеевне Кирилиной за все вопросы и замечания. Ее поддержка и советы позволили не опускать руки перед сложной темой. Искренне благодарю Ольгу Владимировну Хаванову за то, что поверила в меня. Пишу большое спасибо всем преподавателям кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, а также всем коллегам из Института славяноведения РАН. Невозможно переоценить помощь сотрудников архивов и библиотек, где я работала, особенно Архива внешней политики Российской империи и Государственной публичной исторической библиотеки России. Также я очень признательна издателю Татьяне Алексеевне Агапкиной за терпение и понимание. Сердечнейшие слова любви и благодарности — друзьям и семье.

Л. Пахомова
Москва, ноябрь 2020

Введение

С подписанием 13 июля 1878 г. Берлинского трактата в истории балканских народов наступил новый этап. Для всех народов, о которых шла речь в статьях мирного договора, это был важный шаг в государственном развитии. Сербия, Черногория, Румыния получили независимость, Болгарии была предоставлена автономия. По XXV статье был также изменен статус Боснии и Герцеговины: вилайет Османской империи перешел под управление австро-венгерского правительства, оставаясь формально под верховным правлением султана.

Во время восточного кризиса 1875–1878 гг. мировая общественность узнала о существовании такого края, как Босния и Герцеговина¹. В дальнейшем рост интереса к его истории почти всегда был связан с последующими политическими кризисами и конфликтами в регионе: с аннексионным кризисом 1908 г.² и с югославским кризисом

¹ Васильев А.В. Среди народных страданий. Пг., 1905 (переиздание); Веселитский-Божидарович Г.С. Публичное чтение Г.С. Веселитского-Божидаровича о положении славянских семейств Боснии и Герцеговины, бежавших по случаю восстания. СПб., 1876; Герцеговина в историческом, географическом и экономическом отношениях. СПб., 1875; Герцеговинское восстание и Восточный вопрос: Исторический очерк. СПб., 1876; Никшич. Лука Вукалович (Первое Герцеговинское восстание). М., 1875; Попов Н.А. Герцеговина и нынешнее восстание в ней. М., 1876; *Sainte-Maïrie E., De. L'Hercegovine. Etude de géographie et statistique.* Paris, 1875. Большой список австрийских сочинений такого рода привел в своей монографии А.Н. Харузин: Харузин А.Н. Босния-Герцеговина: Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. СПб., 1901. С. 21–24, 40–41.

² *Vitte E., de.* Босния и Герцеговина. Берлинский договор. Культурная миссия Австрии на Балканах. Мюрциштегское соглашение. Кременец, 1908; Вульфсон Э.С. Босния и Герцеговина. М., б.г.; Кораблев В.Н. Босния и Герцеговина. Их прошлое и настоящее. СПб., 1908; Коцебу П.Е.

1990-х гг.³ Большая часть работ носила публицистический характер, их целью было обратить внимание на проблемы в регионе. Эти материалы являются в основном отражением общественно-политической мысли стран, где они публиковались, и важны для ее изучения. Жители Боснии и Герцеговины часто показывались без своей субъектности — как объект чьей-либо политики.

Формирование национальной идентичности в многоконфессиональных Боснии и Герцеговине, где проживали православные, мусульмане, католики, иудеи, активно изучалось и в югославское⁴, и в постъюгославское время⁵.

Политическое, экономическое и военное значение присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии. Екатеринбург, 1911; Barr A. Босния и Герцеговина под австрийским владычеством. М., 1909; Joksimović Ч. Аннексия Боснии и Герцеговины. М., 1909; Кошутич Р. Сербский народ и аннексия Боснии и Герцеговины: Публичная лекция. СПб., 1908; Чериковер С. Сербия. Босния и Герцеговина. М., 1910; Станоевић С. Историја Босне и Херцеговине. Београд, 1909; Cvijić J. L'annexion de la Bosnie et la question Serbe. Paris, 1909; Лавров П.А. Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славянства. СПб., 1909.

³ Donia R.J., Fine J.V.A. Bosnia and Hercegovina. A Tradition Betrayed. New York: Columbia University Press, 1994; Malcolm N. Bosnia: A Short History. New York: New York University Press, 1994; Босна и Херцеговина од средњег века до нов вијег времена / ур. С. Терзић. Београд: САНУ, 1995; Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja Drugog svjetskog rata / ур. I. Tepić. Sarajevo: Bosanski kulturni centar, 1993; Glenny M. The Balkans. New York: Penguin, 2000; и др.

⁴ Kultura i umjetnost u Bosni i Hercegovini pod austrougarskim upravom / ред. R. Besarović. Sarajevo: Arhiv Bosne i Hercegovine, 1958; Borba Muslimana Bosne i Hercegovine za vjersku i vakufsko-mearifsku autonomiju / sabrao i uredio F. Hauptmann. Sarajevo: Arhiv Socijalističke Republike Bosne i Hercegovine, 1967; Gross M. Hrvatska politika u Bosni i Hercegovini od 1878. do 1914. // Historijski zbornik. Godina XIX–XX. 1966–1967. Zagreb, 1968; Hadžijahić M. Formiranje nacionalnih ideologija u Bosni i Hercegovini u XIX vijeku // Jugoslovenski istorijski časopis. 1970. Br. 1–2; Šehić N. Autonomni pokret Muslimana za vrijeme austrougarske uprave u Bosni i Hercegovini. Sarajevo: Svjetlost, 1980; Фрейдзон В.И. К истории боснийско-мусульманского этноса // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе / И.С. Миллер, В.И. Фрейдзон (отв. ред.). М.: Наука, 1981; Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. Сарајево: Веселин Маслеша, 1982; Đaković L. Političke organizacije bosanskohercegovačkih katolika Hrvata. Zagreb, 1985; и др.

⁵ Хойбергер В. Вена и Сараево: австро-венгерская политика по отношению к боснийским мусульманам // Австро-Венгрия. Опыт много-

Иногда сами научные труды можно рассматривать как часть процесса конструирования наций: например, в сербской и югославской исторической науке утвердилась традиция освещать прошлое Боснии и Герцеговины как часть истории сербского народа и сербских земель⁶. После окончания войны 1992–1995 гг. в Боснии появился ряд трудов, посвященных истории бошняков*; целью этих работ

национального государства / Т.М. Исламов, А.И. Миллер (отв. ред.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995; *Bataković D. La Bosnie-Herzégovine: le système des alliances* // Ислам, Балкан и велике силе (XIV–XX век). Међународни научни скуп 11–13. децембар 1996 / одг. ур. С. Терзић. Београд: Историјски институт САНУ, 1997; *Kržišnik-Bukić V. Вооsanski identitet između prošlosti, budućnosti*. Sarajevo: Sarajevska knjiga, 1997; *Babuna A. Die nationale Entwicklung der bosnischen Muslimen: mit besonderer Berücksichtigung der österreichisch-ungarischen Periode*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Wien: Peter Lang, 1996; *Grižak Z. Politička djelatnost vrhbosanskog nadbiskupa Josipa Stadlera*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2001; *Povijest Hrvata*. Zagreb: Školska knjiga, 2003–2007; *Redžić E. Historijski pogledi na vjerske i nacionalne odnose u Bosni i Hercegovini*. Sarajevo: Svjetlost, 2005; *Okey R. Taming Balkan Nationalism. The Habsburg 'Civilizing Mission' in Bosnia, 1878–1914*. New York: Oxford University Press, 2007; *Vervaeet S. Centar i periferija u Austro-Ugarskoj: dinamika izgradnje nacionalnih identiteta u Bosni i Hercegovini od 1878. do 1918. godine na primjeru književnih tekstova*. Zagreb; Sarajevo: Synopsis, 2013; *Bougarel X. Survivre aus empires. Islam, identité et allégeances politique en Bosnie-Herzégovine*. Paris: Karthala, 2015; *Hajdarpasic E. Whose Bosnia? Nationalism and Political Imagination in the Balkans, 1840–1914*. Ithaca: Cornell University Press, 2015; *Grunert H. Glauben im Hinterland. Die Serbisch-Orthodoxen in der habsburgischen Herzegowina 1878–1918*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2016; Српска национална и државна идеја у Босни и Херцеговини. Петар Кочић и Гаврило Принцип / Г. Васин, Д. Микавица. Нови Сад: Прометеј; РТВ, 2018; и др.

⁶ *Ковачевич Т. Опис Босне и Херцеговине*. Београд, 1865; *Ђоровић В. Историја Југославије*. Београд, 1933; *Ђоровић В. Политичке прилике у Босни и Херцеговини*. Београд: Народно дело, 1939; *Серия «Српски народ у XIX веку»*. Књ. 3–10, 15, 19. Београд, 1938–1940; *Екмечић М. Друштво, привреда и социјални немири у Босни и Херцеговини* // *Историја српског народа*. Књ. 6. Св. 1. Београд: Српска књижевна задруга, 1983; *Екмечић М. Стварање Југославије*. Књ. 2. Београд: Просвета, 1989; *Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања*. *Историја Срба у Новом веку (1492–1992)*. Београд: Завод за уџбенике, 2007.

* Бошняки — босњаци, мусульмане, боснијци-мусульмане. В 1968 г. Централный комитет Союза коммунистов Боснии и Герцеговины принял решение, что мусульманская религиозно-национальная общность стала национальностью. В документах переписи населения

было доказательство легитимности государства Босния и Герцеговина⁷.

Среди тех работ, где изучается формирование наций в Боснии и Герцеговине, следует выделить книгу С. Джайи⁸. Он исследовал культурную и интеллектуальную жизнь в этих областях в австро-венгерский период и ее роль в оформлении самоидентификации населения⁹. Историк утверждал, что у каждой группы — православной, мусульманской и католической — была собственная историческая память. Они ориентировались в политической и культурной сфере, каждая на свой зарубежный центр: православные — на сербство, мусульмане — на ислам и Османскую империю, католики — на хорватов с югославянским уклоном.

Мы предлагаем рассмотреть австро-венгерский период истории Боснии и Герцеговины как один из этапов завоевания обществом права на участие в управлении. Такая постановка вопроса дает возможность нивелировать слишком чувствительную этноконфессиональную проблему.

Нам бы хотелось, перед тем как приступить к исследованию, обратиться к подходу социолога Ч. Тилли, который, применяя сравнительно-исторический метод, показал, как общества пытаются добиться своих прав с помощью восстаний¹⁰. XIX век, как и во многих других регионах,

Социалистической Федеративной Республики Югославия появилась национальность «мусульмане».

⁷ *Filandra Š. Bošnjačka politika u XX. stoljeću. Sarajevo: Sejtarija, 1998; Jahić D. Bošnjački narod i njegov jezik. Sarajevo: Liljan, 1999; Bandžović S. Iseljavanje Bošnjaka u Tursku. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava, 2006; Imamović M. Historija Bošnjaka. Sarajevo: Bošnjačka zajednica kulture "Preporod", 1997.*

⁸ *Džaja S.M. Konfesionalnost i nacionalnost Bosne i Hercegovine. Mostar: ZIRAL, 1999.*

⁹ *Džaja S.M. Bosnien-Herzegowina in der österreichisch-ungarischen Epoche (1878–1918): die Intelligentsia zwischen Tradition und Ideologie. München: Oldenbourg, 1994.*

¹⁰ *Tilly C. et al. The Rebellious Century, 1830–1930. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1973; Tilly C. Popular Contention in Great Britain, 1758–1834. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995; Tilly C. Contention and*

для Боснии и Герцеговины был периодом борьбы за права. В первой половине столетия это были восстания мусульман против Стамбула и модернизации, но одновременно за автономию — сопротивление было подавлено, а реформы танзимата хотя и медленно, но осуществлялись¹¹. Во второй половине столетия за права стали бороться христиане: их голос был громче и слышен, потому что от их имени начали выступать великие христианские державы, ставшие гарантами их прав. Россия представляла православных, прислушиваясь к их мнению и принимая во внимание ситуацию в крае. Российские дипломаты были инструментом, используя который, христиане добивались прав, постоянно подавая обращения и жалобы. Одновременно у Петербурга были свои интересы защищать единоверцев, помогать им добиваться прав на переговорах с Портой, Австрийской (с 1867 г. — Австро-Венгерской) империей и другими участниками международных отношений. Однако эти стремления не всегда совпадали с интересами на других внешнеполитических направлениях. Тесную связь национализма балканских народов и российской внешней политики убедительно показали И.С. Галкин¹², С.А. Никитин¹³, В.М. Хевролина¹⁴,

Democracy in Europe, 1650–2000. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; на русском языке см.: Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг. / пер. с англ.; научный редактор перевода В.В. Анашвили. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2010.

¹¹ Sel Turhan F. The Ottoman Empire and the Bosnian Uprising: Janissaries, Modernisation and Rebellion in the Nineteenth Century. London: I. B. Tauris, 2014; Gölen Z. Tanzimat dönemi Bosna isyanları, 1839–1878. S.l.: Alter, 2009.

¹² Галкин И.С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905–1912 гг. М.: Изд-во МГУ, 1960.

¹³ Никитин С.А. Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50–70-е годы XIX в. // Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-х гг. XIX в. М.: Наука, 1970; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1–3. М.: Издательство АН СССР, 1961–1967.

¹⁴ Хевролина В.М. Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях (конец 60-х – начало 80-х гг. XIX в.). М.: Наука, 1986; Хевролина В.М. Босния и Герцеговина

О.Е. Петрунина¹⁵, Д. Вовченко¹⁶ и др.

Что касается Боснии и Герцеговины, публикация источников И. Тепичем¹⁷, а также группой советских и югославских историков¹⁸ в 1980-х гг. показала, что жители Боснии и Герцеговины были участниками диалога великих держав об их судьбе¹⁹. Большая работа по выявлению документов прервалась в начале 1990-х гг. В позапрошлом году вышла в свет монография К.В. Мельчаковой. В ней проанализированы деятельность боснийских православных общин в османское время (до 1875 г.) и помощь, которую им оказывали российские министерство иностранных дел (МИД) и общественность²⁰.

в балканской политике России (1865–1874 гг.) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия: Материалы «круглого стола» советских и югославских историков (Москва, апрель 1990 г.) / редколл.: Ю.А. Писарев, В.И. Шеремет, В.Г. Карасев, В.М. Хевролина, В.И. Косик, Н.В. Кабакова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. (Балканские исследования. Вып. 13); Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатъев. М.: Изд. центр Института российской истории, 2004; В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.). М.: Индрик, 2003.

¹⁵ Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М.: КДУ, 2010.

¹⁶ Vovchenko D. Containing Balkan Nationalism. Imperial Russia and Ottoman Christians, 1856–1914. New York: Oxford University Press, 2016.

¹⁷ Тепић И. Босна и Херцеговина у руским изворима, 1856–1878. Сарајево: Веселин Маслеша, 1988.

¹⁸ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864 / отв. ред. Ю.А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1985; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875 / отв. ред. Ю.А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1988; Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878: Документы / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2008.

¹⁹ Хевролина В.М. Православная церковь в Боснии и Герцеговине в 50–70-х гг. XIX в. и Россия // Церковь в истории славянских народов / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Институт славяноведения РАН, 1997. (Балканские исследования. Вып. 17.)

²⁰ Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.

Мы надеемся в своей книге продолжить работу коллег, тем более что австро-венгерский период истории Боснии и Герцеговины редко был предметом исследований в отечественной историографии. Деятельность русских консулов в Боснии и Герцеговине в то время, обсуждение проблем оккупированных провинций петербургским кабинетом и посольствами в Вене и Константинополе практически не привлекали внимания ученых. Мы постараемся восполнить пробел. При этом предлагаем рассматривать российскую дипломатию как часть или даже инструмент — очень сложный — борьбы за демократическую партиципацию в Боснии и Герцеговине. Дипломаты больше всего внимания уделяли православному населению, поэтому мы сконцентрируемся на нем. В 1880-х гг. они называли православных жителей то православными, то сербами, с 1890-х гг. — все чаще сербами. В терминологическом плане мы не будем сильно отступать от используемых документов. Боснию и Герцеговину для краткости будем иногда называть просто Боснией, боснийцев и герцеговинцев — боснийцами. Боснию и Герцеговину под австро-венгерским управлением часто называли Боснией-Герцеговиной. В некоторых случаях будем следовать такой традиции.

В литературе, посвященной истории национально-освободительного движения, много внимания уделяется действиям самих жителей Боснии и Герцеговины и габсбургских властей²¹. Однако в этих работах практически не говорится о роли России, которая была заинтересована помогать православным (сербам). Некоторые аспекты проблемы рассматривались российскими исследователями²².

²¹ Мацар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. Сарајево: Веселин Маслеша, 1982; Bataković D. Prelude to Sarajevo: The Serbian question in Bosnia and Herzegovina 1878-1914 // Balcánica. 1996. XXVII; Grunert H. Glauben im Hinterland. Die Serbisch-Orthodoxen in der habsburgischen Herzegowina 1878-1918. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2016

²² Кондратьева В.Н. К истории первых лет оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878-1889) // Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX в. (Документы и исследования) / отв. ред.

Наша тема оказывается смежной с другими, не менее сложными: австрийская политика в регионе, функционирование Габсбургской монархии, международные отношения на Балканах.

Для понимания особенностей интеграции новых земель немаловажную роль играет изучение опыта управления Габсбургской монархией как империей и причин ее распада²³. Иногда австрийскую политику в Боснии и Герцеговине

Д.Ф. Поплыко. М.: Наука, 1982. (Балканские исследования. Вып. 8); Фрейдзон В.И. Отклики в России на борьбу в Боснии и Герцеговине против оккупации в 1878 г. // *Otpor austrougarskoj okupacije 1878. godine u i Hercegovini / ur. М. Екмеčić. Sarajevo: ANUBiH, 1979; Вяземская Е.К. Пороховой погреб на Балканах — Босния и Герцеговина 1878–1918 гг. // На путях к Югославии: за и против: Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997; Она же. Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX в. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.). М.: Индрик, 2003; Она же. Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании югославянских наций / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Эдиториал УРСС, 1999; Новикова О.Н. Боснийско-герцеговинская политика Австро-Венгрии последней трети XIX – начала XX в. и ее роль в развитии международных отношений на Балканах: Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006.*

²³ Jászai O. *The Dissolution of the Habsburg Monarchy*. Chicago: University of Chicago Press, 1929; Taylor A.J.P. *The Habsburg Monarchy, 1809–1918: A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary*. London: Macmillan, 1942; May A. *The Habsburg Monarchy. 1867–1914*. New York: W.W. Norton, 1968; Kann R.A. *A History of the Habsburg Empire, 1526–1918*. Berkeley, 1974; Kann R.A., David Z.V. *The Peoples of the Eastern Habsburg Lands. 1526–1918*. Seattle: University of California Press, 1984; *Die Habsburgermonarchie 1848–1918*. Bd. I–XII. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973–2000; *Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the Soviet Union* / R.L. Rudolph, D.F. Good (eds). New York: St. Martin's Press in association with the Center for Austrian Studies, University of Minnesota, 1992; Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства / отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / редколл.: Т.М. Исламов, Е.Н. Масленникова, И.В. Попова, О.В. Хаванова (отв. ред.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997; Kolm E. *Die Ambitionen Österreich-Ungarns im Zeitalter des Hochimperialismus*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern: Peter Lang, 2001; Schall G. *Der österreichisch-ungarische Dualismus als Integrationskonzept*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2001; Судьба двух империй: Российская

рассматривают как колониальную. Не углубляясь в дискуссию о применении подходов колониальных исследований для Австро-Венгерской империи²⁴, отметим: большинство ученых сходятся во мнении, что в новых провинциях правительство заложило абсолютистский режим, при котором местные жители были ущемлены в правах. Б. Алексов называет его авторитарным патернализмом, основанным на политической культуре, которая проистекала из йозефинизма²⁵. Габсбургской монархии в оккупированных (с 1908 г. — аннексированных) провинциях необходимо было одновременно решать проблемы вестернизации, модернизации, секуляризации и интеграции в государственную систему. В это время Австро-Венгрия была не самой экономически развитой страной мира, но она переживала расцвет культуры и науки. В 1880-х – 1900-х гг. империя активно изучала свое многообразие: с 1886 по 1902 г. было издано 24 тома книг, где давался обзор состояния национальностей, населяющих монархию²⁶. Собрание условно называется «Трудами кронпринца», потому что первым издателем был эрцгерцог Рудольф. Специфика задачи австро-венгерской администрации заключалась в том, что монархия получила провинции с мусульманским населением, традициями почти четырехсотлетнего

и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения / Л.П. Колодникова (ред.-сост.). М.: ИЦ Института российской истории РАН, 2006; Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв.: Материалы международной конференции. Москва, 15–18 мая 2007 г. / под общ. ред. Е.И. Пивовара. М.: РГГУ, 2009; и др.

²⁴ См. об этом: Wechselwirkungen. Austria-Hungary, Bosnia-Herzegovina, and the Western Balkans, 1878–1918 / ed. by C. Ruthner, D. Reynolds Cordileone, U. Reber, R. Detrez. New York: Peter Lang Publishing, 2015.

²⁵ Aleksov B. Habsburg Confessionalism and Confessional Policies in Bosnia and Herzegovina // Wechselwirkungen. Austria-Hungary, Bosnia-Herzegovina, and the Western Balkans, 1878–1918 / ed. by C. Ruthner, D. Reynolds Cordileone, U. Reber, R. Detrez. New York: Peter Lang Publishing, 2015.

²⁶ Heuberger V. Unter den Doppeladler: die Nationalitäten der Habsburger Monarchie 1848–1918. Wien: Brandstätter, 1997. S. 12–13. Сами «Труды кронпринца»: Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild / Erzherzog Rudolf (Hrsg.). Bd. 1–24. Wien: k.k. Hof- und Staatsdruckerei; Alfred von Hölder, 1886–1902.

османского государственного управления, сложным этноконфессиональным клубком проблем, которые усугублялись амбициями соседних государств.

Австро-венгерское управление Боснией и Герцеговиной, возможно, самый изученный период в ее истории²⁷. Учеными из разных стран были написаны исследования по следующим аспектам модернизации и инкорпорации оккупированных провинций в Габсбургскую монархию: индустриализация и связанный с ней рабочий вопрос²⁸, правовое положение²⁹, военная организация³⁰, языковая³¹ и торговая политика³², история городов и урбанизации³³, культурное

²⁷ Первые работы появились еще перед Первой мировой войной и межвоенное время. См., например: *Schmid F.* Bosnien und die Herzegowina unter der Verwaltung Österreich-Ungarns. Leipzig, 1914; *Скарић В., Нури-Хаџић О., Стојановић Н.* Босна и Херцеговина под аустро-угарском управом. Београд, с/а. (Српски народ у XIX веку. Књ. 15.)

²⁸ *Sugar P.F.* Industrialization of Bosnia-Hercegovina, 1878–1918. Seattle: University of Washington Press, 1963; *Hauptmann F.* Die Österreichisch-ungarische Herrschaft in Bosnien und der Herzegowina 1878–1918. Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsentwicklung. Graz: Institut für Geschichte der Universität, 1983; *Juzbašić D.* O uključenju Bosne i Hercegovine u zajedničko carinsko područje // Prilozi Instituta za istoriju u Sarajevu. Godina XVII. Br. 19. Sarajevo, 1982; *Juzbašić D.* Politika i privreda u Bosni i Hercegovini pod austrougarskom upravom. Sarajevo: ANU BiH, 2002; *Hadžibegović I.* Postanak radničke klase u Bosni i Hercegovini i njen razvoj do 1914. Sarajevo: Svetlost, 1980

²⁹ *Imamović M.* Pravni položaj i unutrašnje-politički razvitak Bosne i Hercegovine: od 1878. do 1914. Sarajevo: Bosanski kulturni centar, 1997.

³⁰ *Šehić Z.* U smrt za cara i domovinu! Bosanci i Hercegovci u vojnoj organizaciji Habsburške Monarhije. 1878–1918. Sarajevo: Kulturno naslijeđe, 2007.

³¹ *Juzbašić D.* Nacionalno-politički odnosi u bosanskohercegovačkom saboru i jezičko pitanje (1910–1914). Sarajevo: ANU BiH, 1999.

³² *Kasumović A.* Austrougarska trgovinska politika u Bosni i Hercegovini 1878–1914. Sarajevo: Udruženje za modernu historiju / Udruga za modern povijest, 2016.

³³ *Крушевац Т.* Сарајево под аустро-угарском управом 1878–1918. Сарајево: Издање Музеја града Сарајева, 1960; *Kreševljaković H.* Sarajevo za vrijeme austrougarske uprave (1878–1918). Sarajevo: Arhiv grada Sarajeva, 1969; *Kurto N.* Arhitektura austrougarskog perioda u Bosni i Hercegovini. Historijske osnove rane moderne // Prilozi Instituta za istoriju u Sarajevu. Br. 28. Sarajevo, 1999; *Donia R.J.* Sarajevo. A Biography. London: Hurst & Company, 2006; *Sundhaussen H.* Sarajevo. Die Geschichte einer Stadt. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2014.

развитие³⁴, а также по общим вопросам³⁵. Отдельным событиям, таким как восстание 1882 г.³⁶, посвящены в основном работы югославских историков. Фундаментальный труд об управлении оккупированными территориями написал Т. Кралячич — «Режим Каллая в 1882–1903 гг.»³⁷. Автор называл систему управления абсолютистской, при этом он отмечал положительные моменты экономической модернизации. Еще одним капитальным трудом по австро-венгерскому периоду является книга Р. Донии «Ислам под двуглавым орлом»³⁸. Несмотря на усилия Бенямина Каллая, его мечта о мирном сосуществовании боснийцев не реализовалась, одной из причин чего, как полагает Дониа, было то, что общеимперский министр, который не применял политических мер, не смог преодолеть этнические противоречия.

История дипломатического решения боснийского вопроса раскрыта во многих трудах по истории

³⁴ Reynolds D. Kavaljeri, kostimi, umjetnost: kako je Beč doživljavao Bosnu, 1878–1900 // Prilozi Instituta za istoriju u Sarajevu. Br. 31. Sarajevo, 2002; Sparks M. The Development of Austro-Hungarian Sarajevo, 1878–1918. An urban history. London; New York: Bloomsbury Academic, 2014.

³⁵ См., например: Bosna i Hercegovina u okviru Austro-Ugarske 1878–1918. Međunarodna konferencija održana u Sarajevu 30. i 31. marta 2009. Zbornik radova / gl. ur. Z. Šehić. Sarajevo: Filozofski fakultet u Sarajevu, 2011. На русском языке см.: Пахомова Л.Ю. К вопросу об австро-венгерском управлении в Боснии и Герцеговине // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной и Восточной Европе, XVIII–XX вв. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. (Центральноевропейские исследования. Вып. 9.)

³⁶ Капицић Х. Један докуменат из 1880. године // Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине. Година 2. Сарајево, 1950; Kapidžić H. Hercegovački ustanak 1882. godine. Sarajevo, 1958; Kapidžić H. Bosna i Hercegovina pod austrougarskom upravom. Sarajevo, 1968.

³⁷ Kraljačić T. Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882–1903). Sarajevo: Veselin Masleša, 1987.

³⁸ Donia R.J. Islam under the Double Eagle: The Muslims of Bosnia and Hercegovina, 1878–1914. New York: Columbia University Press, 1981; Donia R.J. The Habsburg Imperial Army in the Occupation of Bosnia and Hercegovina // Insurrections, wars and the Eastern Crisis in the 1870s / B.K. Király, G. Stokes (eds). New York: Columbia University Press, 1985; Donia R.J., Fine J.V.A. Bosnia and Hercegovina. A Tradition Betrayed. New York: Columbia University Press, 1994.

международных отношений, а также истории внешней политики Австро-Венгрии и Сербии³⁹. Боснийская проблема изучалась глубоко и последовательно в контексте решения Россией восточного вопроса⁴⁰.

³⁹ Seton-Watson R. *The Role of Bosnia in International Politics 1875–1919*. London: H. Milford, 1932; *Војводић М. Путеви српске дипломатије. Огледи о спољној политици Србије у XIX и XX веку*. Београд: Clio, 1999; *Медяков А.С. Между Востоком и Западом: внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871)*. М.: Русское слово, 2010; *Агансон О.И. Политика Великобритании в Юго-Восточной Европе в условиях кризиса Балканской подсистемы международных отношений: 1903–1914 гг.* Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; *Прешленова Р. Австро-Унгария и Балканите (1878–1912)*. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2017; *Medlicott W.N. The Congress of Berlin and After. A Diplomatic History of the Near Eastern Settlement, 1878–1880*. Edinburgh: Frank Cass & Co, 1963; *Bridge F.R. From Sadowa to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary. 1866–1914*. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1972; *Bridge F.R. The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1915*. New York; Oxford; Munich: Berg, 1990; *Diószegi I. Bismarck und Andrassy: Ungarn in der deutschen Machtpolitik in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts*. Wien; München: Oldenbourg, 1999; *Adam K. Großbritannien's Balkandilemma: die britische Balkanpolitik von der Bosnischen Krise bis zu den Balkankriegen 1908–1913*. Hamburg: Kovač, 2009; *Rauscher W. Die fragile Großmacht: Die Donaumonarchie und die europäische Staatenwelt 1866–1914*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014; *Williamson S., Jr. Austria-Hungary and the Origins of the First World War*. London: Palgrave Macmillan, 1990; *Kakanien revisited*. URL: <https://www.kakanien-revisited.at/>; и др.

⁴⁰ *Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос*. М., 1970 (переиздание); *Бутковский Я.Н. Сто лет австрийской политики в Восточном вопросе*. Т. 1, 2. СПб., 1888; *Жигарев С.А. Русская политика в Восточном вопросе*. Т. 1, 2. М., 1896; *Хвостов В.М. История дипломатии*. Т. 2. Дипломатия в новое время, 1871–1914. М.: Госполитиздат, 1963; *Виноградов К.Б. Боснийский кризис: пролог первой мировой войны*. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964; *Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза*. М.: Наука, 1974; *Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в.* / отв. ред. Н.С. Киняпина. М.: Наука, 1978; *Россия и восточный кризис 70-х гг. XIX в.* / под ред. И. А. Федосова и др. М.: Изд-во МГУ, 1981; *Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны*. М.: Наука, 1985; *Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. (1878–1898 гг.)*. М.: Изд-во МГУ, 1994; *Золотухин М.Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888 гг.)*. М.: Наука, 1993; *Jelavich B. Russia's Balkan Entanglements, 1806–1914*. New York: Cambridge University Press, 1991; *Anderson M. The Eastern Question 1774–1923. A Study in International Relations*. London: Macmillan, 1966; *Marrinott J. The Eastern Question. An Historical Study in European Diplomacy*. Oxford:

Поскольку мы используем оптику российских дипломатов, необходимо иметь в виду ситуацию в Российской империи, которая в 1880-х – 1890-х гг. переживала спокойный внешне, но довольно бурный внутренне период своей истории⁴¹. Переключение внимания на Дальний Восток привело к войне с Японией в 1904–1905 гг., сразу за ней случилась Первая русская революция. У империи Романовых были свои задачи по управлению провинциями и инкорпорации новых окраин с мусульманским населением⁴². Во внешней политике решения принимались царем на основе поданных на его имя записок от представителей правящей элиты. Взгляды многих из них изучены достаточно хорошо⁴³. Диапазон мне-

Clarendon Press, 1968; *Seton-Watson R. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question*. London: Frank Cass, 1971; *Sugar P.F. Austria-Hungary and the Balkan Crisis: An Ingenious Improvisation // Insurrections, wars and the Eastern Crisis in the 1870s* / В.К. Király, G. Stokes (eds). New York: Columbia University Press, 1985; *Haselsteiner H. Bosnien-Herzegovina. Orientkrise und Südslavische Frage*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 1996; 1908, l'annexion de la Bosnie-Herzégovine, cent ans apres / C. Horel (dir.). Bruxelles: Peter Lang, 2011; *История Балкан. На переломе эпох (1878–1914)* / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2017; и др.

⁴¹ О внешней политике России в последней трети XIX – начале XX в. см. работы, указанные в предыдущей сноске, а также: *Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века*. М.: ИРИ РАН, 1993; *Игнатъев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914. Тенденции, люди, события*. М.: Наука, 2000; *Игнатъев А.В. Внешняя политика России в конце XIX – начале XX в. Россия перед вызовами новой эпохи*. М.: Геос, 2011; *Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи: В 4 т. Т. 3, 4*. М.: Кучково поле: 2018; и др.

⁴² *Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall*. München: Beck, 1992; *Миллер А.И. Западные окраины Российской империи*. М.: НЛЮ, 2006; *Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. New Haven: Yale University Press, 2003; *Аранов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.)*. М.: Наталис, 2006; и др.

⁴³ *Рыбаченок И.С. А.Б. Лобанов-Ростовский во главе российского МИД // Портреты российских дипломатов* / отв. ред. А.В. Игнатъев. М.: Институт истории СССР, 1991; *Авдеев В.Е. А.П. Извольский — глава внешнеполитического ведомства России: 1906–1910 гг. Дис. ... канд. ист. наук*. М., 2006; *Чернов О.А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова*. Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2010; *Лошаков А.Ю. Граф В.Н. Ламздорф — государственный деятель и дипломат. Дис. ... канд. ист. наук*. М., 2016.

ний проанализировала И.С. Рыбаченок, которая отметила их схожесть в том, что в каждом из них Россия представит как великая держава с исторической миссией стать связующим звеном между Востоком и Западом. Общая позиция МИДа излагалась в инструкциях послам⁴⁴, о конкретных действиях консультировались в переписке. Главной опорой ближневосточной политики России было православие — успех политической концепции опирался на организацию жизни немусульманского населения Османской империи⁴⁵. Представляется справедливым мнение Л.А. Герд, что некорректно использовать термин «панславизм» в истории российской внешней политики после 1878 г.: он становится «условным ярлыком» ее противников⁴⁶.

Нельзя не упомянуть, что в историографии существуют работы, где рассматривается боснийский вопрос в русско-австрийских отношениях. Одна из них — диссертация Н. Самонского, защищенная в Венском университете в 1928 г. Она интересна тем, что для отражения российской позиции автор использует донесения австро-венгерских послов в Петербурге: дипломаты много внимания уделяли общественному мнению⁴⁷. Такой фокус также объясняется тем, что многие документы Австрийского архива были закрыты. Другое исследование провела О.Н. Новикова, которая в основном изучила аннексионный кризис и реакцию российской прессы на него⁴⁸. Труды и богатый опыт предшественников позволяют нам

⁴⁴ Рыбаченок И.С. Коренные интересы России в представлениях ее государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX – начале XX века // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М.: Наука, 2007.

⁴⁵ Герд Л.А. Константинопольский патриархат и Россия. 1901–1914. М.: Индрик, 2012.

⁴⁶ Там же. С. 44–45.

⁴⁷ Samonsky N. Bosnien und Herzegovina in den Beziehungen zwischen Österreich-Ungarn und Russland. 1882–1908. Dissertation. Wien, 1928.

⁴⁸ Новикова О.Н. Боснийско-герцеговинская политика Австро-Венгрии последней трети XIX — начала XX в. и ее роль в развитии международных отношений на Балканах. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006.

сосредоточиться на нашей основной цели — осветить работу российских дипломатов.

В 1897 г., когда было заключено русско-австрийское соглашение, посол в Вене Петр Алексеевич Капнист много писал о значении оккупированных провинций для Габсбургской монархии и о том, что Вена воспринимала боснийский вопрос как своеобразную «лакмусовую бумажку», «мерило» ее отношений с Россией⁴⁹. Такое определение дипломата, проработавшего в Австро-Венгрии много лет, нам показалось наиболее удачным, поэтому мы вынесли его в название книги.

В монографии вводится в научный оборот ряд материалов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Российского государственного исторического архива (РГИА), а также привлекаются документы австро-венгерской администрации из Архива Боснии и Герцеговины (Сараево). Особое значение для исследования имели коллекции фондов АВПРИ, где были изучены источники разных видов: официальные документы, личная и деловая переписка, материалы прессы. Для реконструкции формирования русской политики в отношении боснийского вопроса были использованы фонды канцелярии министра иностранных дел⁵⁰, императорских посольств в Вене и Константинополе⁵¹, миссии в Белграде⁵², Санкт-Петербургского Главного архива⁵³,

⁴⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I.R. 1897; Ф. 138. Оп. 467. Д. 156 (156/161). Обмен письмами между Муравьевым и Лихтенштейном о сохранении статус-кво на Балканском полуострове и переписка МИД с послом в Вене Капнистом по этому же вопросу. 1897.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 133.

⁵¹ АВПРИ. Ф. 172; Ф. 180.

⁵² АВПРИ. Ф. 166.

⁵³ АВПРИ. Ф. 161/1; Ф. 161/2; Ф. 161/3.

Славянского⁵⁴ и Турецкого столов⁵⁵. Документы секретного архива министра⁵⁶ дают представление о механизме выработки решений по внешнеполитическим вопросам, в том числе о статусе Боснии и Герцеговины.

Если в середине XIX в. российские дипломаты мною го анализировали рассматриваемый край как ученые, то к концу столетия, с развитием науки и государственных институтов, сотрудники МИДа подробно не останавливались на проблемах идентичности жителей Боснии, хотя и упоминали их в контексте эффективности управления империей. Развитие общества и его ценностей стало анализироваться с применением научного инструментария. Поэтому мы в своей работе используем труды знаменитых этнографов — П. А. Ровинского и А. Н. Харузина, — которые частично дают возможность проследить изменения в жизни боснийцев в период австро-венгерской оккупации.

При цитировании источников XIX в. в работе используется современная орфография. Даты по тексту даны по новому стилю, в сносках названия некоторых дел включают двойную датировку.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 146.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 149.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 138.

До Берлинского конгресса

Восточный кризис 1875–1878 гг. начался с восстания, которое можно рассматривать как наивысшую точку в череде попыток завоевать права массовым насильственным способом, предпринятых герцеговинцами и боснийцами в XIX в.

После окончания Крымской войны сложилась новая ситуация на международной арене. Россия существенно изменила свою внешнеполитическую программу. Австрийская империя, выступившая фактически на стороне противников России в 1853–1856 гг., способствовала углублению противоречий между Петербургом и Веной. Это противостояние не могло не отразиться на судьбе Балканского полуострова, где сталкивались интересы обеих держав.

В этой главе, несмотря на то что существует обширная литература по истории международных отношений и политике великих держав¹, мы позволим себе дать краткий обзор позиций России и Габсбургской монархии по боснийско-герцеговинскому вопросу до 1878 г. Нам кажется, что он позволит понять дальнейшие действия империй. Один из параграфов будет посвящен миссии генерала Р.А. Фадеева, предлагавшего помешать австро-венгерской оккупации османской провинции.

¹ Одна из современных работ о прелюдии оккупации: *Detrez R. Reluctance and Determination: The Prelude to the Austro-Hungarian Occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878 // Wechselwirkungen. Austria-Hungary, Bosnia-Herzegovina, and the Western Balkans, 1878–1918 / ed. by C. Ruthner, D. Reynolds Cordileone, U. Reber, R. Detrez. New York: Peter Lang Publishing, 2015. P. 21–40.*

Босния и Герцеговина в русской и австрийской политике в 1850-х – 1870-х гг.

Боснию и Герцеговину называют «терра инкогнита» для России XIX в.², однако она не была таковой для Габсбургской империи. Далматинские монахи оставили письменные источники об этих османских землях³, в начале XIX в. действовали консульства — на основе дипломатических документов Иво Андрич написал роман «Травницкая хроника»⁴. Францисканец Иван Франьо Юкич написал первую историю Боснии еще в 1851 г.⁵

У Австрийской империи была одна из самых протяженных границ с Османской империей как раз по Боснии и Герцеговине. Еще в 1626 г., во время Тридцатилетней войны, австрийцы, преследуя турок, вторглись в Боснию и разрушили город Сараево. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. венский кабинет выступал за приращение империи за счет Сербии с Белградом и части Боснии вместо участия монархии Габсбургов в первом разделе Польши⁶. Балканский проект Екатерины Второй предусматривал создание царства на территории бывшей Византийской империи путем раздела Балканского полуострова между

² Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.

³ Molnár A. Confessionalization on the Frontier. The Balkan Catholics between Roman Reform and Ottoman Reality. Roma: Viella, 2019. (Interadria. Culture dell'Adriatico, 22); Jalimam D. Djelatnost dominikanaca u srednjovjekovnoj Bosni. Tuzla: Hamidović, 1999.

⁴ Šamić M. Istorijski izvori Travničke hronike Ive Andrića i njihova umjetnička transpozicija. Sarajevo: Veselin Masleša, 1962.

⁵ Jukić I.F. Putopisi i istorisko-etnografski radovi. Sarajevo: Svjetlost, 1953.

⁶ См. подробнее: Бронза Б. Аустријска политика према простору Босне и Херцеговине: 1699–1788. Бања Лука: Филозофски факултет, 2012; Туполев Б.М. «Дранг нах Зюд-Остен» // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.). М.: Индрик, 2003. С. 54–55.

Австрией и Россией. Согласно плану, западную часть полуострова должны были занять Габсбурги⁷.

В 1840-х гг. в Вене высказывалась мысль опередить Сербию, стремившуюся присоединить Боснию. Различные проекты захвата были и в 1850-х гг., прежде всего в военных кругах⁸. Именно тогда наблюдалась активизация венской политики. Австрийское консульство в Сараеве было основано в 1850 г., а открыто 19 апреля 1851 г., с приездом первого австрийского консула Марко Вулетича. В 1853 г. было открыто вице-консульство в Мостаре, были созданы консульские агентства в Баялуке (1852 г.), Тузле (1854 г.), Ливно (1853 г.)⁹. В 1852 г. Австрийская империя добилась от Порты покровительства над католиками Боснии и Герцеговины¹⁰. Вена с момента учреждения консульств внимательно следила за делами, касающимися христиан, особенно католиков. Об этом в одном из своих ранних донесений писал первый русский консул в Сараеве Александр Федорович Гильфердинг¹¹. Так как Габсбургская империя по географическому положению находилась недалеко, оттуда приезжали путешественники и офицеры, к которым также обращались боснийцы и герцеговинцы. В то время как российское консульство обязано было советовать терпение и благоразумие, австрийские консулы действовали менее осторожно

⁷ Век Екатерины. Дела балканские / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 2000. С. 213–219.

⁸ Медяков А.С. Между Востоком и Западом: внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М.: Русское слово, 2010. С. 154.

⁹ См. комментарий № 2 к документу № 12 // Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864 / отв. ред. Ю.А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1985. С. 44.

¹⁰ Краткий обзор отношений России и Турции за последние 200 лет // Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 6. СПб., 1911. С. 3.

¹¹ Донесение А.Ф. Гильфердинга Е.П. Ковалевскому с характеристикой внутривосточного положения Герцеговины и о целесообразности учреждения российского консульства в Мостаре. 31 мая 1857 г. // Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 42.

и даже подстрекали местное население к сопротивлению помещикам и властям¹². Однако, как заметил секретарь консульства в Сараеве Александр Семенович Ионин, то, что боснийцы во время волнений 1857–1858 гг. принимали помощь от Австрии, для них не значило, что в их планы входило совместное будущее с ней¹³. Позже австрийцы стали привлекать новых подданных из Боснии и Герцеговины, в основном во время восстаний. Так, известно, что австрийские агенты раздавали паспорта жителям восставших районов. В 1864 г. в провинции проживало до 120 тыс. австрийских подданных¹⁴.

Во второй половине 1860-х гг. во внешней политике Габсбургской монархии восточный вопрос выходит на одно из первых мест. В это же время обостряется ситуация на полуострове и активизируется Сербия со своими планами создания Балканского союза и практической подготовкой восстания в Боснии; большую роль сыграла кажущаяся готовность великих держав пойти на уступки восставшим на острове Крит, вплоть до его присоединения к Греции. Сербское княжество надеялось создать сходную ситуацию в Боснии и Герцеговине и присоединить их¹⁵.

Именно тогда планы Австрии захватить Боснию начали обретать все более четкие очертания, поскольку для Вены это стало средством отчасти возместить материальные

¹² Записка А.Ф. Гильфердинга российскому консулу в Сараеве Е.Р. Шулепникову о задачах и условиях деятельности консульства // Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 145.

¹³ Донесение А.С. Ионину А.П. Бутеневу о возвращении посавинской депутации из Вены в Сараево и о встрече с Й. Ковичем // Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 186.

¹⁴ Донесение управляющего российским консульством в Сараеве А.Н. Кудрявцева Н.П. Игнатьеву о действиях австрийских агентов по укреплению влияния Австрии // Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 451–452.

¹⁵ О внешней политике Сербии см.: *Леовац Д.* Србија и Русија за време друге владавине кнеза Михаила (1860–1868). Београд: Службени гласник, 2015; *Рајић С.* Спољна политика Србије. Између очекивања и реалности. 1868–1878. Београд: Српска књижевна задруга, 2015; и др.

и моральные потери¹⁶. Например, в 1866–1867 гг. австрийский полковник Ленк составил оперативный план вторжения в Боснию¹⁷. В феврале – марте 1867 г. австрийское правительство узнало о готовящемся Сербией восстании в Боснии и Герцеговине и не замедлило провести усиление на южных рубежах. Военным представителям в Далмации поступило указание вторгнуться в Боснию и Герцеговину, если такой же шаг предпримет Сербия. При этом Австрия заручилась поддержкой Франции. Затем последовало устное предупреждение князю Михаилу. Несмотря на эти разногласия, Австрия продолжила курс укрепления отношений с Белградом.

Австрийский министр иностранных дел Фридрих фон Бойст считал, что Босния и Герцеговина должны принадлежать или Австрии, или Турции, — третий вариант он не рассматривал¹⁸. В российском МИДе считал, что после поражения в австро-прусской войне Франц Иосиф задумал в качестве территориальной компенсации за потерю итальянских владений завладеть Боснией и полагал, что должен оставить наследство не меньшее, чем получил он сам. В 1867 г. император-король поделился своей мыслью с Ференцем Деаком, чей «преклонный возраст иногда делал его очень болтливым». Он «об этом рассказал, в том же самом году, в одной из своих речей в венгерском рейхстаге как об известном и решенном проекте»¹⁹.

Однако известно, что балканская программа Дьюлы Андраши не предусматривала присоединения новых славянских территорий к империи. Австро-венгерский

¹⁶ Медяков А.С. Между Востоком и Западом. С. 154–155.

¹⁷ Калај Б. Дневник Беџамина Калаја / обрада и коментар А. Раденић. Београд: Историјски институт; Нови Сад: Институт за историју Војводине, 1976. С. 419.

¹⁸ Медяков А.С. Между Востоком и Западом. С. 160.

¹⁹ Строго конфиденциальное письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского министру Н.К. Гирсу. 29 октября (10 ноября) 1883 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 759/764. 826. Донесения Лобанова-Ростовского из Вены. 30 сентября (12 октября) 1882 – 29 января (6 февраля) 1889 г. Л. 61.

премьер-министр изрек знаменитую фразу о «венгерской ладье», которая может утонуть, если добавить в нее еще один золотой слиток. Это высказывание было сделано в августе 1868 г. на встрече с Наполеоном III в ответ на его предложение занять Боснию. У самого Андраши в том же году был план, по которому он хотел отговорить Францию от конфликта с Пруссией и в союзе с Австро-Венгрией пойти войной против России под лозунгом освобождения поляков. Здесь кстати пришлось предложение сербского офицера и советника князя Михаила Антоние Орешковича и австрийского генерального консула в Белграде Бенямина Каллая. Они выступали за передачу Боснии Сербскому княжеству, если последнее будет придерживаться благожелательного по отношению к Австро-Венгрии нейтралитета в предполагаемой русско-австрийской войне²⁰. Однако, по мысли Каллая и Орешковича, не все территории Боснии и Герцеговины должны были быть переданы Сербии: Турецкую Хорватию должна была включить в свои пределы дуалистическая монархия²¹.

Присоединение к Сербии Боснии и Герцеговины с помощью Вены было откровенной провокацией австрийского правительства. Бенямин Каллай получил от министерства иностранных дел нелегкое задание, при выполнении которого Орешкович стал бы «хорошим оружием». Задача состояла в том, чтобы навсегда поссорить хорватов и сербов, тем более что они активно работали над претворением в жизнь югославянской идеи²². Каллай нашел эффективное средство — боснийский вопрос. Консул считал, что из-за боснийско-герцеговинских территорий антагонизм Хорватии и Сербии только усилится, а если поддерживать обеих: Хорватию — передачей Далмации и Военной границы, Сербию — присоединением Боснии, Габсбургская империя только углубит их

²⁰ Раденић А. Предговор // Калај Б. Дневник Бењамина Калаја / обрада и коментар А. Раденић. Београд: Историјски институт; Нови Сад: Институт за историју Војводине, 1976. С. XVII.

²¹ Калај Б. Дневник Бењамина Калаја. С. 78.

²² Ibid. С. 116.

противостояние и в конце концов сможет приобрести Боснию для себя²³. В связи с этим возник спор в венском кабинете о демилитаризации Военной границы. Каллай выступал за ликвидацию Границы. Он считал, что лишь при выполнении этого условия возможно обладание Боснией. Б. Каллай уже в 1868 г. был уверен, что Босния и Герцеговина однажды станут австро-венгерскими владениями²⁴. В начале 1870-х гг. австро-венгерский консул в Баня-Луке Драганчич намекал на возможную аннексию Боснийского вилайета дуалистической монархией²⁵.

Обещания Вены Белграду преследовали еще одну цель — привлечение Сербского княжества в фарватер австрийской политики. Сербию нужно было успокоить тем, что соседняя монархия не имеет видов увеличиваться в сторону Боснии и Герцеговины²⁶. К тому же сербское правительство само обратилось за помощью к Австро-Венгрии. Естественно, что зондирование почвы в основном велось через консула Каллая. Когда он работал в Белграде, с ним почти каждый день беседовали военный министр Миливое Блазнавац, премьер Йован Ристич и другие видные государственные деятели княжества. В 1869 г. Блазнавац предложил Вене в случае русско-австрийского вооруженного конфликта вариант, который предполагал выступление Сербии с войной против Турции, за что у австро-венгерского правительства просил Боснию и Герцеговину²⁷. Это только один из эпизодов, когда консул и сербские военные и политики обсуждали судьбу Боснии и Герцеговины.

²³ Ibid. С. 176.

²⁴ Раденић А. Предговор. С. XXV.

²⁵ Донесение Драганчича С. Теодоровичу об усилении австрийского влияния среди католического и православного населения Банялукского округа и об обращении христиан к правительству Австро-Венгрии с просьбой о защите // Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875 / отв. ред. Ю.А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1988. С. 314.

²⁶ Раденић А. Предговор. С. XVII.

²⁷ Калај Б. Дневник. С. 221.

В самом начале 1870 г. премьер Ристич предложил Каллаю план по приобретению Боснии и Герцеговины. Сербский министр аргументировал его тем, что только Австро-Венгрия может помочь, так как Россия видит югославянское будущее лишь под своим покровительством, а Сербия такого развития событий не желает. Проект заключался в том, чтобы вызвать восстание в Боснии и Герцеговине, а затем, воспользовавшись обострившейся ситуацией, предложить Высокой Порте свои услуги по усмирению и наведению порядка в регионе, поскольку турецкое правительство не может с ним справиться. Компенсацией за пацификацию в интересах самой же Порты должна была стать Босния. Тогда могли бы вмешаться и другие державы, Австро-Венгрия в том числе. На этой встрече австрийский консул предложил повременить с восстанием и дипломатическими путями решить боснийский вопрос²⁸.

В действительности Австро-Венгрия никогда не согласилась бы на такое предложение и не пошла бы на такой шаг. Такой ход сделал бы возможным образование большого славянского государства по соседству с ней. Вена понимала, что оно, несомненно, привлекало бы австрийских славян. Андраши хотя и был против увеличения числа славянских подданных, но не мог допустить осуществления «великосербских» идей, что означало бы начало развала самой Австро-Венгерской империи. Поэтому он согласился с идеей присоединения Боснии и Герцеговины²⁹.

Таким образом, Австро-Венгрия преследовала несколько целей. 1) У высшего руководства империи появился шанс отвлечь императора от реваншистских планов в Германии. 2) Андраши и Каллай надеялись лишить почвы югославянскую идею, так как лучшим результатом политики присоединения Боснии было бы зарождение враждебности между сербами и хорватами. 3) Новый план удовлетворял претензии хорватов на боснийские земли, что было важно с точки

²⁸ Калај Б. Дневник. С. 262.

²⁹ Sosnosky T. Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns. Berlin; Stuttgart, 1913. S. 140-143.

зрения переговоров с хорватами о соглашении; население в Боснии и Герцеговине было относительно невелико, и можно было притянуть на свою сторону мусульман, а католики и так поддерживали бы своих единоверцев. 4) Играл роль личностный аспект: «Андраши, “приумножив империю”, мог бы рассчитывать на благосклонность императора, что было крайне важно в несовершенных конституционных условиях Австро-Венгрии, где позиции ведущих министров фактически зависели от воли кайзера»³⁰.

Был еще один немаловажный фактор, влиявший на внешнеполитический курс Габсбургской империи. Для нее соседние Босния и Герцеговина являлись источником разного рода нестабильности. Если в крае вспыхивали восстания или создавалась кризисная ситуация, то возникала угроза ее владениям. Бывали случаи, когда в урегулировании конфликтов в Боснии и Герцеговине участвовали далматинские власти. Наиболее известны задания генерала Гаврило Родича, который с 1860-х гг. выступал в качестве арбитра во время восстаний в Герцеговине.

Кроме того, Габсбургская монархия сильно влияла на развитие османской Боснии. Австрийская империя поддерживала в османской Боснии францисканский орден, который действовал там с конца XIII в. С конца XVI в. францисканцы писали книги на специальном алфавите — босанчице³¹. Монах-францисканец Иван Франьо Юкич родом из боснийского города Баня-Луки публиковал первое периодическое издание Боснии и Герцеговины — *Bosanski prijatelj* («Боснийский друг») — в Австрийской империи, в Загребе. Издание выходило при финансовой поддержке хорватского поэта и просветителя Людевита Гая в его же типографии. Всего вышло три номера: в 1850, 1851 и 1861 гг.³² Журнал выходил на латинице по правилам, предложенным

³⁰ Медяков А.С. Между Востоком и Западом. С. 216.

³¹ Molnár A. Confessionalization on the Frontier. The Balkan Catholics between Roman Reform and Ottoman Reality. Roma: Viella, 2019. P. 18, 25.

³² Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. Sarajevo: Veselin Masleša, 1978. S. 15.

Л. Гаем. Печатное дело на территории самой Боснии появилось в 1866 г.: немец из австрийского города Земуна Игнац Соппрон (1821–1894; в южнославянских землях он был больше известен как Игнят Сопрон) по заказу администрации Боснийского вилайета открыл в Сараеве первую типографию. Соппрон начал выпускать газету *Bosanski vјestnik* («Боснийский вестник») кириллическим письмом по правилам, разработанным Вуком Караджичем на основе штокавского диалекта, который был распространен в Герцеговине. С тех пор в Боснии и Герцеговине издания на кириллице были по правописанию Вука³³. В османское время полезные ископаемые в Боснии и Герцеговине разрабатывались далматинцами. Железные дороги в провинции были построены австрийским концессионером. Основным торговым партнером Боснийского вилайета Османской империи была Габсбургская монархия.

Решение о присоединении соседних Боснии и Герцеговины было окончательно принято на сверхсекретном заседании Коронного совета с участием императора-короля Франца Иосифа, министра иностранных дел Д. Андраши, эрцгерцога Альбрехта и некоторых высших военных чинов 29 января 1875 г.

Для присоединения Боснии и Герцеговины Австро-Венгрии необходимо было согласовать свою позицию с Россией. Российская дипломатия еще в XVIII в. нашла эффективное средство влияния на Высокую Порту для изменения положения христиан — поддержку освободительного движения под флагом православия³⁴. По мнению В.Н. Виноградова, общность религии действовала на умы, прочно утвердилось представление о миссии России как державы — освободительницы балканских народов от чужеземного и иноверного гнета³⁵. Это

³³ Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 30.

³⁴ Виноградов В.Н. Официальная Россия, балканские христиане и Восточный вопрос // Церковь в истории славянских народов / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Институт славяноведения РАН, 1997. (Балканские исследования. Вып. 17.) С. 181.

³⁵ Там же. С. 184.

обстоятельство позволило ей стать «своеобразным тараном по взламыванию Османской империи»³⁶ и одним из «тяжеловесов» в борьбе за влияние на обстановку на Ближнем Востоке.

Пристальное внимание на Боснию и Герцеговину Россия обратила в 1850-х гг. По решению Парижского конгресса она стала одним из гарантов проведения реформ в Османской империи. Для наблюдения за ситуацией было создано консульство в Сараеве³⁷.

Уже в 1860 г. глава внешнеполитического ведомства Александр Михайлович Горчаков готов был уступить Боснию и Герцеговину Габсбургам. Эти турецкие земли рассматривались как средство окончательного развала Османской империи с помощью «общего европейского вердикта». Он заключался в том, что «России должно будет действовать от севера, Австрии — от запада, грекам — от юга, французам и англичанам — с прибрежий моря»³⁸. Босния и Герцеговина не были доступны для России. «Мы не можем своевременно прийти к ним на помощь», — утверждал министр. Западнотурецкие окраины должны были войти в сферу влияния Австрийской империи. Однако в Боснии и Герцеговине к тому времени, когда был составлен мемуар, уже действовали два российских представительства: с 1857 г. — сараевское и с 1859 г. — мостарское.

Осознавая, что консул А.Ф. Гильфердинг приехал к ним укреплять позицию России, местные чиновники стремились отстранить его от «всякого соприкосновения с христианскими жителями края». Об этом Гильфердинг

³⁶ Косик В.И. Австрийская политика в Боснии и Герцеговине // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия: Материалы «круглого стола» советских и югославских историков (Москва, апрель 1990 г.) / редколл.: Ю.А. Писарев, В.И. Шеремет, В.Г. Карасев, В.М. Хевролина, В.И. Косик, Н.В. Кабакова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. (Балканские исследования. Вып. 13.) С. 142.

³⁷ О Боснии и Герцеговине в деятельности МИДа и общественности см.: Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.

³⁸ Копия с мемуара кн. Горчакова. 20 ноября 1860 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 50.

писал в письме директору Азиатского департамента Егору Петровичу Ковалевскому: «Только в Требинье могли выйти ко мне навстречу почетнейшие из православных жителей, но никто из них не посмел явиться ко мне в дом мудира. В городке Любинье, находящемся в совершенной глуши и где мусульманский фанатизм господствует необузданно, о такой встрече и речи не было»³⁹.

Благодаря деятельности консулов министерство иностранных дел поддерживало у местного населения добрые чувства к России. Представители осуществляли защиту единоверцев от притеснений со стороны турецких властей и землевладельцев. Хорошие отношения с крестьянами — самой многочисленной частью населения — усиливали авторитет консулов, а тем самым — Российской империи⁴⁰. Посол в Константинополе Николай Павлович Игнатьев в своей записке министру иностранных дел рассуждал о целях учреждения консульств в Османской империи: «Имеется в виду, помимо покровительства и защиты интересов русских подданных, сохранение и развитие во всех народонаселении (так в тексте. — Л.П.) чувств преданности к России, подчинение этого народонаселения тем идеям, которые согласны с видами императорского правительства, и ограждение православных от искушений западных миссионеров. Цель такого взгляда заключается в том, чтобы образовать на южных пределах России области, обязанные нам своим нравственным самосохранением и материальным благосостоянием, области, которые бы служили для нас новым обеспечением

³⁹ Письмо консула в Сараеве А.Ф. Гильфердинга директору Азиатского департамента Е.П. Ковалевскому о поездке по Герцеговине и стремлении турецких властей не допустить его общения с населением // Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 39.

⁴⁰ Хевролина В.М. Босния и Герцеговина в балканской политике России (1865–1874 гг.) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия: Материалы «круглого стола» советских и югославских историков (Москва, апрель 1990 г.) / редкол.: Ю.А. Писарев, В.И. Шеремет, В.Г. Карасев, В.М. Хевролина, В.И. Косик, Н.В. Кабакова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. (Балканские исследования. Вып. 13.) С. 137–138.

для наших оборонительных или наступательных движений на юге»⁴¹. Что касается Боснии и Герцеговины, в 1868 г. консул Алексей Николаевич Кудрявцев писал в донесении Н.П. Игнатьеву, что Россия добилась цели учреждения представительства в этом крае: «Политика наша доходит, значит, до хижины несчастного босняка-мусульманина и христианина, и тем, и другим и приносит если не материальное, то все же нравственное облегчение»⁴².

Известно, что первый русский консул в Сараеве А.Ф. Гильфердинг желал совместного будущего Боснии и Сербии. Тем не менее в опубликованных документах, касающихся русской внешней политики, нигде не встречается свидетельств того, что Петербург соглашался на присоединение Боснии и Герцеговины к Сербскому княжеству. Вероятно, причиной тому было слишком сильное соперничество Сербии и Черногории. Это разъединяло их силы и затрудняло политику петербургского кабинета, которому приходилось, помимо всего прочего, предпринимать усилия для налаживания отношений между обоими княжествами⁴³. Также Сербия и Черногория слишком активно пытались привлечь на свою сторону национально-освободительное движение в Боснии и Герцеговине. Исследователи внешней политики России едины во мнении, что Петербург после поражения в Крымской войне не мог допустить участия в новом конфликте, который могли вызвать его протезы. Российское правительство было заинтересовано в спокойствии в регионе, чтобы избежать повода для австрийского вмешательства, которое привело бы к усилению влияния Габсбургской монархии.

⁴¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 730. Д. 587. Записка Н.П. Игнатьева (?) о целях организации разветвленной сети русских консульств в Турции. Л. 1.

⁴² Донесение А.Н. Кудрявцева Н.П. Игнатьеву об обращениях христианского и мусульманского населения в российское консульство с жалобами на возобновление системы откупов // Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 124.

⁴³ Хевролина В.М. Босния и Герцеговина в балканской политике России (1865–1874 гг.). С. 130.

Поэтому консулам в Сараеве и Мостаре были даны соответствующие инструкции⁴⁴.

Канцлер Горчаков в 1860 г. писал, что западная часть Балканского полуострова при распаде Османской империи предназначается Австрии. Однако в 1866 г. на запрос канцлера Бойста, какова вероятность увеличения территории Габсбургской монархии за счет западных провинций Турции, российский министр иностранных дел выразил отрицательное отношение к проекту австрийского коллеги. Горчаков заявил, что эти земли (речь шла о Герцеговине и Албании) должны стать «автономными государствами в той форме, которая будет отвечать их нравам и обычаям». Административная автономия Боснии и Герцеговины, по мысли российского канцлера, была бы наилучшим выходом, так как она облегчила бы положение христиан, предотвратила восстание, не допустила бы поглощения края Австрией и Сербией. В начале 1867 г. Бойст повторил свое предложение, включив туда и Боснию, отмечая, что Австрия согласна поддержать Россию в отмене ограничительных условий Парижского мира. Россия и на этот раз ответила отказом. В тот момент она была даже готова в случае вторжения австрийской армии объявить ей войну и ввести войска в Галицию. В конце 1866 г. Горчаков писал послу в Берлине Павлу Петровичу Убри, что Россия не станет воздерживаться, если восточный вопрос получит развитие⁴⁵.

После 1867 г. наступает новый этап в политике России по отношению к балканским народам. Международная обстановка была такова, что вся Европа ожидала франко-прусской войны, Австрия только что проиграла войну Пруссии, критское восстание было подавлено, Балканский союз раздирали внутренние противоречия. После неудачной

⁴⁴ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 1986. С. 67; Хитрова Н.И. «Россия сосредоточивается» // История внешней политики России. Вторая половина XIX века / под ред. В.М. Хевролиной. М.: Международные отношения, 1997. С. 61–62; Хевролина В.М. Босния и Герцеговина в балканской политике России (1865–1874). С. 130.

⁴⁵ Хевролина В.М. Босния и Герцеговина в балканской политике России (1865–1874). С. 133–134.

попытки добиться административной автономии для Боснии и Герцеговины и других балканских провинций Османской империи российская дипломатия перешла к политике невмешательства держав в дела Порты и ее подданных. А.М. Горчаков в записке императору Александру II отметил: «Донесения, которые мы получали с Востока, сходились в том, что долгие их сдерживать невозможно. Мы не были заинтересованы, да и не имели права, сдерживать порыв христианских народов, рискуя их отчуждением и тем, что иначе они окажутся под враждебным влиянием Запада»⁴⁶. Но МИД продолжал активно сотрудничать со славянофилами⁴⁷.

Опасность австрийского захвата Боснии и Герцеговины только усилилась с созданием двуединой монархии в 1867 г.⁴⁸ Петербург не был согласен с тем, чтобы Сербия, которой он покровительствовал, владела Боснией и Герцеговиной. В 1868 г., когда регенты пожелали узнать отношение российского ведомства к их переговорам с канцлером Андраши о возможности передачи территорий в сербское управление, они получили из России резко отрицательный ответ. В ответ на просьбу подчинить Боснию и Герцеговину духовному главенству Сербского митрополита регентов поспешили успокоить и посоветовали не осложнять отношений с Портой⁴⁹.

Таким образом, Россия придерживалась двойственной политики. С одной стороны, не исключалась возможность, что Петербург согласится на присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии, а с другой — он поддерживал Сербию и Балканский союз. Петербург был

⁴⁶ Записка А.М. Горчакова о внешней политике России с 1856 г. по 1867 г. // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения / ред. Е.М. Примаков. М.: Международные отношения, 1998. С. 328–329.

⁴⁷ Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019; Чуркина И.В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне: Очерки истории. М.: Индрик, 2020.

⁴⁸ Хевролина В.М. Босния и Герцеговина в балканской политике России (1865–1874). С. 135–136.

⁴⁹ Там же. С. 137.

против австрийского усиления на Балканском полуострове и отрицательно относился к сербским притязаниям на эти территории.

В чем же причина того, что, оказывая поддержку балканским христианам, Россия не соглашалась на присоединение Боснии и Герцеговины к самым вероятным претендентам — Сербии и Черногории? Думается, что российская дипломатия учитывала слишком сильное соперничество между двумя княжествами. Представляется также, что серьезный анализ ситуации в Боснии и Герцеговине, проведенный русскими консулами в 1850-х – 1860-х гг., показал, что регион имеет много сложных проблем, решение которых пока было не по силам молодым южнославянским княжествам. Это и имел в виду князь Горчаков, когда сообщал императору: «К сожалению, опыт показал, что эти народы, столь разобщенные и так много претерпевшие за свою историю, не были достаточно зрелы ни для того, чтобы завоевать независимость, ни для того, чтобы сохранить ее своими силами»⁵⁰.

К тому же весьма сложной была ситуация в Боснийском вилайете, где тормозилась модернизация, блокировалось большинство реформ, проводимых Портой. Православные Сербия и Черногория не сумели бы справиться с воинственными и стремящимися к сепаратизму мусульманами и католическим населением, которое находилось под сильным влиянием соседней Австрийской (Австро-Венгерской) империи.

Официальная Россия в период, когда обострился боснийский вопрос, выбрала путь сотрудничества с Австро-Венгрией. Тем более что в 1873 г. в Шёнбруннском дворце в Вене царь Александр II и император-король Франц Иосиф подписали конвенцию, которая легла в основу Союза трех императоров.

Великий восточный кризис явился кульминацией решения боснийской проблемы в XIX в. Кризис начался с боснийско-герцеговинского восстания, и важнейшие

⁵⁰ Записка А.М. Горчакова о внешней политике России с 1856 г. по 1867 г. С. 329.

международные переговоры велись по вопросу урегулирования ситуации в Боснии и Герцеговине. Разногласия, возникшие между великими державами по поводу Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора и Берлинского трактата, в равной степени связаны с созданием «Великой Болгарии» и судьбой Боснии и Герцеговины.

Когда разразился восточный кризис 1875–1878 гг., Петербург продолжил политику русско-австрийского альянса. Однако по ходу решения боснийского вопроса Россия несколько раз выдвигала предложения автономии для Боснии и Герцеговины. Считается, что предложение автономии со стороны России как раз последовало летом 1875 г., когда вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине и великие державы начали искать выход из сложившейся ситуации. В российской балканской политике выявилась линия на решение вопроса путем удовлетворения требований повстанцев и предоставления автономии⁵¹. В действительности Горчаков до конца ноября не приступал к делам, а замещавший его Александр Генрихович Жомини не хотел брать на себя ответственность за какие-либо инициативы⁵².

Россия поддержала ноту Андраши, которая появилась 30 декабря 1875 г. Размах повстанческого движения заставил Андраши признать необходимость оказать давление на Порту, также к этому австро-венгерского министра толкало опасение, что инициатива может полностью оказаться в руках Горчакова⁵³. Документ был представлен османскому правительству в конце января 1876 г. от имени России, Австро-Венгрии и Германии. Державы предлагали ввести полную свободу вероисповедания для христиан Боснии и Герцеговины, ликвидировать откупную систему

⁵¹ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 1986. С. 256.

⁵² Хевролина В.М. А.М. Горчаков и национально-освободительная борьба южнославянских народов в 60–70-е гг. XIX в. // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения / ред. Е.М. Примаков. М.: Международные отношения, 1998. С. 109.

⁵³ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. С. 257.

взимания податей, улучшить положение сельского населения, расходовать взимаемые с населения прямые налоги только на нужды этих областей, создать специальную комиссию из представителей христианского и мусульманского населения для наблюдения за ходом реформ. Порта приняла четыре пункта касательно налогообложения, кроме пятого — об использовании взимаемых налогов. Попытка умиротворить восставших оказалась бесплодной⁵⁴.

Весной 1876 г. в Берлине прошла встреча министров иностранных дел. Князь Горчаков привез предложения об автономии Боснии и Герцеговины. В одной из памятных записок МИДа, написанных накануне встречи, говорилось: если «Порта падет под грузом своих собственных ошибок, тогда необходимо способствовать и помогать свободному развитию христианских национальностей по пути к политической независимости, — каждая в своих географических пределах и в соответствии со своими естественными свойствами»⁵⁵. Российские дипломаты отстаивали реформы с представлением территориально-политической автономии этому вилайету Османской империи. Австро-венгерское правительство считало такую идею абсолютно неприемлемой. В одном из документов МИДа России от июня – июля 1876 г. выдвигалась идея федеративного государственного устройства на Балканах: «Поскольку исключена возможность создания крупного славянского государства, самым рациональным исходом было бы создание мелких независимых государств в территориальных пределах, отведенных каждому из них историей и объединенных на федеративных началах»⁵⁶.

На встрече в замке Рейхштадт, которая состоялась 8 июля 1876 г., князь Горчаков в устной форме обещал графу Андраши занятие Турецкой Хорватии и некоторых

⁵⁴ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. С. 257.

⁵⁵ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: между Западом и Востоком (начало XIX в. – 1878 г.) // На путях к Югославии: за и против: Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Индрик, 1997. С. 198–199.

⁵⁶ Там же. С. 199.

прилегающих к ней территорий в Боснии. Однако Россия решила разделить оставшуюся часть Боснии и Герцеговины еще на две части: между Сербией и Черногорией соответственно, с оговоркой, что это не будет большое славянское государство⁵⁷. С точки зрения соперничества Австро-Венгрии, Сербии и Черногории, такой вариант кажется наилучшим: все получили бы по своему куску спорной территории. Австро-Венгрия записала результаты переговоров иначе: Боснию и Герцеговину следовало разделить на три неравные части, причем бóльшая, соответственно, достается империи Габсбургов. Также Андраши записал, что «Босния, Румелия и Албания смогут стать автономными государствами»⁵⁸, — остается непонятным, чья именно Босния была бы автономной.

Подписанная в следующем году в Будапеште конвенция (со стороны Австро-Венгрии министром иностранных дел Дьюлой Андраши и со стороны России послом в Вене Евгением Петровичем Новиковым) изменила ситуацию. Здесь рассматривались дипломатическая подготовка к русско-турецкой войне и послевоенный мир. О разделении и автономии для Боснии и Герцеговины даже не упоминалось. Согласно дополнительным статьям секретной конвенции, Российская империя могла аннексировать Бессарабию, тогда как Австро-Венгрия — Боснию и Герцеговину, «исключая часть, находящуюся между Сербией и Черногорией, относительно которой оба правительства договорятся, когда наступит момент ею расплагать», то есть Новипазарский санджак⁵⁹.

Как показывает анализ секретных документов русского правительства, в те же дни, когда была подписана Будапештская конвенция, оно рассматривало возможные

⁵⁷ Рейхштадтское соглашение между Россией и Австро-Венгрией. Рейхштадт, 26 июня (8 июля) 1876 // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 145.

⁵⁸ Там же. С. 147–148.

⁵⁹ Секретная конвенция между Россией и Австро-Венгрией. Будапешт, 3 (15) января 1877 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 154.

изменения границ на Балканском полуострове в связи с договоренностями с Австро-Венгрией. Важнейшим условием территориальных изменений было то, что владения Габсбургской монархии не должны распространяться на правый берег реки Дрины. На крайний случай, если бы Вена стала возражать насчет такого разделения, то стратегически важный пункт Вышеград должен был остаться вне ее пределов. В случае если Петербург оставит его за рубежами Австро-Венгрии, то это перекрывало ей продвижение далее на юг. На этом документе военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин сделал отметку: «Государь Император [...] изволил Высочайше одобрить все изложенные соображения и повелел иметь их в виду на будущее время»⁶⁰.

То, что Россия не только на международном уровне пыталась осуществить идею автономии Боснии и Герцеговины, но и действовать изнутри, доказывает миссия на Балканах Владимира Семеновича Ионина, брата российского консула в Рагузе Александра Семеновича Ионина. Владимир Ионин работал секретарем в консульстве, возглавляемом его братом. Видимо, весной 1876 г. В.С. Ионин получил задание от Петербургского славянского комитета, который выдал ему 10 тыс. рублей. В том же году он оставил государственную службу и поехал в Бухарест, где был председателем Болгарского революционного комитета. В отчете Славянскому комитету он писал, что учредил Центральный болгарский комитет и 18 отделов в разных городах Румынии, отправлял болгарских волонтеров в Сербию, поддерживал пособиями болгарских эмигрантов⁶¹. В 1877 г. Ионин прибыл в Боснию. О его пребывании есть данные в исследованиях

⁶⁰ Предположение о территориальных изменениях на Балканском полуострове, 18 января 1877 г. // Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877-1878 г. на Балканском полуострове. Вып. 1. СПб., 1899. С. 80.

⁶¹ Письмо члена Петербургского славянского комитета В.С. Ионина в комитет с отчетом об израсходовании денежных сумм на помощь болгарским и боснийским отрядам // Россия и национально-освободительная борьба на Балканах, 1875-1878 / отв. ред. А.Д. Нарочницкий. М., 1978. С. 316.

о боснийско-герцеговинском восстании В. Чубриловича и М. Экмечича⁶². Чубрилович сообщал, что именно В.С. Ионин внес предложение создать временное боснийское правительство⁶³. На собрании повстанцев в Тишковце 11 октября 1877 г. было учреждено Временное народное боснийское правительство в составе 14 человек. Председателем был избран В.С. Ионин. По сведениям В. Чубриловича, он действовал как частное лицо: когда его просили показать документы, подтверждающие полномочия, он не показывал. Как сообщал тот же автор, ходили слухи, что создание правительства было интригой австро-венгерских властей, однако Вена сама об этом органе узнала из газет⁶⁴. Уже в середине октября 1877 г. В.С. Ионин завершил свою деятельность в славянских странах, о чем он писал из Триеста в Петербург. В этом же письме бывший председатель боснийского правительства отчитался, что в Боснии расходы из средств Славянского комитета были сделаны на учреждение правительства, на покупку провианта и на вспомоществование эмигрантам⁶⁵. Хотя и под председательством русского подданного, но самими жителями Боснии и Герцеговины была сделана попытка оформить свое государство в такой важный момент для истории края.

Еще одна попытка предоставить автономию Боснии и Герцеговине была сделана в конце русско-турецкой войны. В инструкции правительства в Главную квартиру действующей армии, которая была отправлена 2 января 1878 г., четвертый пункт гласил: «Боснии и Герцеговине будет даровано автономное управление. Подобного рода реформы будут введены в прочих христианских областях Европейской Турции»⁶⁶.

⁶² Чубрилович В. Босански устанак. 1875–1878. Београд: Српска краљевска академија наука, 1930. С. 401–405; *Ekmečić M. Ustanak u Bosni. 1875–1878. Sarajevo: Veselin Masleša, 1960. S. 324–327.*

⁶³ Чубрилович В. Босански устанак. С. 402.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Письмо члена Петербургского славянского комитета В.С. Ионина в комитет с отчетом... С. 316.

⁶⁶ Инструкции, касающиеся основных условий мира с Турцией, отправлены в Главную квартиру действующей армии 21 декабря, где

Согласно этой инструкции граф Игнатъев составил текст Сан-Стефанского мирного договора. Что касается судьбы Боснии и Герцеговины, то им предоставлялась автономия. Венский кабинет был очень недоволен условиями перемирия: Россия нарушала Рейхштадтское соглашение и Будапештскую конвенцию, создавая Большую Болгарию и автономные Боснию и Герцеговину. Об автономии для территорий, на которые претендовали Габсбурги, Н.П. Игнатъев в своих записках «После Сан-Стефано» отмечал, что он и канцлеру Андраши, и императору Францу Иосифу, и эрцгерцогу Альбрехту объяснял: «Занятие (а не присоединение) этих двух областей могло истекать из 14-й статьи Сан-Стефанского договора». По мнению русского дипломата, он вынужден был обойти это обстоятельство, так как у него не было полномочий сообщать туркам о существовании секретных конвенций между Австро-Венгрией и Россией. Однако составитель проекта мирного договора, имея в виду «желаемый венским правительством результат», нашел выход из деликатной ситуации, включив 14-ю статью: Австро-Венгрия сохраняла «полную возможность в свое время предъявить, что контрольная комиссия и жандармы, определенные константинопольской конференцией, должны быть замещены делегатом венского правительства и австро-венгерскими войсками»⁶⁷. Возможно, Игнатъев, заключая прелиминарный мирный договор, не предполагал, что Вена воспользуется этой статьей.

Австро-Венгрия с Портой в двустороннем порядке попыталась разрешить конфликт в Боснии и Герцеговине. В конце марта 1878 г. сотрудник министерства иностранных дел Б. Каллай был отправлен с миссией в Стамбул, он вез с собой инструкцию для посла Ференца Зичи. Андраши предлагал османскому правительству оккупацию австро-венгерскими войсками Боснии и Герцеговины. Дипломаты объясняли правильность такого решения тем, что Порта не сможет

они были получены 2 января 1878 г. // Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 г. на Балканском полуострове. Вып. 2. СПб., 1900. С. 7.

⁶⁷ Игнатъев Н.П. После Сан-Стефано. Пг., 1916. С. 21.

исполнить условия Сан-Стефанского мира, которые относятся к мятежному вилайету. По их расчетам, мусульмане будут недовольны автономией, а христиане не успокоятся, пока не отберут все мусульманские владения; первым последствием станет восстание христиан-«пролетариев» против мусульман, и «прижатые между Сербией и Черногорией мусульмане будут потеряны для Турции». Вена обещала, что дуалистическая монархия оккупирует, а затем вернет умиrotворенные Боснию и Герцеговину. Султан Абдул Хамид отказал австро-венгерским дипломатам, подчеркнув, что Османская империя не может добровольно уступить такую важную область⁶⁸.

Итак, Россия рассматривала разные варианты послевоенного устройства Боснии и Герцеговины. Как справедливо заметила В.М. Хевролина, внешнеполитический курс балканской политики России разрабатывался на основе исчерпывающей информации, собираемой консулами на местах, с учетом международной ситуации. В зависимости от обстановки в регионе балканская программа Петербурга трансформировалась в сторону признания первоочередной важности национального самоопределения балканских народов⁶⁹. Поощряя Сербию и договариваясь с Австро-Венгрией, российские дипломаты не сбрасывали со счетов и возможность того, что на территории Боснии и Герцеговины можно создать автономную провинцию, а затем и самостоятельное государство. Петербургский кабинет был готов к разному повороту событий. После нескольких попыток предоставить автономию Боснии и Герцеговине, согласившись на австро-венгерскую оккупацию, Россия имела возможность использовать время между заключением Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора и Берлинским конгрессом.

⁶⁸ Чубрилович В. Босански устанак. С. 293.

⁶⁹ Хевролина В.М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консульств) // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М., 2007. С. 260.

Миссия генерала Р.А. Фадеева в Боснии в 1878 г.

После заключения Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора Австро-Венгрия и Великобритания начали военные приготовления, чтобы оказать давление на Россию. Петербургское правительство отдавало себе отчет в том, что страна не обладала достаточными силами для борьбы против европейской коалиции. К тому же армия устала от похода и высшие круги критиковали войну⁷⁰. Тем не менее в России проанализировали возможность войны против великих держав. Предполагалось формирование Юго-Западной армии, которой должен был командовать цесаревич Александр Александрович. Ожидалось, что начальником штаба будет назначен генерал Николай Николаевич Обручев, «армию планировали развернуть против Австро-Венгрии, т.е. против основного вероятного противника на континенте»⁷¹. В Мраморном море стояла английская эскадра броненосцев. Двусмысленная позиция Берлина также не давала надежд на благоприятный исход войны. Финансовые ресурсы России были исчерпаны, состояние всей армии было сложным. В таких условиях Петербург не мог пойти на войну с европейской коалицией.

В конце марта 1878 г. по приезде из Вены Н.П. Игнатъев, который вел там безуспешные переговоры с австро-венгерским канцлером Д. Андраши, предложил вооружить болгарский народ и сосредоточить части русской армии на австрийской границе⁷². На совещании у императора в конце марта 1878 г. Горчаков и Игнатъев поспорили о новой войне, и победу одержал канцлер, с мнением которого согласился Александр II, — военные приготовления были

⁷⁰ Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875–1878 гг. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 70–72.

⁷¹ Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). М.: Алетейя, 1998. С. 191.

⁷² Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатъев. М.: Изд. центр Ин-та рос. истории, 2004. С. 273.

остановлены⁷³. Но до конца мая 1878 г. высшее военное руководство России и сам император не исключали войны с Австро-Венгрией, Англией и Турцией. Об этом свидетельствует письмо военного министра Д.А. Милютина главнокомандующему Действующей армией генералу Э.И. Тотлебену. Министр надеялся, что силы Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины также будут задействованы в войне с Австро-Венгрией и что с их помощью можно привлечь на свою сторону австрийских южных славян⁷⁴.

Русское военное министерство решило проверить, насколько серьезным мог быть конфликт и готовы ли княжества противостоять Вене в военном плане. С этой целью был командирован человек, с одной стороны, знающий глубоко Балканы, умеющий составлять справки, популярный в прорусски настроенных кругах Сербии и Черногории, а с другой — тот, от услуг которого можно было отказаться в любой момент. Им явился Ростислав Андреевич Фадеев, генерал-майор в отставке.

По воспоминаниям Сергея Юльевича Витте, племянника Фадеева, дядя был весьма оригинальным человеком, можно сказать, эксцентричным. Как считал Витте, «он был полон знаний и таланта и вообще духовных сил; был несколько склонен к мистицизму и даже к спиритизму. Он был настолько образован и талантлив, что должен был сделать громадную карьеру»⁷⁵. Племянник вспоминал, что не встречал человека более образованного и талантливого, чем Р.А. Фадеев. Но у Фадеева, писал его племянник, «был один недостаток, и недостаток этот заключался в том, что он легко поддавался увлечениям по фантастичности своей натуры»⁷⁶.

⁷³ Там же.

⁷⁴ 1878 г. 27 мая. Письмо Д.А. Милютина главнокомандующему Действующей армией Э.И. Тотлебену о плане действий русской армии на Балканах в случае войны с Англией, Австро-Венгрией и Турцией // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3 / редколл.: С.А. Никитин, В.Д. Конобеев, Х.Н. Гандев, Г.Д. Тодоров. М.: Издательство АН СССР, 1967. С. 122–125.

⁷⁵ Витте С.Ю. Воспоминания: В 3-х т. М.: Скиф Алекс, 1994. Т. 1. С. 29.

⁷⁶ Там же.

Когда Фадеев переехал на Кавказ, у него начался период жизни, который определил всю его дальнейшую судьбу. В то время многие молодые люди делали стремительную военную карьеру. Фадеев не стал исключением: участие в экспедициях, сражениях, Крымской войне, а затем в Кавказской войне⁷⁷. Начальство не только оценило храбрость и организаторский талант молодого офицера, но и быстро распознало его литературные способности. Он писал заметки в газетах о ходе Кавказской войны. Позже Фадеев издал свои большие труды — «60 лет Кавказской войны» и «Письма с Кавказа».

Во время наместничества князя Александра Ивановича Бяратинского Фадеев играл весьма заметную роль на Кавказе. Он, как и Д. А. Милютин — начальник штаба наместника, был ближайшим советником Бяратинского. При нем они дополняли друг друга. Милютин был «элементом военного порядка, военной дисциплины», — отмечал Витте⁷⁸. Фадеев был «скорее человек боевой, любивший гораздо более боевой огонь, нежели кабинетную работу, человек с долей военной фантазии и военных порывов»⁷⁹. Под непосредственным влиянием Бяратинского начали формироваться консервативные политические взгляды Фадеева. Последний в союзе с Александром Ивановичем Бяратинским и шефом жандармов Петром Андреевичем Шуваловым принял активное участие в нескольких крупных кампаниях, предполагавших ревизию всего реформаторского курса 1860-х гг. Шувалов, Бяратинский и Фадеев в 1868 г. начали кампанию против Милютина и его министерства⁸⁰. В этом противостоянии с правительством Фадеев выступал в качестве публициста, который освещал позицию консерваторов.

⁷⁷ Полный послужной список г.м. Р.А. Фадеева. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 21. Д. 1071; Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1998. С. 9–10; Трубачев С. Фадеев Ростислав Андреевич // Русский биографический словарь. Т. 21. СПб., 1901. С. 6–7.

⁷⁸ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 35.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев. С. 27, 85.

В 1870 г. генерал-майор Ростислав Андреевич Фадеев вышел в отставку. Тогда же он получил предложение от египетского хедива Исмаила заняться устройством его армии. По сведениям С.Ю. Витте, такая поездка оказалась возможной благодаря послу в Константинополе — Н.П. Игнатьеву, который был с отставным генералом в хороших отношениях⁸¹. Фадеев доверял послу, советовался с ним, прислушивался к его мнению. Например, перед тем как подать записку наследнику престола и самому императору о своих соображениях по поводу плана действий в Египте, Фадеев показал ее дипломату для корректировки с оговоркой: «Разумеется, никто не будет знать, что записка была в Ваших руках»⁸².

В конце мая 1876 г. Р.А. Фадеев приехал в Петербург в надежде, что его знание восточного вопроса и боевой опыт на Кавказе окажутся востребованными. В июне того же года он начал сбор средств с целью формирования ополчения для поддержки болгарского восстания⁸³. Чрезмерная активность генерала насторожила императора, и, стремясь избежать сюрпризов с его стороны, Александр II отдал распоряжение об установлении за его действиями «бдительного надзора». Несмотря на ошибки генерала, его роль как организатора болгарского войска была значительной⁸⁴.

Р.А. Фадеев, так и не дождавшись ответа на свое заявление о возвращении на службу, в конце марта 1877 г. отправился в Сербию, где, по его словам, посильно помогал князю Милану своими советами. Однако пребывание популярного на Балканах генерала встревожило дипломатов, поэтому его отозвали уже через две недели. Сам Фадеев оценивал свою поездку как успешную: он хвастал, что «принят с овацией» и получил орден Такова I степени. После возвращения он представил императору, военному министру Д.А. Милютину

⁸¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 40.

⁸² Письмо Р. Фадеева Н.П. Игнатьеву. Одесса, 8 июня 1875 г. ГАРФ. Ф. 730. Д. 4050. Письма Фадеева Ростислава Игнатьеву Н.П. Л. 9–9об.

⁸³ Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев. С. 93–95.

⁸⁴ Там же. С. 100.

и товарищу министра иностранных дел Н.К. Гирсу план вовлечения Сербии в войну. Генералу обещали подумать над этим проектом. В конце июля 1877 г. ему разрешили поехать в Сербию как частному лицу. По пути в Белград он заехал в Бухарест, где находился канцлер Горчаков. Эту встречу сам Фадеев определил как «ловушку». Когда он прибыл в Белград, его ожидала телеграмма Горчакова о том, что отставной генерал-майор не имеет никаких полномочий от русского правительства, хотя Милютин на свидании в Главной квартире дал Фадееву соответствующие полномочия. Фадееву позволили уехать в Черногорию⁸⁵. Но есть сведения, что после того, как Фадеев предложил свои услуги, Милютин сразу определил его в черногорскую армию⁸⁶.

Находясь там, Фадеев разработал план военных действий, который изложил в «Записке об открытии военного пути между Сербией и Черногорией», датированной 14 октября 1877 г. и адресованной военному министру. Он предполагал совместное наступление Сербии и Черногории на западные области еще до наступления зимы⁸⁷. В первую очередь необходимо было занять полосу между Сербией и Черногорией — Новипазарский санджак Боснийского вилайета, то есть соединить оба княжества. Зная соперничество двух правителей и по настоянию князя Николы, Фадеев предлагал руководство операцией взять русским военным⁸⁸. Это был бы первый шаг в Западной Турции. Далее, как считал генерал Фадеев, нужно было выступить совместным сербско-черногорским походом под русским командованием в Македонию⁸⁹. Черногорское и российское правительства план в целом одобрили, но решили отложить до весны его осуществление, а генерала Фадеева пригласили в Петербург, для того, чтобы обсудить его план подробнее⁹⁰.

⁸⁵ Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев. С. 101–103.

⁸⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 41.

⁸⁷ Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев. С. 103–104.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 302.

⁹⁰ Письмо Фадеева. 11 января 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 306.

Вернувшись в Россию, Фадеев попытался еще раз объяснить, что западная часть Балканского полуострова сыграет важную роль после русско-турецкой войны: «Мусульманское население западных областей многочисленнее и воинственнее, чем в Болгарии, неравно его жесточе, беи властвуют повсеместно. Когда болгарскому народу будет дана автономия в каком бы то ни было виде, то большинство живущих посреди его мусульман несомненно передвинется на почву, оставшуюся в мусульманских руках, усиливая и разжигая господствующий турецкий слой населения»⁹¹.

При этом Фадеев предлагал предоставить субсидию князю Николе. Россия, помогая Черногорскому княжеству, вызвала бы соперничество между ним и Сербией, что стало бы причиной присоединения к плану князя Милана. Черногорцам изначально гарантировали бы выход к морю и владение Подгорицей, поскольку, считал генерал-майор Фадеев, им можно доверять и полагаться на них больше, чем на сербов⁹². Остальные завоеванные территории петербургский кабинет должен был поделить между «мелкими славянскими союзниками». Разделить нужно было так, чтобы «не отдать белградскому княжеству разом обе древние столицы, доньше самые большие города в стране, с которыми связано столько воспоминаний, — Призрен и Пристину (так в тексте. — Л.П.). Хребет Дреница, пролегающий вдоль дороги с запада, мог бы служить естественною чертою раздела». Такое мнение генерала Фадеева разделял и российский дипломатический агент А.С. Ионин⁹³.

Как думал Фадеев, кроме территориального, решался вопрос противостояния Австро-Венгрии, что важно в первую очередь для России и стран, находящихся в сфере ее влияния. Если занять Новипазарский санджак, устанавливается предел «австрийскому захвату», чтобы Габсбургская

⁹¹ Записка Фадеева. 30 декабря 1877 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 300.

⁹² Там же. С. 303–304.

⁹³ Там же. С. 312.

монархия не могла двигаться дальше на юг Балканского полуострова⁹⁴. Причем, если союзные войска (сербские и черногорские) займут стратегически важный пункт Вышеград, то его не сможет занять австро-венгерская армия⁹⁵.

Боснию и Герцеговину без Новипазарского санджака Фадеев рассматривал как один из «паев турецкого наследства» для великих держав и разменную монету в отношениях с Россией. Забрав себе эти территории, Австро-Венгрия должна была быть довольна и лишилась бы права противодействовать «нашим видам при заключении мира»⁹⁶. Этот «кусочек пирога» для дуалистической монархии будет с «сюрпризом», думал Р. А. Фадеев. Он высказывал мнение, что на границе с Габсбургской монархией будет создано «сильное королевство на юго-западе, так как королевство это, по необходимости отрываемое от Венгрии, уменьшит сначала в $\frac{1}{3}$, а со временем в $\frac{1}{5}$ значение единственного систематически враждебного нам элемента в Габсбургской монархии»⁹⁷.

Фадеев в феврале 1878 г. попросил Милютина принять его «в свое распоряжение для посильной службы государству»⁹⁸. После длительных наблюдений со стороны III отделения канцелярии Его Величества⁹⁹ военный министр дал Фадееву еще одну возможность «заняться сербо-черногорскими делами на месте»¹⁰⁰, хотя характеризовал его как человека «неприятного, нахального, авантюриста, пройдоху и краснбая»¹⁰¹. Отставному генералу было поручено собрать

⁹⁴ Записка Фадеева. 30 декабря 1877 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 312.

⁹⁵ Записка Фадеева. 16 января 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 309.

⁹⁶ Записка Фадеева. 30 декабря 1877 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 303.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Письмо Фадеева. 2 марта 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 327.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 109 с/а. Оп. 4а. Секретный архив. Д. 457. Дело по наблюдению за отставным генерал-майором Фадеевым Р. 6 сентября 1876 – 17 августа 1877 г.; Ф. 109 с/а. Оп. 4а. Секретный архив. Д. 465.

¹⁰⁰ Записка Фадеева. 24 мая 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 347.

¹⁰¹ Милютин Д. А. Дневник Д. А. Милютина / ред. и примеч. П. А. Зайончковского. В 4 т. Т. 2. М., 1949. С. 57, 86, 108, 241.

сведения о положении дел и «настроении умов в этих (южнославянских. — Л.П.) землях»¹⁰². Для секретной миссии генерала Фадеева товарищ министра иностранных дел, директор Азиатского департамента Николай Карлович Гирс предоставил два рекомендательных письма — к дипломатическому агенту в Белграде и генеральному консулу в Рагузе¹⁰³. Письма и телеграмма Гирса нужны были для того, чтобы сербское правительство нормализовало отношения между сербским князем и генералом Фадеевым после фиаско совместной операции Сербии и Черногории в 1877 г.¹⁰⁴

Согласно новому плану Фадеева, в Боснии и Герцеговине необходимо было с помощью Сербии и Черногории вызвать восстание против австро-венгерской оккупации. Эта идея была разработана самим Д.А. Милутиным, подчеркивал генерал¹⁰⁵. Военный министр писал Гирсу, что генерал должен «изучить на месте настоящие отношения южнославянских национальностей как между собой, так и к туркам и австрийцам и собрать сведения о всех происходящих там приготовлениях»¹⁰⁶, а также выяснить численность австрийских войск, сосредоточенных в этих районах¹⁰⁷. Анализ источников не позволяет точно определить: преувеличивал ли Фадеев свою разведывательную миссию или военный министр пожелал скрыть от дипломатов планы новой войны.

¹⁰² Секретное письмо военного министра Д.А. Милутина в министерство иностранных дел. РГВИА. Ф. 428. Д. 193. Донесения генерала Фадеева о состоянии австрийской армии. Л. 20.

¹⁰³ Там же. Л. 24.

¹⁰⁴ Письмо Фадеева. 13 мая 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 347.

¹⁰⁵ Там же. С. 352.

¹⁰⁶ Секретное письмо военного министра Д.А. Милутина товарищу министра иностранных дел Н.К. Гирсу. РГВИА. Ф. 428. Д. 193. Донесения генерала Фадеева о состоянии австрийской армии. Л. 27.

¹⁰⁷ Телеграмма Д. Ст. Сов. Ионина. Цетинье 2 (14) июля 1878 г. АВПРИ. Ф. 161/3. Оп. 233. Д. 10. Фадеев, отставной генерал-майор. О поездке его в Южно-Славянские по поручению Военного министерства для собрания сведений о положении дел и настроении умов в тех землях. 1878 г. Л. 9.

Поддержка антиавстрийского восстания Россией могла бы стать действенным инструментом в случае войны с европейской коалицией. Босния и Герцеговина были важным аргументом в переговорах с Сербией и Черногорией «в случае приближения разрыва с Австрией». Кроме того, Россия, по мнению Фадеева, должна была иметь в виду и другие области, такие как Банат и Славония, через которые можно влиять на Вену¹⁰⁸.

Подготовка восстания и спровоцированная им война должны были финансироваться, по мнению Фадеева, из российской казны: несколько сот тысяч рублей могли бы быть предоставлены генеральным консулам в Белграде и Цетинье: «Будут ли эти деньги лежать в петербургском казначействе или в ящиках консулов, для министерства финансов это все равно, — нерастраченное и неразрешенное возвратится; но зато никакой удобный случай действия, требующий только двух дней на телеграфное разрешение, не будет пропущен»¹⁰⁹. Зная, что сербское правительство лишено финансовых средств, для начала действий Фадеев предложил сербским министрам принять пособие от России¹¹⁰. Помимо денег, союзникам необходимо было оружие, «во-первых, для добровольцев, во-вторых, для вооружения боснийских христиан, когда до того дойдет»¹¹¹.

Р.А. Фадеев открыто приехал в Белград для выполнения секретного задания в июне 1878 г. Зная, что невозможно скрыть свой приезд в Сербию и будущие разъезды по Австрии, Фадеев написал из Вены письмо, где придал благовидный характер своему пребыванию: «[Я] высказал под секретом такую цель, навязанную мне моей партией: для упрочения наших дел в Болгарии предупредить всякое столкновение в Западной Турции и для того склонить сербских князей и боснийских атаманов — принять временно

¹⁰⁸ Записка Фадеева. 7 июня 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 352.

¹⁰⁹ Там же. С. 354.

¹¹⁰ Записка Фадеева. 21 июня 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 356.

¹¹¹ Записка Фадеева. 7 июня 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 358.

австрийские требования»¹¹². Австрийские военные вскрыли письмо и сделали вид, что поверили этому предлогу русского генерала. Такой повод был придуман Фадеевым, чтобы не компрометировать российское правительство. Если бы австро-венгерские власти узнали о задании русского генерала, то вся вина секретных действий генерала легла бы на него же самого как на известного «мутителя и агента славянских комитетов»¹¹³.

Генерала Фадеева встретили в Белграде очень холодно. Князь Милан, уехавший из столицы в Ниш за день до прибытия Фадеева, писал оттуда, что примет его, только если он приехал с официальной миссией. Письмо своему военному министру сербский князь составил в резкой форме, помня, что русский военный однажды уже «представился с миссией от российского правительства, которой у него не было»¹¹⁴. Князь Милан писал, что тогда, в 1877 г., назвал его «лгуном и указал сам прямо на дверь» и что теперь тем более не хотел бы возобновлять с ним знакомство и не желал бы с ним встречаться¹¹⁵. Премьер-министр Сербии Й. Ристич из Берлина отправил в Белград распоряжение не спускать глаз с Фадеева¹¹⁶. Британские и австро-венгерские агенты также были обеспокоены приездом русского генерала. Неожиданный приезд Фадеева в Белград, уклончивые ответы сербских властей на неоднократные запросы относительно целей его приезда и объяснение его самого не внушили доверия ни английскому, ни австрийскому консулам¹¹⁷.

¹¹² Там же. С. 350.

¹¹³ Записка Фадеева. 21 июня 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 357.

¹¹⁴ Кнез Милан Обреновић IV J. Грујићу из Ниша. 10 (22) јуна // Србија 1878. Документи / прир. М. Војводић и др. Београд: Српска књижевна задруга, 1978. С. 440.

¹¹⁵ Ibidem.

¹¹⁶ Чубриловић В. Босански устанак. 1875–1878. Београд: Српска краљевска академија наука, 1930. С. 372.

¹¹⁷ Письмо дипломатического агента А.И. Персиани министру Н.К. Гирсу. Белград, 3 июля 1878 г. АВПРИ. Ф. 161/3. Политический отдел СПб. Главного архива. Оп. 233. Д. 10. Фадеев, отставной генерал-майор. О поездке его

Генерал Фадеев попросил сербское и черногорское правительства предоставить сведения о составе и размещении австро-венгерских войск по границе с Сербией и Боснией, а также информацию «о настроении знатных людей христианского и мусульманского вероисповеданий Герцеговины и Боснии». Военный министр Сава Груич докладывал Йовану Ристичу, что сербские военные указали на надежных людей, которые могли бы помочь Фадееву¹¹⁸. По словам генерала, сам Груич «с великим удовольствием обязался писать [...] прямо» российскому главе военного ведомства¹¹⁹. Для изучения настроения мусульманских землевладельцев и зондирования почвы в Сараево Фадеев отправил из Сербии некоего Спасича, и еще один агент работал для установления связей с боснийскими мусульманами¹²⁰.

Фадеев был знаком с Голубом Бабичем, одним из лидеров боснийского восстания 1875–1878 гг. Доверенный человек австрийского консула в Белграде, который и сам был одним из известных повстанцев в Боснийской Крайне, Йован Миодрагович, утверждал, что Фадеев 3 июля дал деньги Богдану Зимоничу, а другой славянофил в Сербии, имя которого неизвестно, — Голубу Бабичу, чтобы боснийцы набирали людей для сопротивления оккупации. В тот же день, когда они получили деньги, австрийский консул сообщил в Вену, что Зимонич и Бабич едут в свои области, чтобы организовать восстание¹²¹. Бабичу удалось собрать отряды в Черных Потоках и поднять мятеж¹²².

Что касается черногорских союзников, то, согласно документам, Фадеев взял на себя задачу заключить договор

в Южно-Славянские по поручению Военного министерства для собрания сведений о положении дел и настроении умов в тех землях. 1878 г. Л. 13.

¹¹⁸ J. Грујић J. Ристићу из Београда. 13 (25 јуна) // Србија 1878. Документи. № 266. С. 452.

¹¹⁹ Записка Фадеева. 21 јуна 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 357.

¹²⁰ *Ekmečić M. Ustanak u Bosni. 1875–1878. Sarajevo: Veselin Masleša, 1960. S. 354.*

¹²¹ Чубриловић В. Босански устанак. С. 373.

¹²² *Ibid.* С. 375.

с князем Николой и одним из братьев Иониных* о постоянном сборе сведений, которые должны были «доноситься [...] шифрованными телеграммами еженедельно, а при возможности, или в особенно важных случаях, письменно, с нарочным в Вену»¹²³. По подсчетам генерала, разведка с помощью Черногории могла стоить 2–3 тыс. рублей в месяц за счет российского военного министерства¹²⁴.

Таким образом, роль России в основном сводилась к финансированию дела и руководству объединением сил Сербии и Черногории в Боснии и Герцеговине. Указания и решения должны были исходить из военного министерства, а не из МИДа. Нежелание Р.А. Фадеева особо привлекать внешнеполитическое ведомство прослеживается еще с первой поездки на Балканы. Вероятно, это объясняется его личным отношением к государственному канцлеру А.М. Горчакову и вообще конфронтацией военных и дипломатов в ходе русско-турецкой войны. Кроме того, известно, что еще до начала войны с Османской империей, Д.А. Милютин одно время поддерживал идею восстания на Балканах, а не проведения дипломатических мер по урегулированию ситуации¹²⁵.

Как было упомянуто выше, сербы княжества и черногорцы, по мнению Фадеева, «готовы были организовать для выступления в Боснии и Герцеговине». Он объяснял это тем, что, когда стало известно о согласии, данном Россией на Берлинском конгрессе на оккупацию

* Вероятно, это был брат российского генерального консула в Рагузе А.С. Ионина — В.С. Ионин.

¹²³ Донесение Р.А. Фадеева министру Д.А. Милютину. Вена, 12 (24) июля 1878 г. РГВИА. Ф. 428. Д. 193. Донесения генерала Фадеева о состоянии австрийской армии. Л. 30.

¹²⁴ Там же. Л. 30–30об.

¹²⁵ Хевролина В.М. Босния и Герцеговина в балканской политике России (1865–1874 гг.) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия: Материалы «круглого стола» советских и югославских историков (Москва, апрель 1990 г.) / редколл.: Ю.А. Писарев, В.И. Шеремет, В.Г. Карасев, В.М. Хевролина, В.И. Косик, Н.В. Кабакова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. (Балканские исследования. Вып. 13.) С. 133.

Боснии и Герцеговины, Сербия и Черногория восприняли это как «свой смертный приговор», а турецкие христиане и мусульмане посчитали «новое порабощение гораздо худшим прежнего»¹²⁶. Генерал считал, что черногорцы и особенно сербы согласились поддержать возмущение боснийцев и герцеговинцев, поскольку были уверены, что, получив автономию, турецкий вилайет со временем стал бы сербско-черногорским¹²⁷.

Сами жители Боснии и Герцеговины «хотят остаться покуда под владычеством Турции, с обеспечением, выговоренным по Сан-Стефанскому миру», — полагал генерал¹²⁸. Опасность австро-венгерской оккупации привела к определенному сближению православных и мусульман. К 21 июня 1878 г. Фадеев получил данные и писал в своем донесении Милютину: «Сигнал к этому сближению вышел от беев. В апреле и мае они три раза собирались в общее совещание и решили встретить австрийцев оружием, они распространили свою решимость на мусульманские населения, которые положили отступить в случае надобности в горы и биться на смерть. [...] Но беи понимают, что сопротивление их, без союза с христианами, будет подавлено, а потому в начале нынешнего месяца пригласили христианских старшин на общее совещание в Баня-Луке. Там было выражено обеими сторонами, что австрийское владычество гораздо хуже турецкого, что австрийские жида-чиновники снимут с них последнюю рубашку; православные сказали еще, что под турецкой властью они не боятся за свою веру, кроатские иезуиты станут ее искоренять; обеими сторонами было принято — стать дружно против австрийцев и позвать на помощь черногорцев и сербов»¹²⁹. Имелись сведения о том, что и некоторая часть католического населения выступала против оккупации¹³⁰.

¹²⁶ Записка Фадеева. 21 июня 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 366.

¹²⁷ Там же. С. 367.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. С. 367–368.

¹³⁰ Записка Фадеева. 7 июня 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 352.

Организация сопротивления в Боснии и Герцеговине находилась в руках мусульманского населения. В мае 1878 г. сараевские мусульмане стали требовать от османских властей начать сопротивление любой иностранной оккупации. 5 июня мусульманские землевладельцы учредили Национальный совет¹³¹. Православные медлили с участием в антиавстрийском выступлении без «положительного внушения со стороны Сербии и Черногории, особенно последней»¹³².

По убеждению генерала Фадеева, «кровь будет литься во всяком случае, но размер австрийских затруднений зависит исключительно от воли России»¹³³. Петербург поддерживает Сербию и Черногорию, они в свою очередь — боснийцев и герцеговинцев. Таким образом, главная цель России, согласно генералу, — ослабить Австро-Венгрию, «чтобы яма, которую она себе роет, была глубока». Для этого нужно было убедить Сербское и Черногорское княжества в том, что «австрийцы впускаются в Боснию не для гибели княжеств, а для своей собственной гибели»¹³⁴.

Р.А. Фадеев считал, что война в Боснии и Герцеговине могла стать еще более сложной проблемой для Австро-Венгрии. 10 июня 1878 г. в Призрене с участием 80 делегатов состоялось первое заседание Призренской лиги¹³⁵. По мнению Фадеева, это движение, которое сначала было исключительно мусульманским, затем превратилось бы в «сербское», когда в «мусульманскую революционную скупшину»

¹³¹ Donia R.J. The Habsburg Imperial Army in the Occupation of Bosnia and Herzegovina // Insurrections, wars and the Eastern Crisis in the 1870s / В.К. Király, G. Stokes (eds). New York: Columbia University Press, 1985. P.378.

¹³² Донесение Фадеева Милютину. Вена, 12/24 июля 1878 г. РГВИА. Ф. 428. Австрия. Д. 193. Донесения генерала Фадеева о состоянии австрийской армии. Л. 34.

¹³³ Записка Фадеева. 21 июня 1878 г. // Особое приращение... Вып. 6. С. 369.

¹³⁴ Там же. С. 370.

¹³⁵ Искендеров П.А. Албания в международных отношениях 1878–1908 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.). М.: Индрик, 2003. С. 216–217.

будут приглашены христиане Боснии и Герцеговины¹³⁶. Генерал полагал, что к формированию движения были причастны англичане во время переговоров, последовавших за Сан-Стефанским миром, после чего из Англии в Албанию и Македонию были ввезены огромные запасы вооружения¹³⁷. Кроме того, движение контролировалось из столицы, о чем генерал писал: «Выбор противника диктуется из Константинополя»¹³⁸. Первоначально «смута» могла двинуться на Сербию и Черногорию¹³⁹, но при надлежащей организации восстания «10 тысяч мусульман и даже албанских католиков потекли бы туда на помощь своим, дело Боснии приняло бы размеры, затрагивающие национальное и религиозное чувство турок»¹⁴⁰. Согласно этой же мысли Фадеева, помимо совместных действий, нужно «слово русского одобрения в Константинополе — боснийская смута примет огромные размеры»¹⁴¹. Фадеев отметил: «Занятие с бою турецких областей поставило бы Австрию в безвыходное положение, создало бы для нее новый Кавказ, повлекло бы на нее все революционные вооруженные силы Западной Турции, поглотило бы громадную часть ее сил, открыло бы доступ к вмешательству Италии против нее (уже теперь русский, итальянский и турецкий консулы в этом крае соединяются в единомышленный кружок), рассорило бы ее с собственными областями и сделало бы безоружной против нас»¹⁴².

¹³⁶ Дополнительная записка об австрийской мобилизации. РГВИА. Ф. 428. Д. 193. Донесения генерала Фадеева о состоянии австрийской армии. Л. 50.

¹³⁷ Там же. Л. 48.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Донесение Р.А. Фадеева военному министру Д.А. Милютину. Вена, 12 (24) июля 1878 г. РГВИА. Ф. 428. Д. 193. Донесения генерала Фадеева о состоянии австрийской армии. Л. 35об.-36.

¹⁴⁰ Там же. Л. 38об. - 39.

¹⁴¹ Дополнительная записка об австрийской мобилизации. РГВИА. Ф. 428. Д. 193. Донесения генерала Фадеева о состоянии австрийской армии. Л. 53.

¹⁴² Там же. Л. 37.

Руководители албанского движения настороженно относились к попыткам турецкой стороны использовать его в своих собственных интересах. Руководство Призренской лиги отвергло предложение Стамбула направить отряды в Боснию и Герцеговину для организации отпора австро-венгерским властям, оккупировавшим эти турецкие провинции с санкции великих держав¹⁴³. То, что Порта поддерживала не только мусульман Албании и Македонии, но и негласно — Боснию и Герцеговину, подтвердили поставки турецкого оружия¹⁴⁴.

Расчет Фадеева строился и на посильной помощи России и Италии. По словам итальянского консула в Белграде, Рим «употребит по крайней мере все усилия, чтобы затруднить» оккупацию Боснии и Герцеговины, «раздувая противодействие» со стороны местных жителей¹⁴⁵. Но ни Турция, ни Италия не могли объединить мусульман и христиан. Это в состоянии была сделать только Россия, считал генерал Фадеев¹⁴⁶.

Итак, согласно плану Фадеева, Австро-Венгрии могли противостоять Россия, Турция и Италия, если бы поддержали вмешательство в боснийско-герцеговинские дела. Генерал Фадеев отмечал, что Вене и Будапешту могут помешать сами жители Габсбургской монархии. Он писал, что «славяне (православные сербы, дальматы и словенцы (венды), кроме кроатов) выражают свое сочувствие к нам и свободным славянам с удивительным единодушием»¹⁴⁷. Как передавал русский генерал, офицеры-славяне считали, что Боснию и Герцеговину «очень скоро придется бросить, что для государства, стоящего накануне банкротства,

¹⁴³ Искендеров П.А. Албания в международных отношениях 1878–1908 гг. С. 218.

¹⁴⁴ Записка Фадеева. 21 июня 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 367, 369.

¹⁴⁵ Там же. С. 359–360.

¹⁴⁶ Там же. С. 361.

¹⁴⁷ Там же. С. 363–364.

нечего думать о приобретениях и о влиянии вне своей границы, что вступление в Боснию непременно вовлечет их, если не прямо, то через некоторое время, в войну с Россией, что примеры 1859 и 1866 гг. должны научить правительство благоразумию, что нельзя побеждать с солдатами, которые нисколько не интересуются победой, и что война с Россией будет последним днем Австрии»¹⁴⁸.

Несмотря на такое настроение некоторых военных кругов, генерал Фадеев не мог не отметить, что австро-венгерские власти мобилизуют армию и укрепляют южные границы. Они даже предпринимали особые меры по случаю «небывалой еще славянской войны»¹⁴⁹. Австро-Венгрия главные силы планировала направить на Герцеговину, чтобы отрезать ее от Черногории, «занять Боснию с обеих сторон, северной и южной; при этом дивизия, собранная в Аграме*, должна идти на Сараево, а дивизия из Эссега** вверх по Дрине, для угрозы Сербии и ограждения от нее своего левого фланга»¹⁵⁰. Среди военных ходили слухи, что правительство надеется занять Новипазарский санджак и двинуться дальше к Салоникам¹⁵¹.

Фадеев в своих записках не мог пройти мимо боснийско-герцеговинского фактора, который будет играть роль в дуалистической системе. Генерал предполагал, что правительство не станет присоединять Боснию к хорватским землям, а будет опираться на оккупированные территории, «противополагая хорватов мадьярам»¹⁵².

¹⁴⁸ Там же. С. 363.

¹⁴⁹ Записка Фадеева. 7 июня 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 354.

* Современный Загреб.

** Современный Осиек.

¹⁵⁰ Записка Фадеева. 21 июня 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 361–362.

¹⁵¹ Донесение Фадеева Милютину. Вена, 12/24 июля 1878 г. РГВИА. Ф. 428. Австрия. Д. 193. Донесения генерала Фадеева о состоянии австрийской армии. Л. 320б.

¹⁵² Записка Фадеева. 21 июня 1878 г. // Особое прибавление... Вып. 6. С. 364.

Миссия отставного генерал-майора Р.А. Фадеева закончилась в июле 1878 г., еще до вступления австро-венгерских войск в Боснию и Герцеговину. 23 июля 1878 г. генерал Н.Н. Обручев вызвал Фадеева в Россию, мотивируя тем, что, по доходящим до Петербурга слухам, его действия «не согласуются с видами правительства»¹⁵³. Сам генерал отрицал такую причину отъезда с Балканского полуострова — он объяснял его интригами австро-венгерских агентов в Белграде, которые пришли к заключению, что Фадеев берет на себя командование сербской армией. Впоследствии он писал: «Я не сомневаюсь, что Андраши обратился к нашим уполномоченным на конгрессе, которые, угождая ему, вероятно, написали, что я смущаю сербов, а вместе с тем наше сердечное согласие с Австрией»¹⁵⁴. Прибыв в Петербург в середине августа, генерал тут же отправился в Крым, чтобы лично доложить о своей поездке военному министру Д.А. Милютину.

Одной из причин отъезда Фадеева была позиция сербского правительства. Сербские официальные круги относились с недоверием к миссии русского генерала и намерениям Петербурга. С. Груич писал Й. Ристичу в Берлин, что «русские, с одной стороны, через Шувалова* договариваются о мире, а с другой — через Милютина готовятся к угрозе войны с Австрией в случае неудачи на конгрессе»¹⁵⁵. М. Экмечич отметил, что поддержка со стороны Сербии и Черногории русских планов могла серьезно навредить сербской дипломатии во время мирных переговоров в Берлине¹⁵⁶.

* Петра Андреевича Шувалова, одного из представителей России на Берлинском конгрессе.

¹⁵³ Дополнительная записка об австрийской мобилизации. РГВИА. Ф. 428. Австрия. Д. 193. Донесения генерала Фадеева о состоянии австрийской армии. Л. 54.

¹⁵⁴ Там же. Л. 59–59об.

¹⁵⁵ Ј. Грујић Ј. Ристићу из Београда. 13 (25 јуна) // Србија 1878. Документи. № 266. С. 452.

¹⁵⁶ *Ekmečić M. Ustanak u Bosni. 1875–1878. S. 354.*

Белград и Цетинье взяли курс на проавстрийскую политику, тем самым отказавшись на время от претензий на Боснию и Герцеговину.

Немалую роль сыграло в отказе от услуг Фадеева скептическое отношение российских дипломатов к военному потенциалу новых балканских государств. Н.К. Гирс секретным образом дал поручение генеральному консулу в Рагузе А.С. Ионину выяснить позицию Черногории в возможной русско-австрийской войне¹⁵⁷. После консультаций с черногорским князем Николой и Р.А. Фадеевым назначенный в июле 1878 г. посланником в Черногории Ионин стал настаивать на отъезде генерала из южнославянских земель. Он убеждал Фадеева отказаться от миссии. По мнению Ионина, план Фадеева был слишком «туманным», зависимым от обстоятельств по отношению к будущему Боснии, Герцеговины и Черногории. Дипломат не был уверен в силах Черногорского княжества на борьбу и сохранение предполагаемых приобретений. Ионин скептически смотрел на территориальные приращения княжества за счет соседних территорий. Он писал в министерство иностранных дел: «В такое время, как теперь, после долгой и нравственно утомительной борьбы, после того, как везде и всюду понятия перемешались и заблудились в лесе вопросительных знаков, мы можем относиться только с точными и ясными требованиями к второстепенным и вспомогательным силам на Востоке, а никак не с такими предположениями, которые делали бы для них еще более непонятными и роль, которую они играют в событии всемирного значения, и те связи, которые их соединяют с нами»¹⁵⁸. Еще одним сильным аргументом дипломата,

¹⁵⁷ 1878 г. не ранее 25 марта. Письмо Н.К. Гирса русскому генеральному консулу в Рагузе А.С. Ионину с просьбой выяснить позицию Черногории в случае войны России с Австро-Венгрией // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3 / редколл.: С.А. Никитин, В.Д. Конобеев, Х.Н. Гандев, Г.Д. Тодоров. М.: Издательство АН СССР, 1967. С. 58–59.

¹⁵⁸ Копия донесения посланника в Черногории А.С. Ионина из Цетинье от 22 июля 1878 г. РГВИА. Ф. 846. Военно-учетный архив. Оп. 1. Д. 27. Телеграммы и донесения послов о дипломатических отношениях России с Австрией, Англией, Турцией, Германией, Албанией, Сербией,

с которым согласились и Фадеев, и черногорский князь, была угроза большой войны. Ионин опасался, что неосторожные и недостаточно организованные антиавстрийские выступления могли втянуть Петербург в конфликт с Австро-Венгрией. Посланник настоятельно просил предложить Сербии и Черногории в первую очередь укрепиться в тех границах, которые утвердил Берлинский трактат, даже ценой сотрудничества с Венной, пока российское государство будет собираться с силами. Дипломат прогнозировал, что России представится возможность поменять границы своих южнославянских союзников¹⁵⁹.

Осознавая, что российские уполномоченные на Берлинском конгрессе не могут полностью отстаивать интересы княжеств, канцлер А.М. Горчаков в инструкции Е.П. Новикову давал понять, что черногорский князь Никола и сербский князь Милан самостоятельно сумеют решить свои вопросы посредством сближения с Австро-Венгрией и заключения договоров с его правительством¹⁶⁰. Сербские и черногорские правящие круги выбрали путь сотрудничества с дуалистической монархией, чтобы отстоять свои интересы перед лицом европейского конгресса. Уже в Берлине шли переговоры между Ристичем и Андраши о соглашении. Сербский министр иностранных дел, желая снять обвинения в поддержке Фадеева, заявил, что у сербского правительства не было никаких связей с русским генералом¹⁶¹.

Изучение позиции южнославянских княжеств по вопросу поддержки миссии Фадеева показало нежелание сербского правительства принять предполагаемый

Черногорией, Боснией, о военных приготовлениях в Греции. Июль 1878. Л. 237об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 244–245об.

¹⁶⁰ Инструкция А.М. Горчакова Е.П. Новикову о переговорах с Д. Андраши в связи с возражением Австро-Венгрии против некоторых статей Сан-Стефанского договора // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. С. 65.

¹⁶¹ *Ekmečić M. Ustanak u Bosni. S. 354; Чубриловић В. Босански устанак. 1875–1878. С. 375.*

план. Прагматичная и реальная политика балканских правительств предпочла конкретные предложения Австро-Венгрии абстрактным планам возможных приращений. Предыдущая военная кампания показала Белграду и Цетинье, что участие в вооруженных выступлениях не гарантирует территориальных приращений.

Еще одним фактором, повлиявшим на решение Петербурга, было поведение самого генерала. Судя по донесениям иностранных агентов из Белграда, Фадеев не скрывал своих связей с вождями повстанцев в Боснии и Герцеговине. Генерал был уже достаточно давно известен как славянофил, и поверить в то, что он приехал на Балканы уговорить принять требования Австро-Венгрии, было достаточно трудно. Российское правительство насторожила активность отставного генерала, которая могла повлечь за собой серьезные столкновения с дуалистической монархией.

Фадеев в 1877–1878 гг. дважды побывал на Балканском полуострове. О его деятельности было известно военному министерству. В первый раз Фадеев составил план совместного сербско-черногорского похода под руководством русских военных в Новипазарский санджак и Македонию с целью объединить южнославянские княжества Сербию и Черногорию. Возможно, эти территории должны были стать компенсацией за потерю Боснии и Герцеговины. Второй, не менее важной, задачей, которую решали действия в полосе между Сербией и Черногорией, являлось установление предела австро-венгерской экспансии на юг Балкан. План так и не осуществился, но зато он стал толчком ко второй попытке — поднять восстание против австро-венгерской оккупации. Несмотря на то что частично удалось организовать сопротивление, о полномасштабном восстании с участием Сербии и Черногории не могло быть и речи.

Начальный этап австро-венгерского управления в Боснии и Герцеговине

Российский уполномоченный представитель на Берлинском конгрессе П.А. Шувалов сообщал: несмотря на то что в XXV статье окончательного мирного трактата говорится об «оккупации без определения срока», все представители европейских государств считали, что оккупация означала именно аннексию¹. Петербургские политики также не исключали того, что передача Боснии во временное управление в действительности может обернуться не чем иным, как окончательным присоединением.

Одно обстоятельство успокаивало русских дипломатов: оккупация обнаружила огромную брешь в системе дуализма. В петербургском министерстве прогнозировали, что увеличение славянского населения Габсбургской монархии станет «причиной слабости в случае войны с нами»². Как отмечается в утвержденном царем Александром II проекте инструкции послу в Вене П.П. Убри, еще одной причиной относительно спокойного отношения к оккупации было то, что Австро-Венгрия «будет прикреплена к Адриатике, далеко от Черного моря»³.

¹ Шифрованная телеграмма П.А. Шувалова. Берлин, 23 июня (3 июля) 1878 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 201. Балканский кризис. Копии документов, относящихся к годам 1878-89-80-81 (Босния, Герцеговина, Санджак). Записка о наших отношениях с Австро-Венгрией (1876-1897). 1908. Л. 19.

² Проект инструкции послу в Вене П.П. Убри. Петербург, 17 января 1880 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 201. Л. 24-24об.

³ Проект инструкции послу в Вене П.П. Убри. Петербург, 17 января 1880 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 201. Балканский кризис. Копии документов, относящихся к годам 1878-89-80-81 (Босния, Герцеговина,

Порта в июле 1878 г., после Берлинского конгресса, стремилась оттянуть момент ввода оккупационных войск Австро-Венгрии и пересмотреть решение боснийского вопроса. С этой целью она пыталась договориться с дунайской монархией в двустороннем порядке. Великий визирь Савфет-паша предлагал австро-венгерскому правительству через посла в Константинополе Ференца Зичи оккупировать Герцеговину и Новипазарский санджак, а Боснию оставить под управлением Порты. Зичи, даже не испрашивая мнения своего правительства, отклонил предложение. 24 июля, в день, когда граф Андраши уведомил Порту, что ввод австро-венгерских войск начнется 28-го числа того же месяца, в Вену прибыл уполномоченный османского правительства Каратеодори-паша с заданием попросить отложить сроки оккупации⁴. Однако Вена и на этот раз дала отрицательный ответ Стамбулу. Порте было ясно, что оккупация Боснии и Герцеговины означала окончательную потерю провинций.

29 июля 1878 г. вооруженные силы Габсбургской монархии приступили к оккупации Боснии и Герцеговины согласно мандату, выданному великими державами на Берлинском конгрессе⁵. Для умиротворения мятежного вилайета австро-венгерские власти направили три типа военных формирований: 1) на начальной стадии оккупации для отражения крупномасштабного сопротивления населения была отправлена регулярная армия; 2) чтобы установить и поддерживать порядок, работала жандармерия; 3) целью вспомогательной части жандармерии было уничтожение разбойничьих отрядов в горах Боснии и Герцеговины⁶.

Санджак). Записка о наших отношениях с Австро-Венгрией (1876–1897). 1908. Л. 24.

⁴ Чубрилович В. Босански устанак. 1875–1878. Београд: Српска краљевска академија наука, 1930. С. 345.

⁵ О действиях оккупационных войск см.: *Bencze L., Schubert F. The occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878.* New York: Columbia University Press, 2006.

⁶ *Donia R.J. The Habsburg Imperial Army in the Occupation of Bosnia and Herzegovina // Insurrections, wars and the Eastern Crisis in the 1870s / B.K. Király, G. Stokes (eds).* New York: Columbia University Press, 1985. P. 375.

Уже в начале 1878 г., как сообщало российское министерство иностранных дел, жителям Боснии и Герцеговины было известно о возможной оккупации их вилайета⁷. Местное население готовилось к вооруженной борьбе с австро-венгерскими войсками. Оснащенной современным оружием армии из 268 тыс. человек понадобилось четыре месяца, чтобы сломить сопротивление православных, мусульман и некоторой части католиков⁸.

Босния и Герцеговина в 1879 г.: взгляд П.А. Ровинского

Одним из ценных источников о состоянии боснийско-герцеговинского общества в начальный период оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины являются путевые заметки и корреспонденция известного ученого-этнографа, путешественника, публициста Павла Аполлоновича Ровинского (1831–1916)⁹, который был командирован на Балканы в качестве корреспондента петербургской газеты «Новое время». Ровинский отправился в путешествие по Боснии поздней

⁷ Отчет МИД за 1878 г. по Герцеговине // *Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903)* / прир. Љ.В. Кузмичева, Д.М. Ковачевић; ред. Ч. Попов. Нови Сад: Српска академија наука и уметности, Огранак у Новом Саду, 1996. С. 167.

⁸ *Donia R.J., Fine J.V.A. Bosnia and Hercegovina. A Tradition Betrayed.* New York: Columbia University Press, 1994. P. 70.

⁹ О самом П.А. Ровинском см., например: *Хлебникова В.Б. П.А. Ровинский как исследователь Черногории: Автореф.... канд. ист. наук.* М., 1986; *Она же. «Русский черногорец» Павел Ровинский // Родина.* 2006. № 4; *Она же. Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2016; П.А. Ровинский (1831–1916) и его время: Межвузовский тематический сборник научных трудов.* Калинин: Калининский гос. университет, 1988; *Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского) / сост., введ. А.Л. Шемякин.* СПб.; М.: Нестор-История, 2019.

осенью 1878 г. Его корреспонденция оттуда начала поступать в ноябре 1878 г. и закончилась в апреле 1879 г., когда австро-венгерская полиция насильственно выдворила журналиста из оккупированной провинции¹⁰.

Статья «Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г.» была напечатана в третьем, мартовском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1880 г.¹¹ Эта работа Ровинского, посвященная северо-восточной части Боснии, на границе с Сербией, — Зворникскому санджаку и его главному городу Нижней Тузле, в отличие от обычной корреспонденции, хорошо структурирована: в ней выделены параграфы, а также приводятся различные данные и историографические сведения. С одной стороны, сочинения Ровинского о Боснии являются путевыми заметками, то есть источниками личного происхождения, а с другой — представляют собой этнографические исследования на уровне развития науки последней четверти XIX в. В конце обширной статьи автор сделал экскурс в историю Посавины (область на границе с Австро-Венгрией), которая дольше, чем все остальные санджаки, сопротивлялась габсбургской армии. Журналист знакомил российскую общественность с положением в провинциях, на оккупацию которых было вынуждено согласиться правительство России по результатам русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Статьи Ровинского по Боснии и Герцеговине особенно интересны тем, что они выполнены в начале большого трансформационного периода боснийского общества, особенно в Зворникском санджаке, участвовавшем в сопротивлении оккупации. Они важны тем, что показывают первую реакцию

¹⁰ Хлебникова В.Б. «Русский черногорец» Павел Ровинский. С. 75.

¹¹ Ровинский П.А. Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Март. О взглядах П.А. Ровинского на мусульманских жителей Боснии и Герцеговины см.: Пахомова Л.Ю. П.А. Ровинский о мусульманском обществе на начальном этапе австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины // Славянский мир в третьем тысячелетии. Вып. 12. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Е.С. Узенева. М., 2017.

населения на чужеземное присутствие, — оказывается, город достаточно быстро вернулся к мирной жизни.

Путевые заметки Ровинского полны негативной оценки мусульманской элиты, католической религии и австро-венгерских властей, при этом очевидно позитивное отношение автора к православным жителям Боснии. Такие суждения, на наш взгляд, объясняются тем, что автор был представителем православной России. Кроме того, в его сочинениях отражаются народнические взгляды Ровинского, который в 1862–1863 гг. был одним из самых деятельных участников организации «Земля и воля»¹². Автор заметно сочувствовал простому народу и критиковал аристократию и крупных землевладельцев за то, что те угнетают крестьян, а османское и австро-венгерское правительства — за нежелание решить аграрный вопрос.

Основное внимание Ровинский в статье «Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г.» уделил главному городу санджака — Нижней Тузле. Он подробно описал рельеф местности. Одной из причин наибольших потерь австро-венгерских войск при взятии этого города путешественник назвал его географическое положение: поселение было окружено горами и холмами, где были скрыты небольшие укрепления местных жителей, сопротивлявшихся оккупации и нанесших крупное поражение наступавшим солдатам. Помимо того, как писал Ровинский, дух свободы, присущий торговому городу, который «менее носит на себе печать турецкого господства», также явился одной из причин организованного сопротивления оккупации. Ценности местных жителей сформировались под влиянием соседней Австро-Венгерской империи: они стремились получить образование, христиане чувствовали поддержку наряду с той, которую потом оказывала Сербия. Все это в совокупности, по мнению автора, будило в тузланцах «сознание своей силы, энергию и предприимчивость»¹³.

По свидетельству Ровинского, отступив, австрийцы вернулись в Нижнюю Тузлу с 40-тысячным корпусом только

¹² Хлебникова В. Б. «Русский черногорец» Павел Ровинский. С. 75.

¹³ Там же. С. 8.

после того, как вся Босния была подчинена, и взяли город без единого выстрела. В наказание за сопротивление оккупационные войска относились к жителям Тузлы «более сурово, чем где-нибудь»¹⁴.

После анализа демографических данных по санджакам Боснии и Герцеговины Ровинский сделал вывод о том, что, во-первых, распределение населения различных вероисповеданий было обусловлено политическим влиянием соседней Австро-Венгрии. Во-вторых, выбор места жительства зависел от характера представителей разных религиозных групп. По мнению автора, «турки стремятся к уединению и равнинам, предпочитают горы и узкие долины, не столько служащие пользе, сколько удовлетворяющие эстетическому чувству, праздно потребности любоваться природой», тогда как «христианское население, как рабочее и торговое, ищет для своего поселения открытые места, равнины, стоящие в более тесной связи с остальной Европой»¹⁵. В подтверждение своей гипотезы П. А. Ровинский привел структуру населения Нижней Тузлы. Большинство горожан составляли мусульмане: их было почти в три раза больше, чем христианского населения. Ровинский пользовался данными, которые были в конце 1850-х гг. у А. Ф. Гильфердинга: христиан насчитывалось 3555 человек, мусульман — 10 089 (статистика учитывала только мужское население)¹⁶.

И в корреспонденции, и в статье Ровинский называл жителей Боснии босняками или боснийцами, без различия вероисповеданий. Если речь шла о мусульманине, Ровинский обозначал его магометанином, турком или турчином, этнических турок определял отдельно как османлия; православных — сербинами, православными либо сербами (при этом автор путевых заметок отличает жителей Сербии: когда рядом оказывались босниец и серб княжества, сербом

¹⁴ Ровинский П. А. Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 5–6.

¹⁵ Там же. С. 59.

¹⁶ Там же. С. 58.

он называл второго, босняком — первого); католиков Боснии Ровинский не идентифицировал как хорватов.

«Наблюдения во время путешествия...» насыщены детальным описанием антропологических особенностей местных жителей и классическим этнографическим материалом — описанием костюмов и жилищ. Ровинский присутствовал на венчании, похоронах и молитвах в православной и католической церквях и в мечети.

Ровинский дал читателю полное представление о структуре Нижней Тузлы: в центре ее находились конак (дворец) паши, град (крепость), чаршия (торговый квартал), предместье — варош (христианские кварталы) и циганлук (цыганский квартал); часть города, где жили мусульмане, называлась касаб и состояла из 12 махал (кварталов)¹⁷. Достаточно детально автор описал чаршию и ее обитателей. Одно из больших зрелищ — аукцион; все продажи фиксировались австро-венгерским чиновником¹⁸. Торговые лавки путешественник сравнил с теми, что есть на базарах в российских уездных городах, и заключил, что и в России, и в Боснии они выглядели одинаково: передняя стена лавки состояла из двух частей — верхняя половина открывалась наверх и образовывала навес, нижняя откидывалась и превращалась в площадку лавки. На полу были постелены половики местного производства, на которых сидели перед своим товаром хозяева. В холодное время года в каждой лавке ставили мангалы. Целый день торговец находился в своей лавке; если он мусульманин, курил чубук, если христианин — папиросы, пил кофе, христиане держали вино¹⁹.

Русский корреспондент был поражен разнообразием товаров, которые предлагались на небольшой чаршии. Основная торговля велась по пятницам, когда в город приезжали закупаться жители сел. По сведениям Ровинского, в Нижней Тузле раньше торговали мехами, но с приходом

¹⁷ Там же. С. 2–4.

¹⁸ Там же. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 17–19.

австрийцев охотничий промысел прекратился (к сожалению, автор не указал причину этого). Австро-венгерских солдат и офицеров корреспондент назвал «слабыми потребителями»: в основном они покупали продукты питания, напитки и разную мелочь: табак, перья, бумагу, белый коленкор для воротничков. Иногда перед тем, как уехать из Боснии, офицеры приобретали восточные сувениры²⁰.

Ровинский описал одно из самых важных мест чаршии — кофейни, где собирались, закрыв лавки после захода солнца, торговцы. Там они курили чубуки и кальян и вели неторопливые разговоры — вплоть до вечерней молитвы. «Обычная их сдержанность, какое-то равнодушие и важное спокойствие, есть что-то обрядовое, исполняемое по предписаниям закона, как молитвы и омовения», — отмечал наблюдательный путешественник. Беседы в кофейнях в это время были посвящены в основном одной теме — присутствию оккупационных войск, прогнозам, сколько продлится оккупация. Как писал Ровинский, когда разговор касался вопросов несправедливого, с точки зрения мусульман, отношения со стороны новых властей, люди оживлялись²¹.

Для мусульманина, по свидетельству Ровинского, торговля представляла главным образом дополнительное к землевладению, необременительное занятие, своего рода досуг и развлечение²². К тому же даже после работы на чаршии мусульманин-торговец продолжал наслаждаться жизнью²³. Автор упрекал мусульманскую элиту в безделье: аги только философствовали, фантазировали, созерцали природу. В то же время Ровинский отмечал, что «безделье» позволило мусульманину создать образ добродетельного человека — чистого, честного, великодушного, щедрого, бескорыстного, храброго, в то время как христианин, который занимался тяжелым

²⁰ Ровинский П.А. Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 17–21.

²¹ Там же. С. 22.

²² Там же. С. 27–28.

²³ Там же. С. 27.

трудом, выглядел в глазах других ленивым, неряшливым, лукавым, тупым, своекорыстным, неверным, приниженным. Ровинский нашел, как ему казалось, правильное объяснение таким представлениям: «Христианин-тежак (простой рабочий), лишенный общечеловеческих прав и собственности, прокармливающий своим трудом своего господина и пробивающий себе путь к гражданским правам, и вылезая в купцы, стоит в смысле цивилизации несравненно выше, имеет гораздо больше ума и характера, чем турчин, его господин, живущий на чужой счет, ничего не делающий, ничего не создающий и не приобретающий и в конце концов проживающийся, идущий к упадку и разорению». Автор сравнивал мусульманскую аристократию с европейскими рыцарями, а христиан — со средним городским сословием²⁴. Русский корреспондент был поражен предпринимательским духом тузланских торговцев-христиан: «Это большей частью люди, сами нажившие небольшие деньги долгим временем и трудом, оборотливостью и крайней экономией»²⁵. Такие качества позволили молодым людям, переехавшим из боснийских сел в город, работавшим у цинцарских или греческих купцов, накопить средства, стать самостоятельными и добиться «прав как сограждане магOMETAN»²⁶. Добросовестность и усердие православных торговцев сделали тузланскую чаршию одной из самых популярных, куда приезжали из других сел и городов. Многие из торговцев-христиан постепенно становились землевладельцами через залог и покупку недвижимости у обедневших мусульман²⁷. Таким образом, в оценке труда православных жителей Тузлы Ровинский был близок к взглядам М. Вебера, заметившего влияние религии на экономику.

При всем своем положительном отношении к православным Ровинский упрекал общину в недостаточно хорошем управлении имуществом и привел следующий пример:

²⁴ Там же. С. 33.

²⁵ Там же. С. 19.

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ Там же. С. 27.

сбрав деньги на строительство церкви, «распорядители разобрали его (денежный фонд. — Л.П.) по рукам без надлежащих документов и ручальств» и не смогли все вернуть обратно. Поэтому при строительстве использовали некачественный материал, что приводило к разрушению, а церковь стояла недостроенной²⁸. По мнению Ровинского, священники должны были стать элитой православного населения Боснии и Герцеговины. Но он, как и многие русские, побывавшие или жившие там, весьма скептически отнесся к духовенству, назначенному из Константинополя²⁹.

Хотя большую часть населения Нижней Тузлы составляли мусульмане, Ровинский отмечал, что именно там был «слабее дух магометанства», чем в других боснийских городах, и в качестве доказательства приводил число и богатство мечетей в городе. На 1100 домов (5500 жителей) здесь приходилось девять мечетей, в то время как в небольшом городке Кладан девятью мечетями пользовались 180 домов (менее 1000 человек). В Нижней Тузле было всего две мечети с минаретами, в которых служили муллы и имамы, остальные больше напоминали «молельные дома с башенками»³⁰. Из-за тесного общения с христианами, писал Ровинский, мусульмане Тузлы были более веротерпимыми³¹.

При описании одной из мечетей и пятничной молитвы Ровинский сравнил намаз с гимнастикой в детском приюте, где «придают большое значение дрессировке тела и души вместе; стараются добиться, чтобы дети слушались команды и приучились известные действия производить по команде дружно, как один человек». По его мнению, именно так достигались организованность и повиновение мусульман муллам³². То же самое было и в католической церкви, был уверен Ровинский.

²⁸ Ровинский П.А. Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 26–27.

²⁹ Там же. С. 46.

³⁰ Там же. С. 9.

³¹ Там же. С. 23.

³² Там же. С. 41–43.

В результате сравнения образа жизни католиков и мусульман он пришел к заключению, что их религии оторваны от народности: первые называют себя «латинами или христианами», вторые — «турками», забывая свою народность³³.

На первый взгляд общественная и деловая жизнь мусульман не претерпела изменений в связи с вводом в провинции австро-венгерских войск, однако Ровинский неоднократно упоминал, что элементами, которые подверглись здесь наибольшим изменениям, были дом и семья мусульманина. Зажиточный мусульманин в Нижней Тузле имел двухэтажный дом с твшком — балконом, закрытым со всех сторон решеткой, и с диванханом — внутренней галереей. При доме, как правило, был сад. Богатые мусульмане владели двором с двумя домами³⁴.

Ровинский подчеркивал, что расквартирование в доме мусульман чужих людей, даже одной с ними веры, противно их закону. Поэтому многие мусульмане покинули свои городские дома и переехали в села³⁵ либо арендовали дома поменьше, оставив свои большие дворы солдатам и офицерам австро-венгерской армии³⁶. Православные же пытались избежать постоя военных уже в османское время, поэтому строили высокий забор и небольшие дома³⁷.

Что касается отношений мусульман и австро-венгерских властей, по сведениям Ровинского, в самом начале оккупации наиболее жестоким репрессиям за сопротивление габсбургским войскам подверглись мусульмане: «Турок больше всего расстреляно и изгнано; их дома и мечети больше подверглись разрушению»³⁸. Однако затем австрийцы

³³ Там же. С. 50.

³⁴ Там же. С. 30.

³⁵ Ровинский П. А. Из Боснии. Брчко, 5 ноября // Новое время. 1878. № 994. С. 2.

³⁶ Ровинский П. А. Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 31.

³⁷ Там же. С. 28–29.

³⁸ Ровинский П. А. Корреспонденция «Нового времени». Сараево, 19 (31) декабря // Новое время. 1878. № 1028. С. 1.

поспешили «замирить» мусульман: из них стали набирать чиновников и корпус жандармов. Помимо этого, когда были восстановлены турецкие суды, свидетельства мусульман в спорных вопросах стали весомее, чем слова христиан, особенно православных³⁹. Ровинский объяснял доверие и позитивное отношение новой власти к мусульманам тем, что австрийцы могли легко убедить их перейти на сторону новой власти: мусульмане были больше подвержены патернализму и надеялись на помощь султана, который находился в призрачном Стамбуле и власть которого была уже почти уничтожена, тогда как православные искали поддержки у новых независимых государств⁴⁰.

Ровинский особо подчеркивал: мусульман не беспокоило, что австро-венгерское правительство будет на них нападать, так как они знали, что Австро-Венгрия не тронет ислам⁴¹. Однако он был убежден, что мусульманин в Боснии не предан своей вере: она «важна была только своими последствиями, так как посредством ее он был господином; о национальности он также не думает»⁴². По мнению Ровинского, религиозный вопрос сводился к социально-экономическим темам — праву на землю и высокому положению в обществе по сравнению с христианами, которые в основном являлись кметами — крестьянами-арендаторами на землях мусульман⁴³. Автор считал мусульман, которые и являются боснийской аристократией, лицемерными, готовыми из-за выгоды менять свое мнение и не имеющими «характера противостоять первому внешнему натиску»⁴⁴. Однако именно такое поведение, как подчеркивал

³⁹ Ровинский П.А. Корреспонденция «Нового времени». Сараево, 19 (31) декабря // Новое время. 1878. № 1028. С. 2; Он же. Корреспонденция «Нового времени». Сараево, 12 (24) января // Новое время. 1879. № 1058. С. 2.

⁴⁰ Ровинский П.А. Корреспонденция «Нового времени». Сараево, 19 (31) декабря. С. 2.

⁴¹ Ровинский П.А. Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 32.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 33.

Ровинский, помогло тому, что мусульмане Боснии «не только сохранили свою славянскую народность, но и являются лучшими ее представителями: их язык отличается наибольшей чистотой, правильностью и некоторым изяществом; в нем сохранились грамматические формы и обороты»⁴⁵. Способность тузланцев адаптироваться к новым условиям путешественник показал через пример своего знакомого, Ибрагима-аги, отдавшего весь свой дом австро-венгерским военным, переселившегося в маленький дом бедняка и старательно учившего латиницу⁴⁶.

Показывая, как способны меняться представители всех этнических групп, автор негативно оценивал такую способность у мусульман и католиков. Это качество у своих единоверцев Ровинский предпочел оценивать позитивно. Большая же часть жителей были настроены консервативно и не желали изменений. Им были свойственны безмятежность и спокойно-медлительный уклад жизни. Для путевых записок характерно описание боснийцев с обязательным употреблением определений «ленивый» и «неспешный», причем без различия веры. По мнению П. А. Ровинского, турецкое господство «низвело поселянина на степень раба, ленивого, убитого духом, без энергии и инициативы»⁴⁷. Про мусульманина русский путешественник писал, что на работе магометанин-торговец, «просидев в своей лавке целый день, с невозмутимым спокойствием принимал посещающего его покупателя и провожал глазами проходящих мимо; он не предавался никакой тревожной работе»⁴⁸, а отдыхал он, «предаваясь тайному забвению остального мира с его суетой, грязью и гнилой атмосферой»⁴⁹.

Старой боснийской аристократии Ровинский противопоставлял новое поколение мусульман, выучившихся

⁴⁵ Там же. С. 23–24.

⁴⁶ Там же. С. 31.

⁴⁷ Там же. С. 26.

⁴⁸ Там же. С. 28.

⁴⁹ Там же. С. 30.

в школах, которые открылись после реформ Омера-паши Латаса в начале 1850-х гг. и в которых преподавание велось на турецком или арабском языке. Из выпускников новых учебных заведений, как свидетельствовал Ровинский, вышла местная бюрократия, сторонница сильной центральной власти Стамбула и противница автономной Боснии. Автор писал, что заметил в новых чиновниках стремление выделиться себя из общей массы и смотреть свысока на своих соотечественников, не получивших образование в новых школах. И теперь эти же чиновники стали работать на австро-венгерское правительство, которое помешало самостоятельному развитию Боснии и Герцеговины⁵⁰. Мусульмане понимали, что австро-венгерское владычество будет иметь для всех только негативные последствия, тогда как «при турках хоть кому-нибудь было жить хорошо»⁵¹.

П.А. Ровинский пришел к выводу, что после «магометанско-аристократического» движения первой половины XIX в. не без помощи Габсбургской монархии наступил период «христианско-демократических» выступлений против властей, кульминацией которых стало восстание 1875–1878 гг. Эта борьба, как полагал путешественник, была следствием внутреннего развития Боснии и Герцеговины⁵². Вена, поддерживая христианские восстания, преследовала цель отторгнуть Боснию и Герцеговину от Османской империи и подчинить их своей власти. Корреспондент с некоторой долей горечи признавал, что венское правительство при этом использовало Сербию и Россию⁵³.

Ровинский не считал австро-венгерскую оккупацию окончательным ответом на вопрос о перспективах боснийской государственности. Автор отводил определяющую роль мусульманам: по его мнению, они оказались перед выбором, на чью сторону встать — католиков или православных. «Вот

⁵⁰ Ровинский П.А. Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 24.

⁵¹ Там же. С. 23.

⁵² Там же. С. 70.

⁵³ Там же. 69–70.

вопрос, от решения которого зависит будущее духовное развитие Боснии, а в связи с ним ее культурные и политические стремления», — писал Ровинский⁵⁴. Сам корреспондент желал бы, чтобы будущее боснийцев и герцеговинцев было связано с Сербией. Однако, как догадывался Ровинский, это зависело не только от южнославянского княжества, но и от великих держав. Корреспондент предполагал, что соперничество России и Австро-Венгрии на Балканском полуострове должно было только усилиться: между ними «неизбежна борьба не только за политическое, но и за торгово-экономическое и культурное влияние»⁵⁵.

Управление 1879–1882 гг. и восстание в Герцеговине

24 августа 1878 г. общеимперский совет министров Габсбургской монархии решил, что аннексия Боснии и Герцеговины нецелесообразна и что суверенитет султана над провинциями должен признаваться дальше⁵⁶. То, что эта провинция формально оставалась частью Османской империи, дополнительно подтверждалось двусторонним договором между австро-венгерским правительством и Блистательной Портой — Новипазарской (Енипазарской) конвенцией, подписанной 21 апреля 1879 г. Согласно этому документу, Турция соглашалась на оккупацию Боснийского вилайета. Кроме того, особо оговаривались права султана как халифа — верховного главы мусульман-суннитов и права самих магометан и исламской религии: военные и гражданские власти,

⁵⁴ Там же. С. 35.

⁵⁵ Ровинский П.А. Из Боснии. Брчко, 5 ноября // Новое время. 1878. № 987. С. 3.

⁵⁶ *Dioszégi I. Einleitung // Die Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates der österreichisch-ungarischen Monarchie 1867–1918. Bd. 4. 1883–1895 / bearb. von I. Diószegi. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993. S. 160.*

согласно второй статье конвенции, должны были «с величайшей заботливостью следить за тем, чтобы каким-либо образом не был нанесен ущерб чести, достоинству, обычаям мусульман, равно как их религиозной свободе, свободе личности и личной собственности»⁵⁷. По требованию Вены в договор была включена секретная статья: «Всякое нападение извне на один из гарнизонов в санджаке будет рассматриваться как нарушение политического положения, созданного Берлинским конгрессом, и напавшему государству будет дан отпор объединенными силами Австрийской монархии и Османской империи»⁵⁸. Русский посол в Константинополе Алексей Борисович Лобанов-Ростовский, который был осведомлен о содержании конвенции, стал резко выступать против этой части договора. Секретная статья была аннулирована, поскольку султан, боясь вызвать раздражение России, сразу же после 21 апреля начал направлять венскому кабинету послания с настоятельной просьбой о ее отмене. Андраши, который был заинтересован в скорейшей ратификации конвенции, не желая дальнейшего подрыва авторитета султана, принял решение отказать от секретной части договора⁵⁹.

Осенью 1878 г. указом императора Франца Иосифа была создана комиссия по управлению Боснией-Герцеговиной, во главе которой находился чиновник из министерства иностранных дел и в которую входили представители обеих частей монархии.

Австро-венгерское правительство оставило турецкое административное деление: шесть санджаков (*Bezirk* — округ), которые делились на 49 каз (*Kreis* — район), во главе которых стояли каймакамы. Из 49 каймакамов только 13

⁵⁷ Hauptmann F. Die österreichisch-ungarische Herrschaft in Bosnien und der Herzegowina 1878–1918. Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsentwicklung. Graz: Institut für Geschichte der Universität, 1983. S. 700.

⁵⁸ Золотухин М.Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888 гг.). М.: Наука, 1993. С. 59.

⁵⁹ Там же.

были из местных мусульман, остальные были представителями народов многонациональной Австро-Венгрии⁶⁰.

В первую очередь администрация стала собирать данные об оккупированной провинции. В 1879 г. была проведена перепись населения, которая показала, что общее количество жителей провинции было 1 млн 140 тыс., из которых 486 тыс. были православные (42%), 442 тыс. — мусульмане (39%), 209 тыс. — католики (17,5%). То, что число мусульман меньше, чем православных, было следствием массовой эмиграции последователей ислама в 1878 г. Для учета населения была введена строгая паспортная система⁶¹.

В 1879 г. Босния-Герцеговина была включена в таможенную систему Австро-Венгрии⁶². Однако эта мера отрицательно сказалась на положении населения Боснии и Герцеговины: резко повысились ввозные пошлины. Особенно болезненным для жителей было то, что сильно выросли цены на колониальные продукты — рис, кофе, сахар.

Были разоружены все жители провинции, и организованы отряды пандуров. В 1878 г. был обнародован новый уголовный кодекс и учрежден апелляционный суд в Сараеве⁶³. Судебная власть при военном управлении принадлежала начальникам отрядов, которые чинили суд по турецким законам. Когда появилась гражданская администрация, были

⁶⁰ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX в. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.). М.: Индрик, 2003. С. 324.

⁶¹ Отчет МИД за 1879 г. по Герцеговине // Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903) / прир. Љ.В. Кузмичева, Д.М. Ковачевић; ред. Ч. Попов. Нови Сад: Српска академија наука и уметности, Огранак у Новом Саду, 1996. С. 171.

⁶² Sugar P.F. Industrialization of Bosnia-Hercegovina, 1878–1918. Seattle: Unidversity of Washington Press, 1963. P. 45.

⁶³ Отчет МИД за 1879 г. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). С. 171.

восстановлены суды санджаков и каз, пользовавшиеся османскими законодательными актами⁶⁴.

В 1880 г. в обеих частях империи были приняты законы об управлении Боснией и Герцеговиной. При общеимперском министерстве финансов 8 июня 1880 г. было основано специальное Бюро по делам Боснии и Герцеговины, включавшее семь департаментов: политический, финансовый, юридический, архивный, личный, отчетный и лесного хозяйства и полезных ископаемых. Принципиальные вопросы управления вновь присоединенными территориями решались на заседаниях общих министров с непременным участием глав обоих правительств дуалистической монархии. Таким образом, Вена ввела гражданское управление, которое существовало параллельно с военным (*General Kommando* — Генеральное командование) и было названо Императорским и королевским областным правительством (*Kaiserlich-königliche Landesregierung*)⁶⁵.

Австро-венгерская администрация ввела кадастровый учет земель. В аграрных отношениях продолжали действовать прежние, турецкие законы. Имперские власти, не ущемляя прав мусульманских землевладельцев, стремились сочетать старые порядки с австро-венгерской системой, что вызывало недовольство местного населения⁶⁶. Граф Д. Андраши на Берлинском конгрессе обещал в первую очередь решить проблему; он утверждал, что Порта не способна самостоятельно разобраться с земельными отношениями

⁶⁴ Отчет МИД за 1878 г. по Герцеговине // Годисьни извештаји министерства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). С. 168; Отчет МИД за 1879 г. по Боснии и Герцеговине // Годисьни извештаји министерства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). С. 170, 173.

⁶⁵ Донесение консула в Сараеве Н.Н. Ладыженского. Сараево, 29 февраля 1880 г. АВПРИ. Ф. 161/2. Оп. 181. Д. 830. Сараево. 1880 г. Л. 9об.

⁶⁶ Вяземская Е.К. Государственно-правовое положение и политическое развитие Боснии и Герцеговины в 1878–1918 гг. // Балканы в конце XIX – начале XX века: Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе / отв. ред. Ю.А. Писарев. М.: Наука, 1991. С. 185.

и именно поэтому Австро-Венгрия вводит свое управление в Боснии и Герцеговине⁶⁷.

Новых налогов не было введено, однако чиновники стали собирать налоги, руководствуясь только законами. Прежде всего это не понравилось жителям отдаленных районов Герцеговины: они привыкли, что в османское время налоги были номинальными. Консул в Рагузе Василий Богданович Пассек, в чью сферу ответственности входила Герцеговина, особенно районы на границе с Черногорией, писал о турецком управлении: «Паши, получивши, по исконному обычаю, взятку, никогда недобирали (подчеркнуто в документе. — Л.П.) податей. Это до такой степени вошло в нравы, что население совершенно игнорировало законную цифру платежей и знало только условную, установленную с течением времени, по соглашению между пашами и старшинами общин»⁶⁸.

Пассек считал, что австрийцы слишком торопились ввести правовой порядок в Боснии и Герцеговине, которые веками жили под «патриархальным, чуждым педантизмом и систематичности» турецким управлением: «Эти реформы, может быть и благодетельные по существу, слишком не соответствуют местным условиям»⁶⁹. В консервативный мир боснийцев и герцеговинцев вторглись энергичные и активные чиновники Австро-Венгрии. По сведениям Пассека, бюрократия поначалу состояла в основном из чехов и немцев, приехавших в новые окраины империи по финансовым соображениям: «Надо сознаться, что и чиновники, прибывшие в Герцеговину, далеко не лучшие в своем роде. Большинство из них явилось сюда, прельстившись большими окладами, и смотрит на герцеговинцев как на покоренный народ, в высшей степени выскомерно и пренебрежительно»⁷⁰.

⁶⁷ *Витте Е., де.* Босния и Герцеговина. Берлинский договор. Культурная миссия Австрии на Балканах. Мюрциштегское соглашение. Кременец, 1908. С. 2.

⁶⁸ Копия с донесения вице-консула в Рагузе В.Б. Пассека. 15 (27) июля 1881 г. № 129. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/4. Д. 757. Consulats. 1881. Л. 41.

⁶⁹ Там же. Л. 40об.

⁷⁰ Там же. Л. 40об.–41.

Зная, что жители граничащих с Черногорией герцеговинских районов с 1850-х гг. организовывали восстания против центральных властей, австро-венгерское правительство в 1881 г. специально учредило Комиссию по улучшению (*Verbesserungskommission*) в городе Требинье. Несмотря на ее работу, в том же году, летом, активизировались четы (партизанские отряды) Стояна Ковачевича, которым помогали скрываться местные жители, а австро-венгерские пограничники не могли поймать⁷¹. Пассек докладывал, что это было сигналом недовольства населения новой администрацией, но ситуация там пока не была «угрожающей»⁷².

В течение лета 1881 г. к четам Ковачевича примыкало все больше людей, и они все чаще нападали на австро-венгерский транспорт, сопровождаемый военными и перевозивший деньги, почту, провизию. Хотя эти отряды и вели себя благородно по отношению к местным жителям, раздавая им награбленное, Пассек называл их «обыкновенными разбойниками», чьей целью была только нажива. Преследуя четы, австрийские войска вошли в район Кривошие (регион Боки Которской), что решительно не понравилось местным жителям — участникам многих восстаний. Посредством телеграммы они потребовали у генерала Г. Родича вывести войска. Родич не только удовлетворил их требования и дал денег, но и стал еженедельно приезжать в Кривошие, чтобы урегулировать конфликт. Пассек отметил: «Австрийцы делают все возможное для удержания мира в Боке». С другой стороны, усмирению края должны были способствовать действия черногорского правительства, которое попросило под давлением финансовой помощи от Вены не поднимать восстание⁷³.

Поводом к восстанию 1881–1882 гг. стало введение Веней всеобщей воинской обязанности. Учитывая, что Порта в 1868 г. издала фирман об освобождении православных

⁷¹ Копия с донесения вице-консула в Рагузе В.Б. Пассека. 15 (27) июля 1881 г. № 129. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/4. Д. 757. Consulats. 1881. Л. 41об.-43.

⁷² Там же. Л. 40–41.

⁷³ Копия донесения В.Б. Пассека. Рагуза, 23 августа (4 сентября) 1881 г. № 137. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/4. Д. 757. Consulats. 1881. Л. 45–46.

от воинской службы, а мусульмане должны были служить только султану, австро-венгерские власти нарушили свои обязательства по отношению к местному населению. Сам механизм введения воинской обязанности был довольно сложным — австрийцы пытались решить проблему мирным путем. По сведениям российского вице-консула в Рагузе, во-первых, австро-венгерские власти предоставили возможность состоятельным герцеговинцам эмигрировать в Америку, выдавая им паспорта. Во-вторых, администрация разрешила потенциальным рекрутерам нанимать людей, которые бы служили за них. В-третьих, она подкупала молодых мужчин; в-четвертых, просто уговаривала. Эти методы были эффективны для жителей городов и приморья, тогда как в горных районах, прежде всего в Кривошии, все же началось и распространилось на всю Герцеговину вооруженное сопротивление. Как докладывал Н.К. Гирс Александру III в секретном сообщении 29 января 1882 г., повстанцы «подвергаются нравственному и материальному влиянию (Черногории. — Л.П.) в течение веков. Население не отличается ничем от населения Черногории и привыкло уважать князя (Николу. — Л.П.) как единственного своего правителя»⁷⁴. Основываясь на идее консула в Рагузе Пассека, посол в Вене П.П. Убри в конфиденциальном письме министру Н.К. Гирсу от 9 февраля 1882 г. писал, что ошибками, которые допустило австро-венгерское правительство, были «военный закон, косвенные налоги, таможенное объединение с Австрией, пошлины и, наконец, руководство»⁷⁵. По мнению Пассека, проблемы протестной Герцеговины можно было решить, подойдя к ней комплексно: «Необходимо поднять экономический быт народа и поставить во главе его не только сильного,

⁷⁴ Весьма секретная записка, представленная на Высочайшее воззрение. 6 (18) июня 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 65/69. Записка министра иностранных дел Гирса и проекты весьма секретных писем послам в Берлине и Вене о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 29 января – 25 апреля 1882 г. Л. 5об.

⁷⁵ Конфиденциальное письмо посла в Вене П.П. Убри товарищу министра Н.К. Гирсу. Вена, 28 января (9 февраля) 1882 г. АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 29. Le Montenegro, la Bosnie et l'Herzegovine. Л. 20–20об.

но и симпатичного, знакомого с местными условиями правителя» (подчеркнуто в документе. — Л.П.)⁷⁶.

Наряду с насильственными действиями повстанцы пытались урегулировать кризис, подав петицию: от имени старшин Требиньского и Любинского округов обращение в парламент подал депутат от Рагузы Орсат Пучич (Поцца). В документе был затронут лишь аграрный вопрос: герцеговинцы просили правительство пересмотреть податную систему, введенную Омером-пашой Латасом, подавившим восстание Луки Вукаловича в 1861–1862 гг.⁷⁷ Несмотря на то что, согласно Саферской наредбе — земельному закону 1859 г., с крестьян-кметов полагалось брать не больше трети всего урожая хлеба и не больше четверти другого урожая, а также предоставлять орудие производства и материал для строительства, Латас постановил, что крестьяне будут отдавать половину всего урожая и будут сами оплачивать инструменты и материал. Такая система продолжала существовать и в начальный период оккупации⁷⁸. Петицию парламент не рассмотрел и ее обсуждение отложил на неопределенный срок⁷⁹.

Информацию о восстании австро-венгерская администрация пыталась тщательно скрыть от иностранных держав, чтобы избежать международного вмешательства⁸⁰. Тем не менее восстание в Герцеговине вызвало большой резонанс в международном сообществе. Великие державы поняли, что в связи с восстанием венский кабинет может объявить

⁷⁶ Копия с донесения вице-консула в Рагузе В.Б. Пассека. 15 (27) июля 1881 г. № 129. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/4. Д. 757. Consulats. 1881. Л. 45–52об.

⁷⁷ Донесение генерального консула в Рагузе В.Б. Пассека. 5 (17) декабря 1881 г. № 158. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/4. Д. 786. Consulats. 1882. Л. 1–3об.

⁷⁸ *Kapidžić H. Hercegovacki ustanak 1882. godine. Sarajevo: Veselin Masleša, 1958.*

⁷⁹ Донесение генерального консула в Рагузе В.Б. Пассека. 5 (17) декабря 1881 г. № 158. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/4. Д. 786. Consulats. 1882. Л. 1–3об.

⁸⁰ Отчет МИД за 1881 г. по Боснии и Герцеговине // *Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903)*. С. 178.

аннексию Боснии и Герцеговины: мятеж мог быть как раз подходящим поводом для окончательного присоединения оккупированных территорий. Для этого было и юридическое обоснование. Согласно дополнительному протоколу к секретному договору, возобновлявшему Союз трех императоров и подписанному 18 июня 1881 г., уполномоченные всех трех дворов постановили, что Габсбургская монархия сохраняет за собой право аннексировать Боснию и Герцеговину в любой момент, который она признает подходящим⁸¹.

В решение боснийско-герцеговинского вопроса были вовлечены Россия, Австро-Венгрия, Германия и Черногория. Возможное изменение статуса Боснии и Герцеговины активно обсуждалось между императором Александром III, Н.К. Гирсом — сначала товарищем министра иностранных дел, а с 9 апреля 1882 г. руководителем внешнеполитического ведомства, послом в Берлине П.А. Сабуровым и представителями в Вене П.П. Убри и А.Б. Лобановым-Ростовским, а также посланником в Цетинье А.С. Иониным. В своей секретной записке, представленной императору, Н.К. Гирс отмечал, что нужно найти наилучший способ «примирить интересы России и Австро-Венгрии по этому вопросу, не выходя за рамки договора 6 (18) июня»* 1881 г.⁸² Российское правительство не могло ничего требовать от Австро-Венгрии. Гирс писал: «Аннексия Боснии и Герцеговины была необходимостью, которой мы подверглись перед последней войной, чтобы добиться нейтралитета Австрии. Она должна была стать необходимым следствием создания независимой Болгарии.

⁸¹ Союз трех императоров // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е.А. Адамова, сост. И.В. Козьменко. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 232.

* Так в документе.

⁸² Копия весьма секретной записки Гирса, представленная на Высочайшее воззрение. 6 (18) июня 1881 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 65/69. Записка министра иностранных дел Гирса и проекты весьма секретных писем послам в Берлине и Вене о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 29 января – 25 апреля 1882 г. Л. 4. О заключении Союза трех императоров см.: Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М.: Наука, 1974.

Берлинский конгресс расстроил все расчеты. Он разделил Болгарию на две части, а Австрии дал лишь право временной оккупации»⁸³. Здесь нужно напомнить, что, согласно дополнительным статьям секретной Будапештской конвенции, Российская империя имела право аннексировать Бессарабию, тогда как Австро-Венгрия — Боснию и Герцеговину, «исключая часть, находящуюся между Сербией и Черногорией, относительно которой оба правительства договорятся, когда наступит момент ею располагать»⁸⁴.

Черногорский князь Никола планировал демарш в отношении Вены — выступление с инициативой справедливого урегулирования⁸⁵. Князь в беседах с Иониным выразил желание в качестве компенсации получить небольшую территорию Герцеговины, если венский кабинет объявит аннексию оккупированной провинции⁸⁶. Сабуров предполагал, что Бисмарк успел предупредить графа Густава Кальноки, министра иностранных дел Габсбургской монархии, о возможном демарше князя Николы⁸⁷. При этом императорское министерство предписало А.С. Ионину успокоить черногорского князя, который не был посвящен в тайны Союза трех императоров. Министр-резидент в Цетинье должен был пояснить, что Россия поддержала бы князя в том случае, если

⁸³ Проект весьма секретного письма министра иностранных дел послу в Берлине П.А. Сабурову. Гатчина, 28 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 65/69. Записка министра иностранных дел Гирса и проекты весьма секретных писем послам в Берлине и Вене о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 29 января – 25 апреля 1882 г. Л. 38об. – 39.

⁸⁴ Секретная конвенция между Россией и Австро-Венгрией. Будапешт, 3 (15) января 1877 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 154.

⁸⁵ Проект секретного письма министра Н.К. Гирса посланнику в Черногории А.С. Ионину в Цетинье. Гатчина, 24 апреля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 68/73. Переписка министра иностранных дел с посланником в Черногории Паниным (ошибка в названии дела: в действительности — Иониным. — Л.П.) о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 24 апреля – 5 июня 1882 г. Л. 3–3об.

⁸⁶ Там же. Л. 2.

⁸⁷ Там же.

«Берлинский трактат был бы нарушен отдельным решением венского кабинета или изменен европейским решением»⁸⁸. Тогда Черногория имела бы все основания требовать компенсации, а Петербург не колеблясь мог ее поддержать⁸⁹, заручившись поддержкой Германской империи⁹⁰. МИД считал, что Черногория с моральной точки зрения имела право на компенсацию, поскольку ее правитель придерживался благожелательного нейтралитета и страна вынуждена содержать беженцев из Герцеговины⁹¹. Вопрос о поддержке беженцев был одним из важных факторов в переговорах с Кальноки⁹². Пока же российское министерство рекомендовало князю Николе поддерживать дружеские отношения с соседней державой. Министр иностранных дел отмечал: «Согласно нашим советам, князь Никола стремится сегодня снискать эту благосклонность (Вены. — Л.П.) своим правильным поведением в весьма сложной ситуации»⁹³.

По предложению П.А. Сабурова российские дипломаты вновь, как и перед заключением Союза трех императоров

⁸⁸ Там же. Л.3–3об.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Проект конфиденциального письма послу в Берлине П.А. Сабурову. 13 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 64/68. Черновые проекты инструктивных писем министра иностранных дел Сауброву, Убри и Панину (Ионину. — Л.П.) (Цетинье) о Боснии и Герцеговине. 31 января 1881 – 24 апреля 1882 г. Л. 14.

⁹¹ Проект секретного письма министра Н.К. Гирса посланнику в Черногорию А.С. Ионину в Цетинье. Гатчина, 24 апреля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 64/68. Черновые проекты инструктивных писем министра иностранных дел Сабурову, Убри и Панину (Ионину. — Л.П.) (Цетинье) о Боснии и Герцеговине. 31 января 1881 – 24 апреля 1882 г. Л. 2.

⁹² Письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского А.Е. Влангали. 30 ноября (12 декабря) 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 759/764. 826. Донесения Лобанова-Ростовского из Вены. 30 сентября (12 октября) 1882 – 29 января (6 февраля) 1889 г. Л. 11.

⁹³ Проект весьма секретного письма министра Н.К. Гирса послу в Берлине П.А. Сабурову. Гатчина, 28 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 65/69. Записка министра иностранных дел Гирса и проекты весьма секретных писем послам в Берлине и Вене о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 29 января – 25 апреля 1882 г. Л. 36об.–37.

в 1881 г., искали в Берлинском трактате и в договоре трех императоров упоминание об объединении Болгарии с Восточной Румелией в качестве компенсации за аннексию Боснии и Герцеговины. Министр в то же время признавал, что нет никакой связи между объединением двух Болгарий и между окончательным присоединением оккупированных провинций к дуалистической монархии⁹⁴. Гирс объяснял, что Петербург «определенно признал право за Австрией осуществить аннексию, когда она посчитает это подходящим, тогда как объединение двух Болгарий упоминалось лишь как возможное, чему не будут препятствовать, если ее осуществят руководители»⁹⁵.

Кроме позиций держав, нужно было учитывать общественное мнение. Приведем довольно пространный отрывок из письма послу в Берлине, чтобы наглядно показать логику рассуждений Гирса: «Если бы сейчас европейская конференция согласилась на окончательную аннексию Австрией, подобный результат был бы принят очень плохо в России. Если бы было возможно надеяться на то, чтобы конференция с нами согласилась на компенсацию, союз двух Болгарий, российская нация смирилась бы с таким решением. Возможно ли добиться такого? Связанные договорами, мы не могли бы выдвинуть условие нашего согласия на аннексию. Венский кабинет принимает во внимание объединение двух Болгарий лишь возможными и основными договорами. Если бы Порта согласилась на окончательную аннексию Боснии-Герцеговины, которую она потеряла на самом деле, можно ли думать, что она согласится на объединение Восточной Румелии, которой она до сих пор владеет, с Болгарией, которая является ее сюзереном? Это объединение должно было бы быть навязано насильно. Это было бы полностью восточным вопросом, который бы возникал,

⁹⁴ Проект весьма секретного письма П.А. Сабурову в Берлин. 31 января 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 65/69. Записка министра иностранных дел Гирса и проекты весьма секретных писем послам в Берлине и Вене о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 29 января – 25 апреля 1882 г. Л. 6.

⁹⁵ Там же.

и кто сегодня знает, как Европа выразит мнение перед лицом подобного кризиса? Нам ничего бы не оставалось, как надеяться на компенсацию окончательной и одобренной Европой аннексии Австрией двух оккупированных провинций в виде исправления границ Черногории. Каким бы желательным оно ни было, ее недостаточно, чтобы заставить принять русским общественным мнением увеличение австрийских владений на Балканском полуострове»⁹⁶.

«Статус-кво по Берлинскому трактату кажется нам предпочтительным. Но статус-кво изменился бы фактически путем укрепления австрийской военной и административной позиции в двух оккупированных провинциях», — писал Гирс Сабурову⁹⁷. Дипломаты понимали, что власть австро-венгерского правительства «слишком недавняя и слишком слабая» для того, чтобы заменить сильное влияние черногорского князя в Герцеговине⁹⁸. Для посла в Вене Убри было «очевидно, что Австрия не захочет уступить единственную дорогу на границе, где трудно даже представить возможность построить вторую дорогу в этом направлении и которая осуществляет единственную прямую связь» Боснии и Герцеговины с Адриатикой⁹⁹.

⁹⁶ Проект весьма секретного письма П.А. Сабурову в Берлин. Гатчина, 28 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 65/69. Записка министра иностранных дел Гирса и проекты весьма секретных писем послам в Берлине и Вене о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 29 января – 25 апреля 1882 г. Л. 39–40.

⁹⁷ Там же. Л. 40об.

⁹⁸ Копия весьма секретной записки Н.К. Гирса, представленная на Высочайшее воззрение. 6 (18) июня 1881 г.; Проект весьма секретного письма министра Н.К. Гирса послу в Берлине П.А. Сабурову. Гатчина, 28 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 65/69. Записка министра иностранных дел Гирса и проекты весьма секретных писем послам в Берлине и Вене о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 29 января – 25 апреля 1882 г. Л. 36об., 5об.

⁹⁹ Весьма секретное письмо П.П. Убри министру иностранных дел. Вена, 17 февраля (2 марта) 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 63/67. Письма посла в Вене Убри министру иностранных дел Гирсу о Черногории в связи с возможной аннексией Боснии и Герцеговины Австрией. 28 января (9 февраля) – 2 (14) апреля 1882 г. Л. 11.

Что касается вопроса аннексии, наиболее благоприятным вариантом развития событий Гирс считал ее осуществление без вовлечения в боснийско-герцеговинское дело стран — участниц Берлинского конгресса и без упоминания слова «аннексия»¹⁰⁰. «Вена может действовать по принципу “Я здесь, следовательно, я здесь остаюсь” (*J’y suis, j’y reste*)», — делился своими мыслями товарищ министра иностранных дел с русским послом в Германии¹⁰¹.

Восстание закончилось так, как и предсказывал Н.К. Гирс: стянув войска на границу с Черногорией, Габсбургская монархия смогла усмирить мятежников. Венский кабинет не объявил аннексию, но и не подтвердил статус временной оккупации. Кальноки нашел выход из сложившейся ситуации: он заявил о присоединении (*accession*) боснийско-герцеговинского населения к Австро-Венгрии¹⁰².

В русских общественных кругах следили за развитием восстания и критиковали нейтральную позицию, занятую Петербургом¹⁰³. Столичная и московская печать давала негативную оценку действиям Австро-Венгрии. П.А. Ровинский

¹⁰⁰ Проект конфиденциального письма П.А. Сабурову в Берлин. 13 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 64/68. Черновые проекты инструктивных писем министра иностранных дел Сабурову, Убри и Панину (Ионину. — Л.П.) (Цетинье) о Боснии и Герцеговине. 31 января 1881 – 24 апреля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 64/68. Л. 14–14об.; Проект весьма секретного письма П.А. Сабурову в Берлин. 28 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 65/69. Записка министра Н.К. Гирса и проекты весьма секретных писем послам в Берлине и Вене о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 29 января – 25 апреля 1882 г. Л. 35об.

¹⁰¹ Проект конфиденциального письма П.А. Сабурову в Берлин. 13 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 64/68. Черновые проекты инструктивных писем министра иностранных дел Сабурову, Убри и Панину (Ионину. — Л.П.) (Цетинье) о Боснии и Герцеговине. 31 января 1881 – 24 апреля 1882 г. Л. 14об.

¹⁰² Проект секретного личного письма посланнику в Черногории А.С. Ионину в Цетинье. 24 апреля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 64/68. Черновые проекты инструктивных писем министра иностранных дел Сабурову, Убри и Панину (Ионину. — Л.П.) (Цетинье) о Боснии и Герцеговине. 31 января 1881 – 24 апреля 1882 г. Л. 2.

¹⁰³ Золотухин М.Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя... С.60.

на страницах газеты «Новое время» отрицал участие в нем Черногории, герцеговинских и бокезских повстанцев и обвинял венский кабинет в том, что он ведет войну против «славянских повстанцев, защищающих свою свободу и национальность»¹⁰⁴. «Московские ведомости» публиковали корреспонденцию с места событий от автора под псевдонимом «Герцеговинец». Он критиковал австро-венгерскую администрацию за то, что «положение дел в Боснии и Герцеговине, созданное австрийской оккупацией, с каждым днем становится хуже и хуже». Автор заметок писал, что действия управления не могут привести к эффективным результатам: «Теперь даже самые благие намерения правительства происходят втуне, потому что народ ко всему, что исходит от правительства, относится с недоверием и даже с презрением»¹⁰⁵. Даже знаменитый британский путешественник, ученый и журналист Артур Эванс поддерживал повстанцев и состоял с ними в тайных отношениях. В разгар восстания он из Далмации поехал в Герцеговину и Боснию¹⁰⁶.

В связи с восстанием в Герцеговине знаменитый «белый генерал» Михаил Дмитриевич Скобелев произнес 24 января 1882 г. тост на банкете в ресторане Бореля в Петербурге, устроенном в честь первой годовщины со дня штурма Геок-Тепе. В частности, он сказал: «Господа, в то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народность, именуют разбойниками и поступают с ними как с таковыми!.. Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки направлены в единоверные нам груди...»¹⁰⁷ Ровно через месяц генерал Скобелев в Париже обратился к сербским студентам с воинственным воззванием, направленным против Германии. Эти две речи не могли не вызвать негативной

¹⁰⁴ Новое время. 11 (23) ноября 1881. С. 1.

¹⁰⁵ Московские ведомости. 14 ноября 1881. С. 5.

¹⁰⁶ Копия донесения В.Б. Пассека. Рагуза, 17 (29) июля 1881 г. № 130. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/4. Д. 757. Consulats. 1881. Л. 43–44.

¹⁰⁷ Цит. по: Шолохов А. Генерал от инфантерии Скобелев // Герои и антигерои Отечества / сост. В.М. Забродин. М.: Информэкспресс; Российская газета; Практика, 1992. С. 177.

реакции венского и берлинского кабинетов. Ф. Бридж считает, что «кризис Скобелева» стал «начальной точкой военного и дипломатического усиления Австро-Венгрии» и именно он «ускорил образование Тройственного союза»¹⁰⁸.

Славянские комитеты активно помогали повстанцам, особенно через Болгарию, откуда приезжали добровольцы и привозили оружие¹⁰⁹. Несмотря на то что петербургское правительство запретило комитетам оказывать материальную помощь восставшим, посылка денег, оружия и добровольцев из России продолжалась. Местом сбора добровольцев стал болгарский город Русе (Рущук), куда помимо русских и болгар прибывали также добровольцы из Сербии, Черногории и Македонии. Небольшими группами они отправлялись в Сербию, а оттуда в Боснию. Черногорские отряды, возглавляемые русскими офицерами в отставке И.С. Ивановичем и С.И. Поповичем, в июне 1882 г. имели серьезные столкновения с австрийскими солдатами¹¹⁰.

Российский дипломат в Софии М.А. Хитрово оказывал активное содействие формированию в Болгарии добровольческого отряда, который должен был быть отправлен в Боснию. Именно к нему поступали из России собранные славянофилами средства. Хитрово употребил эти деньги на финансирование отряда и снабдил его участников паспортами. Дело закончилось тем, что сербские власти задержали добровольцев, которые пробыли под арестом около шести недель; некоторые из них вернулись в Болгарию, а Хитрово был срочно отозван в Петербург¹¹¹.

¹⁰⁸ Bridge F.R. *The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1915*. New York; Oxford; Munich: Berg, 1990. P. 152–153.

¹⁰⁹ Kapidžić H. *Hercegovacki ustanak 1882. godine*. Sarajevo: Veselin Masleša, 1958. S. 164; Сказкин С.Д. *Конец австро-русско-германского союза*. М.: Наука, 1974. С. 232–234.

¹¹⁰ Золотухин М.Ю. *Россия, западноевропейские державы и Османская империя...* С. 60.

¹¹¹ Хитрова Н.И. *Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 гг.* М.: Российская академия наук, Ин-т российской истории, 1993. С. 91.

М. Экмечич отмечал негативные последствия уверенности боснийцев и герцеговинцев в поддержке славянофилами восстания 1882 г.¹¹² Историк полагал, что именно вмешательство славянофилов заставило Австро-Венгрию ужесточить свою интеграционную политику по отношению к оккупированным территориям.

Православные Боснии и Герцеговины и российская дипломатия

Важными свидетелями проведения как османских¹¹³, так и австро-венгерских реформ были иностранные консулы, писавшие о ситуации в крае. Донесения российских дипломатов оказываются одновременно и ценным источником исследования провинции, и уникальным материалом по изучению русско-австрийских отношений в боснийской проекции. Однако интересны не только сведения, предоставляемые консулами, но и сама работа российского консульства.

Россию в габсбургской Боснии представляли консулы Николай Николаевич Ладыженский (Ладыженский, Ладыжинский; 1879–1880)¹¹⁴, Модест Модестович Бакунин (1880–1893), Густав Викторович Игельстрём (Игельстром; 1893–1914). Ладыженский приехал в Сараево в начале февраля 1879 г.¹¹⁵, проработал там всего около года и уехал в Бухарест.

¹¹² Экмечич М. Стварење Југославије. Књ. 2. Београд: Просвета, 1989. С. 331.

¹¹³ Подробнее см., например: Телић И. Босна и Херцеговина у руским изворима, 1856–1878. Сарајево: Веселин Маслеша, 1988; Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.

¹¹⁴ Анисимов М.Ю. Первые годы австрийской оккупации Боснии и Герцеговины в донесениях русского консула в Сараево Н.Н. Лодыженского (1878–1880) // Вопросы истории славян. Вып. 19. Воронеж, 2009.

¹¹⁵ Там же. С. 180.

Затем вместо него прибыл Бакунин. После окончания учебных заведений в Копенгагене, Женеве и Пажеского корпуса в Петербурге Модест Модестович Бакунин, сын консула в Венеции Модеста Николаевича Бакунина, поступил на службу в консульство в Скутари, затем в Рагузе. В 1875 г., в начале восстания в Герцеговине, молодой дипломат возглавил консульство в Сараеве и работал до начала русско-турецкой войны в 1877 г. После разрыва отношений России и Турции Бакунин был назначен секретарем консульства в Яссах и прикреплен к полевой дипломатической канцелярии главнокомандующего Действующей армией в Кишиневе. Затем два года работал в Белграде, пока в ноябре 1880 г. не был снова командирован в Сараево.

Территории де-юре находились под главенством султана, де-факто все управление подчинялось Вене. Поэтому не был определен и статус самого консульства в Боснии и Герцеговине: правительства не могли выдавать консульские патенты своим дипломатам. До сих пор не удалось найти документов, которые бы охарактеризовали официальный статус консулов и которые бы описали процедуру получения ими разрешения на приезд в провинцию. Даже тот факт, что Департамент личного состава и хозяйственных дел МИДа отказался отправлять из Петербурга консульский патент Игельстрёму, не помешал дипломату представлять Россию в Боснии и Герцеговине¹¹⁶.

В консульстве служили курьер, два каваса (охранника) и переписчик. При этом все они нанимались из местных жителей. Статьями расхода представительства были зарплаты служащим, пенсия бывшему кавасу закрывшегося вице-консульства в Мостаре, телеграфное сообщение, поездки по провинции, а также еженедельное пожертвование бедным в церкви¹¹⁷.

¹¹⁶ Отношение Департамента личного состава и хозяйственных дел в посольство в Вене. 4 декабря 1893 г. № 4614. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1139. Consulats. 1894. Л. 3–3об.

¹¹⁷ Письмо консула в Сараеве М.М. Бакунина. Сараево, 9 (21) ноября 1881 г. № 44. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 336/1. Д. 63. Переписка о сокращении расходов российских консульств в Сараеве и Бродах. Л. 3–4об.

Австро-венгерские чиновники старались оградить местное православное население от общения с консулами. Причина была не только в «близости языка и единства веры», как считал Ладыженский¹¹⁸. Генрих фон Хаймерле в своем первом отчете в качестве министра иностранных дел дуалистической монархии, поданном в военно-политическую конференцию в 1879 г.¹¹⁹, написал, что главным противником Габсбургской монархии выступает Россия¹²⁰.

Определенную трудность для русских консулов представлял поиск источников информации. Помимо сообщения официальных данных, консулам вменялось в обязанность писать в донесениях и о точке зрения самих местных жителей. Но консулу Ладыженскому не удавалось наладить такие связи: население, чтобы не навлекать на себя подозрение новой администрации, не входило в контакт с русским консулом. Если английский, германский и французский представители, которые не покидали боснийско-герцеговинские земли во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., могли пользоваться своими старыми каналами, то Ладыженский был лишен их¹²¹. Его преемник Бакунин, который уже был знаком с краем, смог задействовать свои старые связи в среде местных жителей.

Необходимо учитывать, в каких условиях составлялись дипломатические документы. Со сложной ситуацией отправки отчетов в Россию столкнулся Ладыженский. Об этом он писал товарищу министра иностранных дел

¹¹⁸ Донесение консула в Сараеве Н.Н. Ладыженского. Сараево, 29 февраля 1880 г. АВПРИ. Ф. 161/2. Оп. 181. Д. 830. Сараево. 1880 г. Л. 1об.–2.

¹¹⁹ В военно-политической конференции (*militärpolitische Konferenz*), которую иногда называют просто военной (*Militärkonferenz*), участвовали общеперские военные министры обеих частей и общеперский, а также общеперский министр иностранных дел; возглавлял ее сам император-король. Этот орган не был официальным и не был предусмотрен соглашением 1867 г. В некоторые моменты фактически заменял совет министров.

¹²⁰ *Dioszégi I. Einleitung // Die Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates der österreichisch-ungarischen Monarchie 1867–1918. Bd. 4. 1883–1895 / bearb. von I. Dioszegi. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993. S. 161.*

¹²¹ Донесение консула в Сараеве Н.Н. Ладыженского. Сараево, 29 февраля 1880 г. АВПРИ. Ф. 161/2. Оп. 181. Д. 830. Сараево. 1880 г. Л. 1. 1об.–2.

Н.К. Гирсу в сопроводительном сообщении своей экспедиции: «Вследствие отсутствия [российских] курьерских сообщений между Сараевом и Веной и невозможности пересылать политическую переписку с австрийской почтой представление императорскому министерству донесений о ходе событий в Боснии и Герцеговине крайне затруднительно»¹²². Из-за стесненных обстоятельств Н.Н. Ладыженский написал 13 донесений¹²³, датированных одним числом — 29 февраля 1880 г. В них он анализирует разные сферы социально-экономической и религиозной жизни края. Ему пришлось самому отвезти документы в Вену, а затем экспедиция русского консула в Сараеве была отправлена в Петербург.

В секретной инструкции товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс предписал Ладыженскому «представить Императорскому министерству соображения [...] об установлении верного и правильного способа доставления [...] донесений посольству [...] в Вене»¹²⁴. Ладыженский наилучшим вариантом счел отправку экспедиций четыре раза в год через курьеров из Сараева в Вену. Он полагал, что этого достаточно, «судя по течению событий», чтобы, «не составляя обременения для казны», регулярно и своевременно извещать о ходе дел в крае¹²⁵. Выяснить, необходимо ли учреждение нештатного российского агентства в Мостаре, являлось второй задачей дипломата. Ладыженский счел, что в отправке агентов нет нужды, поскольку, во-первых, Герцеговина не составляла отдельной административной единицы; во-вторых, сведения о событиях доходили до Сараева, и консул всегда имел «возможность за ними наблюдать, не нуждаясь в содействии особого нештатного агента»¹²⁶.

¹²² Донесение консула Н.Н. Ладыженского министру Н.К. Гирсу из Сараева. 29 февраля 1880 г. АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 830. Сараево. 1880. Л. 1.

¹²³ Под № 1 — сопроводительное письмо министру иностранных дел Н.К. Гирсу.

¹²⁴ Донесение консула Н.Н. Ладыженского министру Н.К. Гирсу из Сараева. 29 февраля 1880 г. АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 830. Сараево. Л. 158.

¹²⁵ Там же. Л. 150об.-151, 158об.-159.

¹²⁶ Там же. Л. 158об.-159.

Ладыженский успел составить только одну экспедицию. «Предмет следующих донесений есть подведение итога тому, что сделано оккупационным правительством в течение 18 месяцев, со времени подпадения края под австро-венгерское владычество и поныне, и попытка изобразить картину настоящего положения страны накануне приведения в действие выработанных для нее в Вене административных и экономических преобразований», — так характеризовал донесения сам дипломат¹²⁷. Каждый отчет посвящен отдельной теме. При этом консул не останавливался на каждом событии подробно. Так как дипломату нужно было описать ситуацию в ограниченном объеме за полтора года, он в отчетах обобщил имеющиеся сведения. В одном из документов есть свидетельства об усмирении сопротивления оккупации австро-венгерскими войсками Боснии и Герцеговины. Далее сообщения Ладыженского посвящены устройству оккупационной администрации, судебной системе, экономической и финансовой ситуации, системе образования, занятию австро-венгерской армией Новипазарского санджака, положению беженцев, католической, мусульманской и православной частям боснийско-герцеговинского населения. Сам российский консул в личном письме Н.К. Гирсу о своей экспедиции отмечал, что он постарался охватить все стороны социальной жизни страны¹²⁸.

Все 12 лет работы в оккупированной провинции Бакунин справлялся один, без секретаря. Поэтому в своей корреспонденции консул часто жаловался на сложности, с которыми он сталкивался ежедневно в Боснии.

У консульства постоянно были финансовые проблемы. Сначала Н.Н. Ладыженский в 1879 г.¹²⁹, затем М.М. Бакунин в 1881 г. просили министерство отправить средства в резервную кассу. Бакунин жаловался, что ему приходится

¹²⁷ Донесение консула Н.Н. Ладыженского министру Н.К. Гирсу из Сараева. 29 февраля 1880 г. АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 830. Сараево. Л. 4–4об.

¹²⁸ Там же. Л. 157.

¹²⁹ Письмо консула в Сараево Н.Н. Ладыженского. Сараево, 6 мая 1879 г. № 21. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 757. Consulats. Л. 32.

тратить свои деньги и около полугода потом ждать компенсации от МИДа. При необходимости отправить экспедицию в Вену, что составляло 336 гульденов, ежемесячные расходы консульства составляли 500 гульденов, однако иногда доходили и до 868 гульденов. При месячном жалованье 750 гульденов, считал Бакунин, семейному человеку было сложно содержать все консульство. Когда у консула после ремонта сараевского дома не осталось денег, из Петербурга рекомендовали попросить долг у местных банков. Поскольку в Сараеве не было никаких финансовых учреждений, дипломату пришлось обратиться к богатым сербам. Памятуя об огромных долгах консула Евграфа Романовича Щулепникова, работавшего в Сараеве в османское время, боснийцы не хотели предоставлять заём¹³⁰. Неприятное впечатление, которое оставил Щулепников, продолжало влиять на репутацию российского консульства в австро-венгерской Боснии. Тем не менее один австрийский серб согласился дать в долг, но когда дипломат попросил во второй раз — сделал это крайне неохотно. Бакунин писал, что для него унижительно испытывать такое недоверие. После жалоб Бакунина министерство довольно быстро перевело искомые 2500 флоринов на расходы¹³¹. Проблемы с задержкой зарплаты были у консула в Сараеве до самого конца его службы там в 1893 г.¹³² Вероятно, консул М.М. Бакунин не всегда рационально использовал средства: посол в Вене П.П. Убри настоятельно попросил его экономить деньги и сообщать только важную информацию по телеграфу¹³³.

Первостепенная задача российского консула в Сараеве заключалась в наблюдении за православным населением. Единожды найдя принцип защиты православных христиан

¹³⁰ Там же. Л. 28–29об.

¹³¹ Там же. Л. 10–15, 24, 30–30об.

¹³² Письмо консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 12 (24) марта 1893. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1108. Л. 157–158.

¹³³ Черновик предписания П.П. Убри. №1802. Вена, 7 (19) сентября 1881 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/4. Д. 757. Consulats. 1881. Л. 27.

и зафиксировав его в Кючук-Кайнарджийском мирном договоре 1774 г., Россия пользовалась им и в австро-венгерской Боснии и пристально наблюдала за всем, что происходило с православными общинами и православной церковью, а также за влиянием католичества. В османский период Россия выступала покровительницей православных христиан и была гарантом их прав. Это было одним из инструментов внешней политики Петербурга¹³⁴.

Уроженцы Боснии и особенно Герцеговины получали помощь еще в XVIII в.¹³⁵ Известно, что в начале 1840-х гг. 20 человек, которые выразили протест против османского управления, были сосланы через Стамбул в Синоп. Из них два священника и три мирянина при помощи русского консула бежали в Одессу, к градоначальнику которой они обратились с просьбой помочь им вернуться на Балканы для воссоединения с семьями¹³⁶. Дальнейшая поддержка, после учреждения консульства в Сараеве одним из видных славянофилов — А.Ф. Гильфердингом, шла в тесном сотрудничестве общественности и правительства, прежде всего в образовательной сфере. Однако попытки влиять и помогать приводили в основном к конфликтам между дипломатами и османскими властями¹³⁷.

Российский МИД выступал, по современной терминологии, как инвестиционный управляющий. В 1869 г. Иоанникий Памучина попросил Азиатский департамент через вице-консула в Мостаре Николая Александровича Иларионова поместить его капитал в 800 австрийских червонцев в российский

¹³⁴ Хевролина В.М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консульств) // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М., 2007. С. 261.

¹³⁵ Олюнин С.В. Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006.

¹³⁶ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 4466. Переселение боснийских уроженцев. 1842.

¹³⁷ Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1850–1870-е гг. М.: Индрик, 2019.

государственный банк, а доходы с него отправлять мостарской православной общине для передачи мужскому училищу. Министерство взяло на себя обязательство купить билеты и исправно отправляло деньги через консулов до 1877 г. С началом русско-турецкой войны МИД прекратил перевод денег.

Сразу по окончании мирного конгресса в Берлине началась работа по возвращению к мирной жизни. Это касалось и выплат от имени России в поддержку православных. В 1880 г. община обратилась к Н.Н. Ладыженскому с просьбой возобновить выплаты. Азиатский департамент, связавшись с банком, компенсировал выплаты за 1877–1880 гг. и в дальнейшем продолжил выплачивать проценты без задержек. Единственное, что изменилось со времени османского управления: если раньше консул отдавал общине деньги напрямую, то теперь — через австро-венгерского гражданского управляющего¹³⁸.

Мостарская православная община просила возобновить выплаты денежной помощи женскому училищу, основанному и до войны содержавшемуся российской императрицей¹³⁹. Эта просьба была проигнорирована. 12 сентября 1878 г. Азиатский департамент МИДа обратился в Департамент личного состава и хозяйственной деятельности за деньгами, назначенными на содержание учебных заведений в Османской империи, в том числе православного училища в Мостаре. При этом средства полагалось перечислить за годы войны — 1877–1878-й¹⁴⁰. Генеральный консул в Восточной Румелии попросил перевести начиная с 1880 г. регулярное пособие на мостарское училище, которое

¹³⁸ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6703. Пособия училищам на Востоке (Сербия, Мостар, Сараево). 1870–1892.

¹³⁹ Перевод прошения мостарской православной общины. 25 января 1880 г. АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6703. Пособия училищам на Востоке (Сербия, Мостар, Сараево). 1870–1892. Л. 51–51об.

¹⁴⁰ Отношение Азиатского департамента. 31 августа 1878 г. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 725-2. Д. 138. Выдача пособий болгарским училищам в Константинополе и Охриде, православному училищу в Мостаре, женской школе в Буюкдере. 1878 г. Л. 1.

выплачивалось с 1863 г., на сиротский приют¹⁴¹ в городе его работы — Филиппополе. У российского правительства отпала необходимость содержать учебное заведение в Герцеговине, как аргументировал дипломат, потому, что «попечение о народном образовании в означенной провинции (Боснии и Герцеговине. — Л.П.) подлежит прямому ведению находящихся там австрийских властей». Ходатайство было удовлетворено в пользу сиротского приюта в Филиппополе¹⁴².

Для инкорпорации Боснии и Герцеговины австро-венгерское правительство постепенно проводило политику равенства всех вероисповеданий и последовательной секуляризации образования, культуры и политических институтов. В начальный период оккупации монархия выстраивала отношения с католической и православной церквями. Министр иностранных дел Генрих фон Хаймерле писал министру финансов Йозефу Слави: «Не подлежит никакому сомнению, что Австро-Венгрии как католической державе необходимо обратить особое внимание католической церкви в оккупированной провинции, чтобы она привела к процветанию наравне с другими землями монархии»¹⁴³. В 1880 г. австрийские дипломаты начали переговоры с Ватиканом. Их целью было добиться утверждения императором кандидатур боснийских епископов. Также Вена хотела, чтобы иезуитский орден действовал наравне с францисканским. Результатом переговоров стала папская булла 1881 г., которая удовлетворила практически все пожелания австро-венгерского правительства: император получил право назначать кандидатов на епископские места,

¹⁴¹ Дипломаты в документах для обозначения сиротского приюта в Филиппополе использовали болгарское слово «сиропиталище».

¹⁴² Отношение Азиатского департамента. 17 ноября 1879 г. № 3992. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 725/2. Д. 182. О прекращении выдачи денежного пособия училищу в Мостаре и о выдаче денежного пособия сиротскому приюту (сиропиталищу) в Филиппополе. 1879–1883. Л. 1–2об.

¹⁴³ Цит. по: Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. Сарајево: Веселин Маслеша, 1982. С. 70.

была основана иезуитская семинария¹⁴⁴. В 1882 г. со Святым престолом был заключен конкордат.

Определенные сложности возникли с православной церковью. В османское время Порты не вмешивалась в управление церковью, общины фактически пользовались полной автономией: администрировали церковное имущество, в том числе здания, и влияли на выборы священников, тогда как высшее духовенство в лице митрополитов назначалось Константинопольской патриархией из греческих священнослужителей и не могло установить хорошие отношения с местным населением. «Вследствие этого при грубейшем произволе во всех частях внешнего управления внутренняя духовная жизнь сербского народа развивались самобытно и неприкосновенно», — писал вице-консул в Рагузе В.Б. Пассек¹⁴⁵. Общины содержали школы, которые работали при монастырях и церквях, выплачивали зарплату учителям. Так, в Герцеговине жалование учителей составляло 400–600, иногда и 800–1000 флоринов в год с предоставлением жилья и дров¹⁴⁶. После 1878 г. австро-венгерское правительство стало постепенно вводить контроль над церковными делами: потребовало регистрировать имущество и куплю-продажу, появился контроль при назначении учителей, власти начали упорядочивать церковную и образовательную систему.

В Габсбургской монархии уже существовала Карловицкая патриархия, поэтому правительство видело логичным склонить православных подчиниться православной церкви в границах империи. Занимавший с 1874 по 1880 г. должность дабробоснийского митрополита грек-фанаритот Анфим планировал отложиться от Константинопольского патриаршего престола и признать главенство Карловицкой

¹⁴⁴ Donia R.J. Islam under the Double Eagle: The Muslims of Bosnia and Herzegovina, 1878–1914. New York: Columbia University Press, 1981. P. 19.

¹⁴⁵ Донесение вице-консула в Рагузе В.Б. Пассека. 5 (17) декабря 1881 г. № 160. Ф. 172. Оп. 514/4. Д. 786. Consulats. 1882. Л. 10об.–11.

¹⁴⁶ Там же. Л. 10об.–11.

епархии. Однако этому воспротивились местные жители¹⁴⁷. Три боснийские митрополии: дабробоснийская, зворникская и дольно-тузланская — находились в юрисдикции Вселенского патриарха, поэтому с ним 16 марта 1880 г. венский кабинет заключил конвенцию о боснийской-герцеговинской церкви. В конкордате подтверждался старый иерархический порядок, гарантировавший достаточно широкую автономию боснийской православной церкви. Тем не менее император получил право назначения митрополитов, которым правительство стало выплачивать заработную плату¹⁴⁸. За отказ от церковных доходов в Боснии и Герцеговине власти обязались давать ежегодно вознаграждение в размере 58 тыс. пиастров¹⁴⁹. Представители высшего религиозного духовенства были фактически чиновникам.

В жизни боснийской православной церкви большое значение имел митрополит дабробоснийский, резиденция которого находилась в главном городе — Сараеве; часто с выборами и назначением этого иерарха возникали сложности. В 1880 г. прошли выборы и назначение первого митрополита в оккупированной Боснии. Им стал архимандрит Савва Косанович (Касанович; 1839–1903)¹⁵⁰. Он был настолько

¹⁴⁷ Черновик письма посла в Константинополе Е. П. Новикова министру Н. К. Гирсу. 29 января 1881 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3399. Православие в Боснии, Герцеговине и вообще в славянских землях. 1880–1882. Л. 10–10об.

¹⁴⁸ Вяземская Е. К. Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании югославянских наций / отв. ред. И. В. Чуркина. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 127; Харузин А. Н. Босния-Герцеговина: Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. СПб.: Государственная типография, 1901. С. 283.

¹⁴⁹ Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. Сарајево: Веселин Маслеша, 1982. С. 33.

¹⁵⁰ О его деятельности в османское время см.: Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. Сарајево: Веселин Маслеша, 1982; Максимовић В. Митрополит Сава Косановић (1839–1903). Добрун; Сарајево: Штампарија “Мићо Соколовић”, 2003; Мельчакова К. В. Босния и Герцеговина в российской общественно-политической жизни в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.

влиятельным, что генерал Йосип Филиппович, когда ввел оккупационные войска в Боснию и Герцеговину, обращался к нему как к главе православных, а не к митрополиту Анфиму. Косанович мог еще в 1879 г. заменить Анфима на посту сараевского митрополита: тогда австро-венгерские власти запретили ехать в Константинопольскую патриархию для рукоположения, вместо этого предлагая ему рукоположение в Сремских Карловцах. Также у него была возможность занять митрополичью кафедру в Баня-Луке в том же 1879 году. Тем не менее осенью 1880 г. венский кабинет с подачи министра финансов Й. Слави и после письменного заверения в преданности одобрил кандидатуру Косановича на место сараевского митрополита¹⁵¹. 13 ноября патриарх Иоаким III назначил Косановича дабробоснийским митрополитом, 20 декабря Франц Иосиф утвердил его решение.

В этом назначении значительную роль сыграли российские дипломаты, которые находились в постоянном контакте со Вселенским патриархом и консультировали его. «Единственно возможным и популярным» Косановича называл российский консул в Сараеве М.М. Бакунин. «Для Боснии желательно бы удержать его», — подытожил дипломат¹⁵². Когда архимандрит Савва отправил телеграмму Иоакиму с ходатайством испросить мнения у местных жителей и узнать, согласны ли они с назначением¹⁵³, министр Н.К. Гирс признал, что патриарх поставлен в трудное положение: «Доселе боснийский православный народ не принимал участия в выборах своих митрополитов». Принимая во внимание то, что православные общины Австро-Венгрии участвуют в выборах Карловицкого патриарха и «пользуются в церковных делах

¹⁵¹ Мацар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине... С. 61–64.

¹⁵² Копия шифрованного донесения консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене П.П. Убри. 2/14 декабря 1880 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3399. Православие в Боснии, Герцеговине и вообще в славянских землях. 1880–1882. Л. 8–9.

¹⁵³ Телеграмма арх. Саввы к Е.Св. Вселенскому патриарху, полученная 24 ноября. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3399. Православие в Боснии, Герцеговине и вообще в славянских землях. 1880–1882. Л. 12.

довольно значительной автономией», Гирс рекомендовал Иоакиму III удовлетворить просьбу Косановича. По поводу формы, как ответить боснийским общинам, министр посоветовал патриарху проконсультироваться с австро-венгерским правительством¹⁵⁴. В итоге Иоахим нашел выход, как, не нарушая конвенцию с Австро-Венгрией, официально спросить мнения у местных жителей: он отправил телеграмму сараевской общине с известием об избрании Саввы Косановича митрополитом¹⁵⁵. Посланием были удовлетворены и община, и патриархия, и австро-венгерское правительство, что с одобрением отметил посол Е.П. Новиков¹⁵⁶.

Несмотря на то что Новиков работал в Османской империи, в письме министру он высказал мнение о Карловицкой патриархии и нежелательности перенимать опыт австро-венгерских сербов. По сведениям посла в Константинополе, в народном совете при Карловицкой епархии слишком велико влияние Светозара Милетича, «переносящего политические стремления свои в круг церковных вопросов и ратующего против высшей иерархии, против власти епископов в пользу сподручного ему низшего духовенства». Дипломат обвинял Милетича в том, что из-за него правительство все время вмешивается в церковные дела и в итоге епископами избираются не те, кто пользуется доверием у общины, а кто удовлетворяет венгров¹⁵⁷.

Неслучайно важные изменения в жизни православной общины и церкви произошли в 1880–1881 гг. и,

¹⁵⁴ Расшифровка весьма секретной телеграммы министра Н.К. Гирса послу в Константинополе Е.П. Новикову. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3399. Православие в Боснии, Герцеговине и вообще в славянских землях. 1880–1882. Л. 7–7об., 23–23об.

¹⁵⁵ Перевод телеграммы Вселенского патриарха к сараевской православной общине, отправленной 20 декабря. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3399. Православие в Боснии, Герцеговине и вообще в славянских землях. 1880–1882. Л. 12об.–13.

¹⁵⁶ Черновик письма посла в Константинополе Е.П. Новикова министру Н.К. Гирсу. 29 января 1881 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3399. Православие в Боснии, Герцеговине и вообще в славянских землях. 1880–1882. Л. 10–11об., 21–22об.

¹⁵⁷ Там же. Л. 22.

как мы увидим в дальнейшем, в 1905 г. Именно в эти годы Константинопольским патриархом был Иоаким III: его первое патриаршество пришлось на 1878–1884 гг., второе — на 1901–1912 гг. Он считался сторонником гибкой политики в национальном вопросе и другом России¹⁵⁸. Посол Е.П. Новиков положительно оценивал его деятельность. Дипломат считал, что он демонстрирует «благоразумие и рассудительность» при управлении церковью¹⁵⁹. Патриарх проводил удобную для России политику, направленную на примирение враждующих балканских народов. Избиравшиеся после Иоакима патриархи придерживались антирусских позиций; в результате их патриаршества позиции православной церкви в Османской империи только ослабевали, а русские дипломаты практически не контактировали с ними. Отчасти поэтому поддержка российского посольства в Константинополе стала решающей в избрании Иоакима во второй раз¹⁶⁰.

Взаимопонимание между дипломатами и патриархом Иоакимом не означало, что в российском Святейшем Синоде царило такое же настроение. В конце 1880 — начале 1881 г. он получил прошение боснийских священнослужителей: архимандритов Серафима Перовича, Леонтия Радуловича, Мелетия Перовича, игумена Христофора Михайловича, священников Симеона Ровачевича и Лазаря Шаренача, протоиерея Димитрия Йовановича, а также двух учителей. Синод был совершенно недоволен тем, что Константинополь не следил за ситуацией с православной церковью в Боснии и Герцеговине и был склонен в таком упущении обвинять самого патриарха. Наибольшую обеспокоенность Синода вызывали сведения о том, что католическая церковь предлагает боснийской

¹⁵⁸ Герд Л.А. Константинопольский патриархат и Россия. 1901–1914 гг. М.: Индрик, 2012. С. 82.

¹⁵⁹ Черновик письма посла в Константинополе Е.П. Новикова министру Н.К. Гирсу. 29 января 1881. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3399. Православие в Боснии, Герцеговине и вообще в славянских землях. 1880–1882. Л. 21об.

¹⁶⁰ Герд Л.А. Константинопольский патриархат и Россия. 1901–1914 гг. С. 82–84.

православной церкви унию¹⁶¹. Об этом же сообщал в МИД консул М.М. Бакунин. Источники, надо полагать, у дипломата были те же самые, что у Синода. Согласно депеше Бакунина, граф Станислав Миерозовски, политик, ученый-историк, работавший советником боснийского правительства в 1879–1882 гг., тайно предложил митрополиту Савве Косановичу признать духовную власть римского папы и таким образом заключить унию. Об этом же писал и сам митрополит Савва, чье письмо, адресованное, видимо, российскому МИДу, было скопировано австро-венгерской администрацией¹⁶².

Миерозовски якобы аргументировал свою позицию тем, что Вселенский патриарх не в состоянии защищать права боснийской церкви, а Россия «бросила» (*a abandonné*) православных Боснии. Как сообщал консул, митрополит тотчас связался с неким Демеличем, сербом, который служил в канцелярии двора и должен был о тайном предложении известить самого императора-короля. Копию своего письма Демеличу Косанович показал русскому дипломату, чтобы поставить в известность также и Святейший Синод в Петербурге, и Константинопольскую патриархию, и митрополита Сербского. Франц Иосиф через министра Слави ответил, что он ничего не знал о таких поползновениях прозелитизма со стороны католиков, что он в действительности не делает различия между православной и католической религиями и что граф Миерозовски не был уполномочен делать какие-либо предложения иерарху. Тем не менее Бакунин был уверен: австро-венгерские власти, чтобы ускорить инкорпорацию православного населения Боснии и Герцеговины в монархию, секретным образом все же выступили с идеей унии¹⁶³.

¹⁶¹ Копия протокола заседания Св. Синода. 17 декабря 1880 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3399. Православие в Боснии, Герцеговине и вообще в славянских землях. 1880–1882. Л. 27.

¹⁶² Grunert H. Glauben im Hinterland. Die Serbisch-Orthodoxen in der habsburgischen Herzegowina 1878–1918. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2016. S. 273.

¹⁶³ Депеша консула в Сараеве М.М. Бакунина. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3399. Православие в Боснии, Герцеговине и вообще в славянских землях. 1880–1882. Л. 35–41об.

Для оформления отношений с православной церковью, учитывая новые обстоятельства оккупации, российское министерство иностранных дел консультировалось со Святейшим Синодом. Донесение консула Бакунина о том, что габсбургские власти пытаются ввести унию с Римом, было передано обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву. Посол Убри на основании корреспонденции министра и обер-прокурора составил инструкцию для российского дипломатического представителя в Боснии, как следует строить отношения с сараевским митрополитом Саввой Косановичем. Согласно этим указаниям, консул должен был постоянно «нравственно поддерживать» его и одновременно не «возбуждать подозрительность» австро-венгерской администрации. Главным средством сопротивления католицизму в Боснии и Герцеговине российской обер-прокуратурой считал образование духовенства. Со своей стороны Синод выразил готовность содействовать обучению православных из Боснии и Герцеговины в российских духовных училищах. Инструкция дополнялась просьбой Победоносцева собирать данные о боснийской православной церкви¹⁶⁴.

В личной переписке с министром Н.К. Гирсом Победоносцев отмечал, что действия по сближению с Римом были ожидаемы после оккупации Боснии католическим государством. Победоносцев просил помнить, что, хотя Святейший Синод и готов помогать, но учреждение ограничено в средствах. Главным же посланием, как представляется, была идея, чтобы дипломаты продолжали поддерживать православных и православную церковь Боснии: «Поддержка со стороны Св. Синода могла бы быть оказана только в том случае, если бы министерство иностранных дел не отказало в своем деле для сего посредничества чрез дипломатических агентов»¹⁶⁵. Такой политики

¹⁶⁴ Черновик письма посла в Вене П.П. Убри консулу в Сараеве М.М. Бакунину. 8 (20) октября 1881 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 757. Consulats. 1881. Л. 18–19.

¹⁶⁵ Копия письма обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева министру иностранных дел Н.К. Гирсу. 11 сентября 1881. № 4499. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 757. Consulats. 1881. Л. 21–23.

придерживался российский МИД в османское время — когда дипломаты были проводниками позиции России, согласно которой она была ответственна за состояние православного мира, и акторами в борьбе с католической пропагандой¹⁶⁶. Дипломаты последовали этой линии и в австро-венгерское время.

На хиротонию (рукоположение) Косановича прибыли иерархи Константинопольской патриархии: рашко-призренский митрополит Мелентий из Приштины в качестве представителя Вселенского патриарха, боко-которский епископ Герасим Петранович из Котора, захумско-герцеговинский владыка Игнатий из Мостара. На церемонию по требованию нового митрополита не были приглашены епископы Карловицкой патриархии, а также зворникский владыка Дионисий, у которого был конфликт с Константинополем¹⁶⁷.

Избрание и назначение митрополита Саввы Косановича стали важным этапом в достижении боснийцами права участвовать в управлении краем. Во-первых, они добились того, что церковным иерархом стал местный уроженец, — они многократно просили об этом еще в османское время. Необходимо отметить, что задача совпала со стремлением правительства усилить роль духовенства и вытеснить «чуждый народонаселению греческий элемент». Правда, Порта тем самым пыталась ослабить влияние общин¹⁶⁸. Во-вторых, достижением стало то, что хотя бы в номинальной форме власти предрержащие спросили их мнения.

Конфессиональные школы не были закрыты, но наиболее популярные учителя были уволены, их места заняли австрийские сербы, которых местные жители воспринимали

¹⁶⁶ Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России... С. 394.

¹⁶⁷ Максимовић В. Митрополит Сава Косановић (1839–1903). Добрун; Сарајево: Штампарија “Мићо Соколовић”, 2003. С. 39.

¹⁶⁸ Дешеша российского посла в Вене П.А. Капниста министру М.Н. Муравьеву. № 11. Вена, 5/17 февраля 1897 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I.R. 1897. Л. 64об.

как шпионов¹⁶⁹. Правительство на государственные деньги основало новые учебные заведения, где могли учиться дети вне зависимости от вероисповедания. В первую очередь туда отдавали детей католические семьи, затем их примеру последовали православные¹⁷⁰.

Мусульмане оказались в сложной ситуации. Такой сильной поддержки, какую получали православные из Сербии или католики — из Австро-Венгрии, они не могли получить из Турции. Во-первых, Порта в 1878 г. фактически отказалась от своего самого западного вилайета; во-вторых, стамбульские власти решали другие проблемы; третьей причиной можно считать то, что Босния и Герцеговина в географическом отношении была удалена от центра Османской империи. Австро-Венгрия сознательно дистанцировалась от населения провинций. В первый год австро-венгерского управления П.А. Ровинский в своих заметках писал: «К кому он (мусульманин. — Л.П.) должен пристать, на кого ослониться: к православным или к католикам? Вот вопрос, от решения которого зависит будущее духовное развитие Боснии, а в связи с ним и ее культурные и политические стремления»¹⁷¹.

Сохранив на первых порах многие институты турецкого управления и предоставив большую свободу мусульманскому духовенству, глава которого назначался шейх-уль-исламом Османской империи, Вена вместе с тем проводила гибкую политику в отношении мусульман — нового фактора в Австро-Венгрии. Власти стремились уважать обычаи, действовал шариатский суд. В 1882 г. была введена должность реис-уль-улема, главы мусульманского духовенства. Первым реис-уль-улемой императорским дипломом был назначен Мустафа Омерович, известный в Боснии-Герцеговине ученый.

¹⁶⁹ Донесение вице-консула в Рагузе В.Б. Пассека. 5 (17) декабря 1881 г. № 160. Ф. 172. Оп. 514/4. Д. 786. *Consulats. 1882. Л. 11-11об.*

¹⁷⁰ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина: Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. СПб.: Государственная типография, 1901. С. 295-296.

¹⁷¹ Ровинский П.А. Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 35.

Активная интеграционная политика Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине (1880-е — середина 1890-х гг.)

На протяжении всего австро-венгерского периода проблема отношений православного (сербского) населения и правительства стояла весьма остро¹. В этой главе мы предлагаем детальнее рассмотреть период активной интеграционной политики Австро-Венгрии на оккупированных территориях. Мы сосредоточимся на положении российского консульства, чьей первоочередной задачей был сбор информации о православных жителях. В переговорах об отставке влиятельного митрополита Саввы Косановича немаловажную роль сыграли дипломаты в Сараеве, Вене и Константинополе. С помощью консулов в Рагузе и Сараеве боснийцы и герцеговинцы предприняли несколько попыток эмигрировать. Кроме того, мы поделимся данными о сотрудничестве представителей сербского и российского общества под руководством публициста Г.С. Веселитского-Божидаровича, который стремился влиять и на международные отношения. 1880-е — начало 1890-х гг. характеризуются новыми конфликтами на Балканах, а также осложнениями отношений между Россией, Австро-Венгрией и Германией.

¹ О положении православного (сербского) населения Боснии и Герцеговины см. подробнее: Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. Сарајево: Веселин Маслеша, 1982; Kraljačić T. Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882–1903). Sarajevo, 1987.

Политика Б. Каллая

С 1882 г. во главе управления оккупированной Боснией и Герцеговиной стоял Бенямин Каллай (Каллай). Его называли «некоронованным королем» этой провинции. Уже в 1868 г., будучи австро-венгерским генеральным консулом в Белграде, он был уверен, что эти территории войдут в состав Габсбургской монархии². Время его пребывания на посту общеперского министра финансов (1882–1903 гг.) в истории Боснии и Герцеговины исследователи определяют как «эру Каллая»³. Он сыграл настолько важную роль в судьбе Боснии и Герцеговины, что следует о нем рассказать подробнее.

Бенямин Каллай был родом из Венгрии, его мать принадлежала к сербскому роду Блашковичей, переселившись в конце XVIII в. из Османской империи в Австрийскую. Мама обучила сына своему родному языку, поэтому он был билингом. В 1865 г. Каллай участвовал в парламентских выборах от города, где компактно проживали сербы, — Сентендре. Тогда же он учредил премию ученикам за лучшие знания сербского языка и катехизиса. Хотя он не стал депутатом, но именно во время этой избирательной кампании его заметил Д. Андраши⁴. Есть сведения, что Каллай был крещен (миропомазан) православным священником и получил имя Срболуб (Серболуб)⁵.

² Раденић А. Предговор // Калај Б. Дневник Бењамина Калаја / обрада и коментар А. Раденић. Београд: Историјски институт; Нови Сад: Институт за историју Војводине, 1976. С. XV.

³ Donia R.J. Islam under the Double Eagle: the Muslims of Bosnia and Herzegovina, 1878–1914. New York, 1981. P. 12; Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX в. // В «покроховом погребу Европы». 1878–1914 гг. / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.) М.: Индрик, 2003. С. 332.

⁴ Milojković-Djurić J. The Eastern Question and the Voices of Reason: Austria-Hungary, Russia, and the Balkan States 1875–1908. New York: Columbia University Press, 2002. (East European Monographs. DXCII.) P. 48–52.

⁵ Aleksov B. Habsburg Confessionalism and Confessional Policies in Bosnia and Herzegovina // Wechselwirkungen: Austria-Hungary, Bosnia-Herzegovina, and

Когда в 1868 г. было заключено хорватско-венгерское соглашение, Андраши начал искать на место генерального консула в Белграде подходящую кандидатуру венгерского происхождения. Тогда выбор главы правительства земель короны Св. Стефана пал на молодого Каллая. Он в свои 28 лет был назначен представителем дуалистической монархии в Сербии, где работал с 1868 по 1875 г. Во время своей консульской деятельности Каллай внимательно изучал боснийский вопрос. В 1872 г. он целый месяц путешествовал по Боснии и Герцеговине (с 13 июля по 13 августа)⁶. Дневник, освещающий этот период его работы в балканском регионе, был опубликован венгерским историком Лайошем Талоци в приложении к книге Б. Каллая «История сербского восстания. 1807–1810 гг.» в Будапеште в 1909 г.⁷ Консул участвовал в строительстве австро-венгерскими компаниями железной дороги на Балканах, в том числе в Боснии и Герцеговине. После восьми лет консульской службы в Белграде Каллай продолжил карьеру в системе министерства иностранных дел. Дипломат, ученый — Каллай известен как автор работ «Россия на востоке», «История сербов», «История сербского восстания. 1807–1810 гг.»⁸.

Посол в Вене А.Б. Лобанов-Ростовской характеризовал Каллая как человека «неугомонного, амбициозного», который, зная о личном интересе императора-короля к Боснии и Герцеговине, «старался потакать» его идеям. Дипломат добавлял: министр специально создавал для Франца Иосифа образ оккупированных провинций «в самых ужасных красках», чтобы император высоко оценил его управленческие качества. Посол был уверен, что для Каллая пост министра финансов был «всего лишь трамплином для получения

the Western Balkans, 1878–1918 / ed. By C. Ruthner, D. Reynolds Cordileone, U. Reber, R. Detrez. New York: Peter Lang, 2015. P. 93.

⁶ Калај Б. Дневник Бењамина Калаја. С. 483.

⁷ См. комментарий № 349 в: Калај Б. Дневник Бењамина Калаја. С. 775.

⁸ На сербском языке: Калај Б. Историја српског народа. Београд, 1882; Калај Б. Русија на Истоку. Нови Сад, 1885.

должности министра иностранных дел, которую он давно страстно желает». «Поддерживая с Кальноки отношения внешне очень хорошие, он активно ведет интриги против него, не упускает ни малейшей возможности указать на небольшие недостатки нашего друга, и многие люди уверены, что ему удастся оттеснить его в, может быть, не столь отдаленном будущем», — писал Лобанов-Ростовский. По мнению посла, фигура Каллая была бы невыгодна для России, поскольку тот «не ограничится спокойным ведением дел, как Кальноки, и захочет вершить великие дела — не важно какие, — лишь бы о нем стали говорить»⁹.

Свою деятельность в качестве общеперского министра финансов Каллай начал с умиротворения восставшей провинции. Е.К. Вяземская считает, что «уроки восстания убедили министра в том, что хозяйственные вопросы, и прежде всего улучшение бедственного положения масс, являются тем звеном в цепи, при помощи которого можно и должно вытащить страну из трясины, в которой она оказалась по причине господства вековой отсталости»¹⁰. На «эру Каллая» приходится самое динамичное развитие Боснии и Герцеговины. Министр как человек очень амбициозный старался добиться блестящих результатов за короткий срок¹¹.

Хотя кое-какие шаги были сделаны и в период 1878–1882 гг., например было начато строительство широкой железнодорожной сети, шло становление горнорудной промышленности и провинции вовлекались в единую таможенную территорию, все же, по мнению П. Шугара, процесс индустриализации в Боснии и Герцеговине начался именно

⁹ Строго конфиденциальное письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского министру Н.К. Гирсу. 29 октября (10 ноября) 1883. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 759/764. 826. Донесения Лобанова-Ростовского из Вены. 30 сентября (12 октября) 1882 – 29 января (6 февраля) 1889 г. Л. 63–63об.

¹⁰ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX в. С. 333.

¹¹ Sugar P.F. Industrialization of Bosnia-Hercegovina, 1878–1918. Seattle: University of Washington Press, 1963. P. 57.

тогда, когда общеимперское министерство финансов возглавил Б. Каллай¹². Р. Дониа считает, что Каллай не был «радикальным новатором, разрушившим все планы своих предшественников, по сути, его решения лишь укрепили или воплотили в жизнь политику, которую наметили предыдущие министры»¹³.

Бенямин Каллай был уверен, что провинция должна содержать себя сама, так как добиться от обеих частей дуалистической монархии средств на инвестирование развития оккупационных территорий представляло определенные сложности¹⁴. Используя соперничество Австрии и Венгрии, министру удавалось получать кредиты у венских и будапештских банков¹⁵. В гражданской части Босния-Герцеговина должна была содержаться за счет собственных средств. Монархия финансировала военную часть управления, в которую входило строительство дорог. В оккупированной провинции в первую очередь была поставлена задача развития транспортной сети. Если до начала австро-венгерского правления по Боснийскому вилайету было проложено всего 194 км железнодорожных путей (кстати, на деньги австрийского концессионера), то к 1914 г. было построено 1391 км¹⁶. Так же основательно был решен и вопрос с шоссейными дорогами.

План Каллая предусматривал активное освоение полезных ископаемых, которыми была богата Босния-Герцеговина. По данным Е.К. Вяземской, за время австро-венгерского управления в стране было основано 138 промышленных предприятий, на которых работали почти 52 тыс. человек¹⁷. Причем

¹² Ibid. P. 37.

¹³ Donia R.J. Islam under the Double Eagle: The Muslims of Bosnia and Hercegovina, 1878–1914. New York: Columbia University Press, 1981. P. 11.

¹⁴ Sugar P.F. Industrialization of Bosnia-Hercegovina, 1878–1918. P. 58.

¹⁵ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX в. С. 333.

¹⁶ Там же. С. 334.

¹⁷ Там же. С. 334.

Каллай придерживался точки зрения, что все промышленные предприятия должны находиться под государственным контролем¹⁸.

Впечатляющие успехи были достигнуты в развитии городов и их благоустройстве, улучшении санитарно-гигиенических условий. Водопровод получили 26 городов Боснии-Герцеговины; в Сараеве трамвай появился на четыре года раньше, чем в имперской столице — Вене¹⁹.

Уровень сельскохозяйственного развития также возрастал, хотя аграрный вопрос не был до конца решен. По мнению П. Шугара, отсутствие в аграрной стране органа по урегулированию земельных отношений и наличие отдела по промышленности свидетельствовали о приоритетности развития сырьевых отраслей²⁰. Боснийское правительство приглашало колонистов из Германии и самой Австро-Венгрии²¹.

В культурном плане также были заметны важные изменения. Началось активное изучение края, к которому привлекались специалисты разных отраслей науки. Были основаны Областной институт (*Zemaljski institut*) и Областной музей (*Zemaljski muzej*) в Сараеве. Сараево стало настоящим культурным центром всей провинции, где развивались наука, музыка, издательская деятельность, изобразительное искусство²². В реализации плана культурного развития края четко просматривается и политическая программа. Власти последовательно осуществляли, как сообщало

¹⁸ Lampe J., Jackson M. *Balkan Economic History, 1550–1950. From Imperial Borderlands to Developing Nations*. Bloomington: Indiana University Press, 1982. P. 309.

¹⁹ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX в. С. 334.

²⁰ Sugar P.F. *Industrialization of Bosnia-Herzegovina, 1878–1918*. P. 27.

²¹ Отчет МИД за 1883 и 1884 гг. по Боснии и Герцеговине // *Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903)*. С. 184.

²² Besarović R. *Iz kulturnog života u Sarajevu pod austrougarskim upravom*. Sarajevo: Veselin Masleša, 1974.

министерство иностранных дел России, «строго определенную программу в смысле сближения босняков с Австрией и западом вообще»²³.

Деятельность консула М.М. Бакунина

Петербург продолжал внимательно наблюдать за деятельностью австро-венгерской администрации. На основе донесений консула М.М. Бакунина министр Н.К. Гирс пришел к выводу, что дунайская монархия всеми силами будет стремиться к своему утверждению в оккупированных землях²⁴. Генеральная линия внешнеполитического ведомства России, в соответствии с принципами Союза трех императоров, не предусматривала пересмотр статуса оккупированных территорий.

Консульская юрисдикция была прекращена еще в 1881 г. военным управляющим генералом Германом Даленом. После этого Германия, Италия, Англия, а затем и Россия отказались от такого права²⁵. Общеимперский министр финансов Б. Каллай отменил обычную для иностранных представителей льготу на налоги в 1889 г. При этом ни одному министерству иностранных дел великих держав венский кабинет не дал знать о прекращении этой прерогативы консулов, писал Бакунин²⁶.

Неопределенность статуса видна также из следующего сюжета. В июне 1888 г. в Сараево должен был приехать

²³ Отчет МИД за 1890 г. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). С. 192.

²⁴ Депеша министра иностранных дел Н.К. Гирса российскому послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1888. Л. 103об.–104.

²⁵ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 757. *Consulats*. 1881. Л. 10–15.

²⁶ Письмо консула в Сараево М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 23 декабря 1889 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. *Consulats politiques*. 1889. Л. 48об.

кронпринц Рудольф Габсбург. Поскольку у российского консула М.М. Бакунина не было точных сведений о поездке наследника австрийского престола, дипломат запросил у посольства в Вене инструкцию на случай его приезда. Согласно данным полицейского префекта Сараева, Рудольф Габсбург, кроме инспекции 15-го корпуса армии, планировал провести встречи с администрацией края, директорами департаментов юстиции, вероисповедания, полиции и консулами²⁷. Российский посол в Вене А.Б. Лобанов-Ростовский рекомендовал Бакунину относиться к принцу Рудольфу «как к наследнику австро-венгерского престола», какое бы военное положение он ни занимал, и обязательно ему представиться вместе с другими консулами²⁸. Таким образом, сохранялась двойственность отношения к политическому статусу: Босния не была признана владениями Австро-Венгрии и в то же время не было нарушено право Порты на провинции.

Дунайская монархия старалась сделать все, чтобы иностранные державы, особенно Россия, не имели повода вмешиваться в дела провинции. М.М. Бакунин в течение всего своего пребывания на посту консула в Сараеве писал в частных письмах послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому о своем положении: «Чрезвычайно трудное, деликатное и фальшивое положение в Сараеве русского консула среди враждебности и подозрительных австрийцев, придирчивых, вызывающих, постоянно смешивающих полицию с политикой»²⁹. Дипломату казалось, что местная администрация, в частности гражданский глава боснийского правительства барон Хуго фон Кучера, не уважает его и специально демонстрирует, что он персона нон грата в Сараеве.

²⁷ Донесение российского консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. № 19. Сараево, 20 апреля 1888 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1888. Л. 95-96.

²⁸ Проект инструкции посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского консулу в Сараеве М.М. Бакунину. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1888. Л. 94.

²⁹ Письмо посла в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 23 апреля 1889 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. *Consulats politiques*. 1889. Л. 150б.

В качестве одного из доказательств Бакунин приводил тот факт, что, принимая еженедельно иностранных консулов, Кучера игнорировал русского представителя³⁰. Австрийский чиновник подозревал Бакунина в исключительном покровительстве сербам Боснии и Герцеговины и пытался узнать о связях русского дипломата, например, с председателем православной общины Сараева Спасое Бабичем³¹.

Еще одной причиной того, что российский консул почти все время пребывания находился в конфронтации с местной администрацией, была весьма активная деятельность дипломата. Его частое общение с жителями Хорватии, постоянные поездки по Боснии, Герцеговине, Далмации стали поводом для определенного беспокойства австро-венгерских властей. В 1887 г. консул отмечал: «Частые поездки совершенно необходимы для собирания всех тех сведений, которых в Сараеве достать нельзя и которые местное управление будет ныне еще тщательнее, чем когда-либо, таить от русско-го здесь консула»³².

Бакунин не только собирал сведения об экономической, социально-политической, культурной ситуации в крае, но и инициировал сбор данных о дислокации войск. С разведывательными целями консул ездил по Новипазарскому санджаку³³. Кроме того, он пытался заставить местных жителей. Так, например, Бакунин во время своего путешествия в начале 1887 г. останавливался в Сплите и Мостаре специально для собрания «новых сведений об австрийских концентрациях войск и вооружениях

³⁰ Там же.

³¹ Донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. №15. Сараево, 20 апреля 1887 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 67об.-68.

³² Там же. Л. 63об.-64.

³³ Сопроводительное письмо к зашифрованному донесению консула в Сараеве М.М. Бакунина управляющему посольством в Вене Н.Н. Фон-тону. Сараево, 28 сентября 1883 г. № 22. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 844. *Consulats*. 1884. Л. 182.

в Далмации и Герцеговине»³⁴. В одной из своих зашифрованных телеграмм М.М. Бакунин докладывал, что у него есть осведомитель Мойша — инженер по специальности, родом из Далмации. Он стал собирать секретную информацию в пользу России из-за озлобленности на оккупационные власти: «Мойша имел крупную денежную претензию к австрийскому правительству, которое его не признавало и которому он был неудобен своими требованиями и даже угрозами убить Кучеру». Русский консул считал, что этот агент несколько раз доставлял весьма ценные сведения военно-стратегического характера³⁵. Бакунин в качестве источника информации пользовался также услугами наемных агентов³⁶. Консул поручал своему информатору доставлять не только сведения о ситуации в крае, но и топографическую съемку³⁷. Однако министерство иностранных дел рекомендовало своему сотруднику воздерживаться от тесных контактов с людьми такого рода³⁸.

Деятельность консула, а особенно сбор информации военного характера не могли не беспокоить представителей австро-венгерской администрации³⁹. Бакунин полагал,

³⁴ Донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина. Фиуме, 28 февраля 1887 г. №10. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 19.

³⁵ Расшифрованная телеграмма консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. № 24. Сараево, 28 июля 1889 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. *Consulats politiques*. 1889. Л. 26.

³⁶ Расшифрованное донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. № 20. Сараево, 22 июня 1887 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 91; расшифрованная телеграмма консула в Сараеве М.М. Бакунина Г.Л. Кантакузину. № 36. Сараево, 18 сентября 1888 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1888. Л. 110.

³⁷ Расшифрованное донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. № 41. Сараево, 14 октября 1887 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 108–108об.

³⁸ Проект зашифрованной телеграммы консулу в Сараеве М.М. Бакунину. Вена, 16 декабря 1889 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. *Consulats politiques*. 1889. Л. 44.

³⁹ Там же. Л. 19.

что все его шифрованные депеши, отправленные по почте и по телеграфу, вскрывались военными⁴⁰. За работой российских дипломатов внимательно следили агенты. Боснийское правительство было осведомлено о поездках российских подданных по оккупированным областям⁴¹.

После одной из поездок М.М. Бакунина по Боснии и Герцеговине гражданский управляющий края барон Хуго фон Кучера предписал консулу «подчиняться особым полицейским и паспортным формальностям»⁴². Такое распоряжение было сделано только в отношении российского представителя Бакунина. «Он (барон Кучера. — Л.П.) сказал другим (консулам; подчеркнуто в документе. — Л.П.), что они могут ездить свободно; дал им понять, что не дозволено лишь русскому консулу»⁴³.

К частым поездкам Бакунина настороженно относились не только австро-венгерские власти, но и Департамент личного состава и хозяйственных дел российского МИДа, который следил за расходами дипломатических представительств. Департаменту неясна была цель многочисленных путешествий консула по Боснии и Герцеговине, поэтому он просил аргументировать их. Кроме того, финансовые управляющие регламентировали непредвиденные и не разрешенные вышестоящими инстанциями пожертвования от имени консульства. В 1886 г. ДЛСиХД отказался компенсировать пожертвования церквям и школам в Зенице и Житомысличах⁴⁴.

⁴⁰ Расшифрованное донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. № 48. Сараево, 9 декабря 1887 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 98.

⁴¹ Arhiv Bosne i Hercegovine. F. Zajedničko ministarstvo finansije.

⁴² Копия донесения консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 17 апреля 1887 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 56.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Отношение Департамента личного состава и хозяйственных дел в консульство в Сараеве. 8 августа 1886 г. № 2242. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 901. *Consulats*. 1886. Л. 132–132об.

Для петербургского правительства источником сведений был не только консул в Сараеве и его агенты, но, видимо, и другие информаторы. Бакунин с тревогой сообщал в 1888 г. о задержании русского подданного Шонейссона, сотрудника австрийской электрической фирмы «Гаве и Адлер». Его боснийские власти по обвинению в шпионаже выдворили из оккупированных областей и отправили по этапу в Вену⁴⁵.

Деятельность российского консула М.М. Бакунина распространялась не только на Боснию и Герцеговину, но и на близлежащие области. Он поддерживал связи с хорватами, в том числе с членами Хорватской партии права Анте Старчевича и с хорватскими сербами. «Правашаи» пообещали русскому дипломату предоставлять информацию касательно Хорватии, боснийской политики Б. Каллая и самого оккупированного края⁴⁶. Редактор газеты *Србобран* Павле Йованович также был близким знакомым Бакунина. К этому общественному и политическому деятелю, писал консул, всегда обращались сербы Боснии и Герцеговины, а печатный орган, который он издавал, имел большое влияние среди жителей оккупированного края. Для пробуждения и поддержания «симпатии и упования (подчеркнуто в документе. — Л.П.) на Россию в сердцах наших здешних единомышленников» и нужно было поощрение Йовановича субсидиями на содержание газеты *Србобрана*⁴⁷.

Методы работы Бакунина часто не принимались высшим начальством. В 1889 г. посол в Вене А.Б. Лобанов-Ростовский в довольно резкой форме осадил своего подчиненного, указав на неправильную интерпретацию информации, перепечатанной в местной газете *Bosnische Post* из будапештской *Vidapester Tagblatt*. Консул возмущался фельетоном,

⁴⁵ Донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1888. Л. 107.

⁴⁶ Частное весьма секретное письмо российского консула в Сараеве М.М. Бакунина Г.Л. Кантакузину. Сараево, 10 (22) марта 1892 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 370. *Consulats politiques*. 1892. Л. 74–74об.

⁴⁷ Там же. Л. 75об.

где автор с сарказмом писал о частом появлении дипломата в приграничном городе Осике (в XIX – начале XX в. российские дипломаты называли его Эссеком или Эссегом), куда он приезжал для передачи депеш: «Его присутствие там — большая сенсация». Бакунин в первом письме жаловался послу, что его называли агитатором и нужно предпринять демарш против газет, — Лобанов-Ростовский ответил, что в статьях ничего подобного нет. В двух последующих длинных письмах Бакунин пространно и многословно возмущался, почему венгерский корреспондент, совершенно не зная российского консула, смеет писать о нем, а также объяснял, как важно ездить в Осиек, — чтобы передавать необходимые для министерства депеши⁴⁸.

Чтобы вызвать и укрепить уважение местного населения и администрации, М.М. Бакунин за 13 лет службы в Боснии и Герцеговине неоднократно обращался в Петербург с просьбой повысить его статус и назначить генеральным консулом. Но Бакунин просил звание лично для себя, а не для всего представительства⁴⁹: во-первых, за выслугу лет, а во-вторых, его британский, а затем итальянский коллеги в Сараеве получили повышение от своих правительств⁵⁰. Кроме того, дипломат ссылался на то, что в российском министерстве иностранных дел некоторые его сотрудники, представлявшие империю в разных странах, стали генеральными консулами⁵¹.

Что касается обязанностей визировать паспорта для поездки в Россию, у нас практически нет данных

⁴⁸ Черновик письма посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского консулу в Сараеве М.М. Бакунину. 17 (29) июня 1889 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 983. *Consulats*. 1889. Л. 85–92об.

⁴⁹ Письмо консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 3 мая 1888 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1888. Л. 92–92об.

⁵⁰ Письмо консула в Сараеве М.М. Бакунина поверенному в делах посольства в Вене Г.Л. Кантакузину. Сараево, 4 (16) марта 1891. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1045. *Consulats*. 1891. Л. 65–66об., 69–70.

⁵¹ Письмо российского консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 3 мая 1888 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 3 03. *Consulats politiques*. 1888. Л. 92–92об.

по этому направлению консульской работы. Согласно отчету консульства в Вене, только за первые десять дней января 1884 г. было выдано 14 виз русским и другим славянским подданным, которые попросили помощи, чтобы вернуться на родину. Кроме того, венское консульство помогло единовременными пособиями шести заявителям⁵², но дипломаты не указали, кому именно. Известно, что Бакунин занимался оформлением виз. В 1891 г. консул попросил одобрить его решение: когда понадобилось визировать документы для судебного адъюнкта Сигизмунда Блоха, Бакунин отказал: выяснилось, что заявитель был евреем. Согласно циркуляру МИДа от 22 января 1891 г., всем российским заграничным учреждениям запрещалось визировать евреям паспорт для въезда в Российскую империю⁵³.

Консульство на протяжении нескольких лет выступало посредником в приобретении для Св. Синода сборников «Сербского православного пения», составленных сараевским священником Гаврило Боляричем⁵⁴. Правда, священнику приходилось несколько раз напоминать российскому правительству об оплате и ждать ее несколько месяцев⁵⁵. Одной из несомненных заслуг М.М. Бакунина можно считать то, что в 1887 г. для популяризации боснийско-герцеговинской темы он начал публикацию донесений А.Ф. Гильфердинга в журнале «Исторический вестник»⁵⁶.

⁵² Отчет по служебным издержкам Императорского консульства в Вене за январскую треть 1884 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 855. Отчетность за 1884 г. Л. 4.

⁵³ Письмо консула в Сараеве М.М. Бакунина управляющему посольством в Вене Г.Л. Кантакузину. Сараево, 9 (21) марта 1891 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1045. Consulats. 1891. Л. 63–64об.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 983. Consulats. 1889; Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1045. Consulats. 1891; АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1077. Consulats. 1892; АВПРИ. Ф. 172. Посольство в Вене. Оп. 514/1. Д. 1108. Consulats. 1893.

⁵⁵ Письмо М.М. Бакунина директору ДЛСиХД К.К. Буксгевдену. Сараево, 6 (18) марта 1893 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1108. Consulats. 1893/Л. 155–156.

⁵⁶ Эпизоды из политической жизни Боснии и Герцеговины в последние тридцать лет // Исторический вестник. 1887. № 3, 5.

В начале 1890-х гг. участились разногласия Бакунина с боснийским правительством, которые приходилось урегулировать российскому посольству в Вене. В 1891 г. русский консул даже был задержан полицией в Тузле. При проверке документов у дипломата оказался лишь паспорт, выданный в Петербурге, что местные власти посчитали недостаточным для разездов по стране. Между тем, как жаловался Бакунин, по письменному разрешению гражданского губернатора барона Х. Кучеры, все иностранные консулы имели право путешествовать, не подчиняясь особым правилам. Лишь вмешательство общеимперских министров Кальноки и Каллая помогло освобождению русского представителя⁵⁷. После этого Бакунин попросил посольство в Вене отправить ему паспорт с русским и немецким текстом. Оттуда ему ответили, что консул должен выполнять требования местного правительства⁵⁸. В 1892 г. Бакунин не пожелал заплатить таможенный сбор за посылку, в которой были российские флаги. По мнению консула, официальные посылки из МИДа в консульства не должны облагаться пошлиной, несмотря на то что консулы в Боснии в 1892 г. лишились права беспошлинного ввоза. Посол Лобанов-Ростовский попросил консула не уклоняться от законного требования местного правительства⁵⁹.

В 1893 г., после скандала, разразившегося с участием статского советника М.М. Бакунина, последний был отозван министерством иностранных дел из Сараева. Сам дипломат в объяснительной телеграмме сообщал, что во время его трехдневного отсутствия «тайные агенты сараевской полиции проникнули ночью в его квартиру,

⁵⁷ Проект депеши российского посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского Н.П. Шишкину. 23 апреля (5 мая) 1891 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 355. *Consulats politiques*. 1891. Л. 6–6об.

⁵⁸ Черновик письма сотрудника посольства в Вене консулу в Сараева М.М. Бакунину. 25 января (9 февраля) 1892 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1077. *Consulats*. 1892. Л. 44.

⁵⁹ Переписка между посольством в Вене и консулом М.М. Бакуниным. Июнь–ноябрь 1892 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1077. *Consulats*. 1892. Л. 90–90об., 119–122.

забрали его бумаги и за несколько часов до его возвращения принесли их обратно». Узнав об этом, Бакунин тотчас принес жалобу сараевским властям. «А между тем, получивши от некоторого полицейского агента, но именно Линича, подтверждение сообщенных ему сведений, он дал этому агенту убежище в консульстве и объявил барону Кучере, что задержание Линича, хотя и неправильное, составляет в его глазах единственное ручательство в том, что главный свидетель не будет умышленно скрыт при производстве следствия», — докладывал в Петербург А.Б. Лобанов-Ростовский⁶⁰. Для наблюдения за расследованием дела посол отправил генерального консула в Вене Константина Аркадьевича Губастова. Как выяснила полиция, ночью произошла не кража, а, по выражению министра Н.К. Гирса, «глупое дело», в котором были замешаны слуги, работавшие у Бакунина и итальянского консула Доменико Паппалепоре и состоявшие между собой в разных любовных отношениях. Губастов в своем отчете отметил, что из-за «нервного характера, восприимчивого и подозрительного темперамента, а в особенности усвоенных им приемов обращения с местными властями» Бакунин пришел к неправильному выводу, что подсланные австро-венгерской администрацией воры похитили его портфель с шифрами⁶¹. Агент отмечал, что отношения Бакунина с местной администрацией год от года ухудшались. Единственным, кто нарушил закон, оказался сам консул, который привел полицейского на территорию дипломатического представительства без разрешения полицейского начальника и удерживал его в качестве заложника в течение трех дней. Поскольку дело, в котором фигурировали иностранные дипломаты, не могли решать местные власти, оно было отправлено на рассмотрение министра

⁶⁰ Проект депеши А.Б. Лобанова-Ростовского Н.П. Шишкину. № 960. Вена, 17 (29) июня 1893 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 384. *Consulats politiques*. 1893. Л. 50.

⁶¹ Проект депеши А.Б. Лобанова-Ростовского Н.П. Шишкину. № 1033. Вена, 1 (13) июля 1893 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 384. *Consulats politiques*. 1893. Л. 49; Письмо К.А. Губастова А.Б. Лобанову-Ростовскому. Вена, 27 июня 1893 г. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 1026. Л. 58–63.

финансов Каллая⁶². До открытого конфликта не дошло благодаря боснийской администрации, которая считала «не совершенно нормальным состояние духа» русского дипломата⁶³. При вмешательстве общеимперских министров иностранных дел и финансов Г. Кальноки, Б. Каллая, гражданского губернатора барона Х. Кучеры российскому посольству в Вене удалось прекратить инцидент без громкого скандала. Губастов заключил, что М.М. Бакунин не подходит для должности консула в Сараеве⁶⁴, — его перевели в Батавию (совр. Джакарта).

Роль российских дипломатов в назначении и отставке митрополита Саввы Косановича

Косени 1883 г. обострились отношения сараевского митрополита и австро-венгерских властей: с одной стороны, стало понятно, что Савва Косанович действует независимо от их воли, а с другой — будучи человеком с неоднозначной репутацией, он стал, возможно, тяготиться ответственностью за православных жителей Боснии. Российский МИД был осведомлен о «его слабом характере и его пристрастии к выпивке», хотя австро-венгерская полиция считала митрополита «опасным возмутителем спокойствия, которому платит Россия». Посольство в Вене было в курсе того, что Косановича «обманывают люди, которые не заслуживают никакого доверия». «Есть среди прочих некий архимандрит Никодим

⁶² Письмо генерального консула в Вене К.А. Губастова послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Вена, 27 июня 1893 г. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 1026. Переписка и материалы по текущим вопросам. Л. 62–62об.

⁶³ Проект депеши посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского Н.П. Шишкину. № 1033. Вена, 1 (13) июля 1893 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 384. *Consulats politiques*. 1893. Л. 49.

⁶⁴ Проект депеши посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского Н.П. Шишкину. № 960. Вена, 17 (29) июня 1893 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 384. *Consulats politiques*. 1893. Л. 50–50об.

Милаш, бывший ученик нашей Киевской духовной академии, ныне глава православной семинарии в Заре, который время от времени появляется у архиепископа, должность которого он страстно желает унаследовать. Из-за своего честолюбия он потакает Савве и в то же самое время доносит на него австрийским властям», — докладывал Лобанов-Ростовский⁶⁵.

Послы в Константинополе и Вене, А.И. Нелидов и А.Б. Лобанов-Ростовский, были едины во мнении, что Косанович стал «преимущественно жертвой местных мелких интриг и своей собственной оплошности»; правда, Нелидов был уверен, что интриги были результатом действий австро-венгерской администрации⁶⁶. В итоге встал вопрос об отставке Косановича. Митрополит в октябре 1883 г. поинтересовался у российского консула, сможет ли он найти «ласковый прием в России и убежище в русском монастыре». Бакунин посоветовал митрополиту не уходить по собственному желанию, а только по требованию и императора, и патриарха. Савва обратился за поддержкой к Вселенскому патриарху и получил ее. Через консула митрополит попросил совета и у российского Св. Синода⁶⁷.

В апреле 1884 г. посол в Вене докладывал, что гражданский управляющий Боснии и Герцеговины Феодор (Теодор) фон Николич привез заявление об отставке митрополита Саввы Косановича и что документ уже находится у императора-короля. По мнению дипломата, венский кабинет только ждал удобного случая, чтобы избавиться от популярного иерарха, а потом подчинить сараевскую

⁶⁵ Конфиденциальное письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского А.Е. Влангали. Вена, 27 января (8 февраля) 1885 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 759/764. 826. Донесения Лобанов-Ростовского из Вены. 30 сентября (12 октября) 1882 – 29 января (6 февраля) 1889 г. Л. 127.

⁶⁶ Копия депеши посла в Константинополе А.И. Нелидова. Буюкдере, 8 августа 1885 г. № 174. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 512/2. Д. 273. Constantinople. 1885. Л. 187–187об.

⁶⁷ Расшифрованное донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина. Сараево, 24 октября (5 ноября) 1883 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/4. Д. 786. Consulats. 1883. Л. 54–54об.

митрополию Карловицкой патриархии⁶⁸. Поскольку в 1884 г. ушел со своего поста поддерживаемый Россией патриарх Иоаким III и были назначены выборы⁶⁹, отставка сараевского митрополита обсуждалась больше года. Новый патриарх Иоаким IV несколько раз обращался за советом к русскому послу А.И. Нелидову, как ему следует поступать с Косановичем⁷⁰. Летом 1885 г. боснийский митрополит заявил, что останется лишь с условием, что венское правительство гарантирует «автономию впредь церкви, духовенства, сербской школы и прекращение пропаганды». Посол в Вене Лобанов-Ростовский писал: общеимперский министр финансов Б. Каллай не пойдет на такой шаг, что понимал и сам митрополит⁷¹. В августе 1885 г. митрополит снова попросил об отставке. Косанович объяснял патриарху, что ввиду явной поддержки католичества со стороны властей и нападок прессы на него «он вынужден отказаться от своего звания и просить патриарха уведомить о том императора, а равно и выхлопотать ему пенсию». Глава Константинопольской церкви попросил не настаивать на отставке как раз из-за необходимости защищать православие в Боснии и Герцеговине. Получив такую реакцию, Косанович обратился к императору, изъявив желание уволиться и пожаловавшись, что Иоаким IV не разрешает ему уйти. Австро-венгерский посол в Константинополе Генрих фон Каличе напомнил патриарху, что право выбирать боснийских митрополитов принадлежит императору-королю. Патриарх ответил, что письмо сараевского митрополита

⁶⁸ Копия депеши посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского. 20 апреля (2 мая) 1884 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 262. Expeditions. 1884. Л. 110.

⁶⁹ Герд Л.А. Константинополь и Петербург. Церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М.: Индрик, 2006. С. 55–64.

⁷⁰ Копия депеши посла в Константинополе А.И. Нелидова. Буюкдере, 8 августа 1885 г. № 174. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 512/2. Д. 273. Constantinople. 1885. Л. 184–187.

⁷¹ Черновик письма посла в Вене А.Б. Лобанова министру Н.К. Гирсу. Зундин до границы, 27 июня (9 июля) 1885 г. № 40. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 275. Expeditions. 1885. Л. 188об.

он не считает окончательным заявлением об отставке, а только выражением намерения. Иоаким попросил российское правительство поднять вопрос о судьбе сараевского митрополита на встрече императоров в Кремзире (Кромержиже). Нелидов сказал, что Петербург не может вмешиваться в это дело и что официальные каналы для дискуссии по боснийской церкви закрыты. Но дипломат порекомендовал «частным образом внушить» Косановичу написать Францу Иосифу и Вселенскому патриарху и сообщить, что он остается во главе своей паствы, а также напомнить императору об обещании покровительствовать православию⁷². Такое внушение не понадобилось: черногорское правительство предложило Савве Косановичу место настоятеля монастыря Острог с титулом митрополита и жалованьем четыре тыс. гульденов в год, на что тот согласился⁷³. Обстоятельства переговоров Косановича и князя Николы нам неизвестны, но представляется, что митрополит заранее прозондировал почву, как было в 1883 г. с российским правительством. В итоге план провалился — Косановича власти выслали из провинции с условием выплачивать ежегодно три тыс. гульденов. После его поездки в Константинополь, на Святую землю и Афон местом жительства была определена Вена, откуда Косанович уехал в Черногорию⁷⁴.

В первой половине 1880-х гг., когда только вырабатывалась система австро-венгерского управления, местные жители относились к российскому консулу с осторожностью и опасением. Затем местные жители перестали избегать его и даже выказывали заинтересованность в посещении их городов русским дипломатом. Боснийцы считали,

⁷² Копия депеши посла в Константинополе А.И. Нелидова. Буюкдере, 8 августа 1885 г. № 174. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 512/2. Д. 273. Constantinople. 1885. Л. 184-187.

⁷³ Копия секретной телеграммы посла в Вене А.Б. Лобанова. Вена, 7 августа 1885 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 275. Expeditions. 1885. Л. 78.

⁷⁴ Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. С. 88.

что он «имеет право наблюдать за действиями австрийских властей и доносить о притеснениях, которые терпит народ»⁷⁵. С консулом открыто и официально представители православной общины могли встречаться только в первый день Нового года. В конце 1886 г. М.М. Бакунин узнал, что 1 января, чтобы поздравить с новым годом и выразить уважение, к нему собирается большая группа, включая мусульман, которые до этого не ходили к нему на прием. Узнав об этом, консул стал отговаривать их и ответил сараевцам, что такая акция «лишняя, неудобна и опасна»: «Лишняя, потому что мне не надо никаких громких манифестаций, чтобы быть уверенным в симпатиях и преданности России боснийских сербов, — неудобная, потому что совершенно бесполезным образом скомпрометирует, особенно в настоящее трудное время, сербов, устроивших манифестацию, и меня самого, принявшего и допустившего такое действие; наконец [...] манифестация для сербов опасна, так как я ни в каком случае не буду иметь возможности оказать скомпрометированным защиты и покровительства»⁷⁶. Неизвестно, чем закончилась эта история: судя по отсутствию других донесений и отчетов в боснийском правительстве, можно предположить, что сараевцы послушались совета консула.

В архиве МИДа сохранились документы, в которых выходцы из Боснии и Герцеговины писали прошения, уже будучи в Российской империи. В бюджете министерства была расписана специальная статья, по которой оно выдавало средства на помощь уроженцам славянских провинций, попавшим в трудные ситуации. В 1887 и 1889 гг. МИД выдал 25 руб. на лечение герцеговинца Андрея Шимановича, участника Герцеговинского восстания, добровольца, служившего у генерала Михаила Григорьевича Черняева, а затем участника

⁷⁵ Обзор донесений российского консула в Сараеве М.М. Бакунина. Сараево, 31 января – 26 февраля 1887 г. № 4–7. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 55об.

⁷⁶ Донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 15 декабря 1886 г. № 50. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 901. *Consulats*. 1886. Л. 115–116.

ополчения в Болгарии. Прошение Шиманович писал из богоугодного заведения в Риге, куда он попал после лечения ран, полученных во время русско-турецкой войны. После изложения своей истории бывший доброволец сообщал о планах поступить на гражданскую службу в Астрахани, где якобы проживал его сослуживец по ополчению⁷⁷.

В 1888 г. к агенту МИДа в Одессе обратились за пособием герцеговинец Петр Хаджи-Кочевич и бывший сербский офицер, некий Кишель-Богуславлевич. Попасть в Россию помог посланник в Афинах Евгений Карлович Бюцов. Одесский чиновник выдал первому 65 руб., а второму — только семь руб.: серб показался ему неблагонадежным человеком. По уверению Хаджи-Кочевича, он служил чиновником и активно агитировал против австро-венгерского режима, но не уточнял, что именно делал, отмечал лишь, что власти уволили его, конфисковали имущество и выслали из Боснии и Герцеговины. Свое обращение он аргументировал следующим образом: «Все мои прежние действия сосредоточивались [...] на великую идею должного освобождения балканских славян посредством единственной могущественной поддержки великой нам матушки-России». Обосновавшись в Петербурге, через пять лет он снова написал прошение в Азиатский департамент. Тогда он попросил помочь его брату переселиться в Россию и профинансировать учебу в семинарии. Брату МИД не помог, а самому Хаджи-Кочевичу снова дал 65 руб. Когда осенью того же, 1893 года он обратился еще раз за деньгами, ссылаясь на заключение брата в Боснии, ни министерство, ни Славянское благотворительное общество не отреагировали⁷⁸.

В 1889 г. в Св. Синод обратился боснийский уроженец Йован Йованович с просьбой помочь вернуться на родину. Синод в свою очередь перенаправил прошение в Азиатский

⁷⁷ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 4660. Андрей Шиманович, герц. уроженец. О выдаче ему пособия. 1887–1888.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 4698. Хаджи-Кочевич, Петр, герцеговинец; Кишель-Богуславлевич — сербский подданный. О выдаче им единовременных пособий. 1888–1893.

департамент МИДа, который из своего бюджета выделил 50 руб.⁷⁹

Консульство в Сараеве продолжало посредничество для оказания помощи православным. Как и в 1850-х – 1870-х гг. Славянский комитет отправлял пожертвования, в виде книг и образов, для православных церквей. Для консульства было проблемой доставлять эти предметы адресату. С 1890 г. австро-венгерское правительство само печатало церковные книги и снабжало церкви всем необходимым, областные власти могли и не принять подарков из России, писал консул⁸⁰, а развозить их тайно он считал некорректным⁸¹.

В 1892 г. российское правительство откликнулось на просьбу священника из села Блажуе С. Трифковича о денежном пособии на содержание православного храма и на ходатайство общины монастыря Банья о вспомоществовании в устройстве «сербской основной школы» и в поддержке местной церкви. Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев выделил средства на помощь боснийцам⁸². В следующем году, когда «Московские ведомости» предложили денежную помощь и отправку церковной утвари, в местной прессе был опубликован протест трех боснийских митрополитов⁸³.

Стака Скендерова, чья школа для девочек в Сараеве была открыта и содержалась на деньги российской императрицы Марии Александровны, но закрылась во время

⁷⁹ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 4718. Јован Јованович, босн. уроженец о выдаче ему единовременного пособия. 1889.

⁸⁰ Письмо российского консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 30 декабря 1886 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 47.

⁸¹ Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. С. 54–55.

⁸² Делеша из Азиатского департамента МИДа послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. № 799. Петербург, 20 февраля 1892. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 370. *Consulats politiques*. 1892. Л. 66–67об.

⁸³ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1108. *Consulats*. 1893. Л. 154.

Восточного кризиса⁸⁴, несколько раз просила петербургский кабинет помочь ей покрыть долги за школу. Поскольку у учительницы были плохие отношения с православной общиной и у нее не было никакого влияния на нее, МИД посчитал, что для помощи нет никакого основания⁸⁵.

В Герцеговине после двух восстаний — 1875–1878 и 1881–1882 гг. — возвращение к мирной жизни шло дольше, чем в других частях провинции. В 1885 г. российское правительство, по ходатайству министра-резидента в Цетинье Кимона Эммануиловича Аргиропуло, отправило Черногории 10 тыс. руб. для помощи герцеговинским беженцам, находившимся на ее территории⁸⁶.

Не только православные жители просили помочь финансово: консул зафиксировал случай, когда католик, издатель и ответственный редактор открывшейся в 1888 г. газеты *Il diritto croato* («Хорватское право»), бывший священник Антоний Якич, обратился к М. М. Бакунину за поддержкой⁸⁷.

В 1885 г. вице-консул в Рагузе В. Б. Пассек сообщал в своем донесении, что герцеговинцы из некогда беспокойных районов (Столаца, Невесинья, Любинья) обращаются к нему и к турецкому консулу за паспортами для выезда за границу — в Болгарию, Россию или Америку. Турецкий коллега Пассека выдал несколько разрешений, чем вызвал недо-

⁸⁴ См. подробнее о Стаке Скендеровой: Мельчакова К. В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.

⁸⁵ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 1. Стака Скендерова, босн. уроженка, содержательница школы в Сараеве. Касательно ее прошения на Высочайшее Имя о вспомоществовании. Б. г.; Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 6719. Женское училище в Сараеве. 1887.

⁸⁶ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9149. 10 000 р. единовременного пособия черногорскому правительству для водворения герцеговинских выходцев. 1885.

⁸⁷ Расшифрованное донесение консула в Сараеве М. М. Бакунина послу в Вене А. Б. Лобанову-Ростовскому. № 55. Сараево, 11 ноября 1888 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 315. Consulats politiques. 1888. Л. 2–3.

вольство австро-венгерской администрации⁸⁸. Сам Пассек поначалу как мог отговаривал от эмиграции. Он боялся того, что многие не выдержат дороги и австрийские власти возьмут в заложники семьи переселенцев, как уже было с теми, кто уехал в Черногорию⁸⁹. Через несколько дней после начала эмиграционного движения австрийские власти все же разрешили выезд, но без содержания и без права возвращения, а тем, кто хотел переселиться в другие провинции Габсбургской монархии, обеспечивали пособие. Тем не менее герцеговинцы предпочитали в качестве направления эмиграции Болгарию, в основном потому, что распространились слухи о выдаче там крестьянам «вдоволь земли, по пяти овец на человека и по две коровы на семью». Пассек жаловался, что просителей невозможно было убедить в беспочвенности слухов⁹⁰. Из одного только Невесинья решились переселиться 70 семей — всего, по подсчетам дипломата, из западной Герцеговины пытались получить паспорта около 500 семей, то есть 1200 человек. Опыт показывал, что многие из них из-за финансовых проблем оставались на полпути в Австро-Венгрии⁹¹.

Пассек называл причиной эмиграции герцеговинцев «безвыходную нищету, до которой они доведены австрийским правительством, или, правильнее, фискальными мерами местных властей»⁹². Несмотря на то что после восстания 1881–1882 гг. правительство отменило систему Омерапаши Латаса и вернулось к предписаниям Саферской нарредбе — платить треть урожая, оно продолжало действовать по букве закона и требовать точных и своевременных

⁸⁸ Копия донесения вице-консула в Рагузе В.Б. Пассека. Рагуза, 1 сентября 1885 г. № 93. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 270. *Alexandrie. Athenes. Consulats. 1885. Л. 477.*

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Донесение вице-консула в Рагузе В.Б. Пассека. 22 сентября 1885 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 844. *Consulats. 1885. Л. 161.*

⁹¹ Копия донесения вице-консула в Рагузе В.Б. Пассека. Рагуза, 1 сентября 1885 г. № 94. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 270. *Alexandrie. Athenes. Consulats. 1885. Л. 479–480.*

⁹² Там же.

выплат, на что жаловались крестьяне российскому вице-консулу. Им было тяжело, учитывая, что регион после двух восстаний был разорен и обезлюдел⁹³. Возможным неблагоприятным последствием массовой эмиграции дипломат считал, что освободившиеся земли могут занять колонисты-католики, что привело бы к сокращению влияния православного черногорского князя на герцеговинские территории⁹⁴. Пассек отмечал, что если сохранится такая ситуация, то вполне может вспыхнуть новое восстание в Герцеговине: несмотря на то что у местных жителей отобрали оружие, многое успели спрятать⁹⁵.

Даже успешно переселившись в Болгарию, некоторые герцеговинцы стремились оттуда уехать в Россию. Директор Азиатского департамента Иван Алексеевич Зиновьев однозначно дал знать консулу в Рушуке Борису Платоновичу Шатохину, что ни в коем случае нельзя поощрять желающих выехать и что необходимо предупредить их: там им российское правительство не даст никакого денежного пособия⁹⁶.

Через три года, в 1888-м, боснийцы несколько раз обращались к дипломатам за содействием в переселении. Большая группа в Сараеве была намерена выехать небольшими партиями в 15–20 человек. Консул М.М. Бакунин надеялся, что это эмиграционное движение распространится на остальное население Боснии и Герцеговины, выявит ошибки австрийской администрации перед лицом великих держав и это послужит доказательством невыполнения

⁹³ Донесение вице-консула в Рагузе В.Б. Пассека. 22 сентября 1885 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 844. Consulats. 1885. 160об., 167об.

⁹⁴ Копия донесения вице-консула в Рагузе В.Б. Пассека. Рагуза, 1 сентября 1885 г. № 94. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 270. Alexandrie. Athenes. Consulats. 1885. Л. 481–481об.; Донесение вице-консула в Рагузе В.Б. Пассека. 22 сентября 1885 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 844. Consulats. 1885. Л. 161об.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Копия секретной телеграммы директора Азиатского департамента И.А. Зиновьева к консулу в Рушук Б.П. Шатохину. С.-Петербург. 19 октября 1885 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 270. Alexandrie. Athenes. Consulats. 1885. Л. 323.

австро-венгерскими властями возложенных ими на себя задач «и поколеблет их нравственный авторитет»⁹⁷. Министр иностранных дел Н.К. Гирс придерживался иной точки зрения. Он писал: «Помощь, которую мы были бы в состоянии оказать нескольким боснякам, нисколько не облегчит положение всего края и, следовательно, не будет иметь никакого значения»⁹⁸. Кроме того, министр указывал на недостаточность в самой Российской империи государственных средств и земель для массовых переселений, в отличие от Австро-Венгрии, где правительство было в состоянии найти новых жителей для опустошенных территорий в оккупированных областях⁹⁹. Поэтому шеф российской дипломатии рекомендовал консулу в Сараеве не только воздерживаться от поддержки желающих переселиться, но и отговаривать от эмиграции¹⁰⁰.

Получив отказ из Петербурга, две тысячи православных герцеговинцев (400 семей) обратились к оккупационной администрации за паспортами для переселения в Сербию. До тех пор они еще не выражали желания эмигрировать в соседнее королевство, но теперь жители жаловались на «невыносимый австрийский произвол»¹⁰¹. Одновременно из числа влиятельных православных и мусульман был образован тайный комитет по составлению жалобы на австро-венгерскую администрацию. Члены комитета планировали обратиться в Петербург, Стамбул или Цетинье¹⁰². Свои жалобы и просьбы иностранным государствам они сначала направили

⁹⁷ Секретная депеша министра иностранных дел Н.К. Гирса послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1888. Л. 103об.-104.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. Лл. 105об.-106.

¹⁰¹ Расшифрованное донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 4 (16 ноября) 1889 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. *Consulats politiques*. 1889. Л. 32.

¹⁰² Там же.

российскому консулу в Сараево¹⁰³. Получив отрицательный ответ от российского МИДа, жители настроились эмигрировать в Сербию нелегально¹⁰⁴. Оккупационное правительство опасалось, что «эмиграционное движение охватит всю Герцеговину и распространится на Боснию»¹⁰⁵. И действительно, жители трех округов в Боснии выразили решительное желание оставить свои дома. В ответ землевладельцы попытались удержать своих кметов обещаниями простить им долги¹⁰⁶.

Православные жители заявили российскому консулу в Сараево Бакунину, что своим переселением желали привлечь внимания петербургских политиков к проблемам сербского населения Боснии и Герцеговины, к притеснениям австро-венгерского управления¹⁰⁷. Им оказывала поддержку далматинская и русская пресса, сочувствуя «бедственному положению герцеговинцев»¹⁰⁸.

В том же 1888 году группа герцеговинцев выразила желание переселиться: христиане намеревались выехать в соседнюю Черногорию, а мусульмане — в Новипазарский санджак. Узнав об этом, австро-венгерское правительство категорически запретило им эмиграцию, что вызвало протест местного населения. В сараевское правительство

¹⁰³ Копия секретного донесения консула в Сараево М.М. Бакунина А.Б. Лобанову-Ростовскому. № 39. Сараево, 3 ноября 1889 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. *Consulats politiques*. 1889. Л. 34.

¹⁰⁴ Там же. Л. 34об.

¹⁰⁵ Расшифрованное донесение консула в Сараево М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. № 38. Сараево, 2 ноября 1889 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. *Consulats politiques*. 1889. Л. 33.

¹⁰⁶ Расшифрованная секретная телеграмма консула в Сараево М.М. Бакунина. Сараево, 6 / 17 ноября 1889 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. *Consulats politiques*. 1889. Л. 36.

¹⁰⁷ Расшифрованное донесение консула в Сараево М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. № 38. Сараево, 2 ноября 1889 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. *Consulats politiques*. 1889. Л. 33.

¹⁰⁸ Обзор донесения консула в Сараево М.М. Бакунина. № 45. Сараево, 10 декабря 1889 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 343. *Consulats politiques*. 1890. Л. 63.

поступили сведения, что в этом деле замешаны русские агенты. Агитаторов — сербов — арестовали по обвинению в «тайных сношениях» с русским вице-консулом в Рагузе В.Б. Пассеком¹⁰⁹.

Босния и Герцеговина в поле зрения русской общественности

В 1880-х гг. Босния снова обратила на себя внимание российской общественности. Масштаб интереса был намного меньше, чем во время Восточного кризиса 1875–1878 гг.

В середине 1880-х гг. славянофильские круги, видимо, захотели возродить свое влияние на Боснию и Герцеговину совместно с дипломатами, которое у них было в 1850-х – 1870-х гг. Поэтому они начали обсуждать положение консула в Сараеве М.М. Бакунина. По его собственным словам, в Москве и Петербурге распустили слухи, что он не защищает православных; газеты «Свет» и «Новое время» обвиняли русского дипломата в том, что он «вероотступник, не понимающий и не соблюдающий интересов России»¹¹⁰. «Говорили, что сараевский консул, как женатый на католичке, должен бы быть переведенным на другое место, что в Сараеве именно требуется русский православный центр, между тем русский консул, женатый на иностранке* более или менее и сам склоняется на сторону иностранцев, и это в Боснии!» — писал об услышанном сестра Бакунина своему брату¹¹¹.

¹⁰⁹ Расшифрованная телеграмма консула в Сараеве М.М. Бакунина. Сараево, 30 сентября (12 октября) 1888 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1888. Л. 109.

¹¹⁰ Там же. Л. 44об.

* Женой М.М. Бакунина была итальянка Элеонора Гради.

¹¹¹ Письмо консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 30 декабря 1886 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 44.

Об обстоятельствах этого скандала сам М.М. Бакунин писал послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Бакунин со своим шурином нанес визит архиепископу Йосипу Штадлеру, затем посетил митрополита Косановича. Как полагал Бакунин, именно через митрополита в России узнали, что русский консул со своим итальянским родственником ездил к главе боснийских католиков. Кроме того, дипломат считал, что боснийский православный иерарх относится к нему неприязненно. «Почему же он по совести не рассказал также и о визите ему, Савве, католика dell'Aquila? Не ему бы обвинять других — он, глава боснийской церкви не смел (подчеркнуто в документе. — Л.П.) со мною беседовать на вечере у Николича, не смел ходить ко мне и просил меня не посещать его!» — сое общал далее Бакунин¹¹².

«Я понимаю, что этим господам приятно было бы прочесть, напр[имер], в “Новом времени”, новогоднюю телеграмму в след[ующем] роде: На новый год русский консул в Сараеве принимал чрезвычайно многочисленную депутацию сербов и мусульман, явившихся принести ему поздравления. Посещение это имело демонстративный характер, были произнесены патриотические и зажигательные речи и пр.»¹¹³. Однако дипломат по-другому понимал свои задачи. Поскольку от министерства иностранных дел не поступало заданий создать «православный центр», сараевский консул предпочитал не компрометировать себя лично, российское правительство и православных жителей перед венским кабинетом своими чрезмерно близкими отношениями, «нелепой, шумной и никому не нужной демонстрацией»¹¹⁴.

Эпизод со спором консула и славянофилов показывает, что период тесного сотрудничества МИДа и русских общественных деятелей славянофильского толка закончился. Это было связано с новым этапом в истории внешней

¹¹² Письмо российского консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 30 декабря 1886 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. Consulats politiques. 1887. Л. 45об.

¹¹³ Там же. Л. 46-46об.

¹¹⁴ Там же. Л. 45об.-46об.

политики России: в 1881 г. на престол взошел Александр III, с 1882 г. министерство иностранных дел официально возглавил Н.К. Гирс, один самых влиятельных славянофилов Н.П. Игнатьев покинул пост посла в Константинополе, был закрыт Славянский благотворительный комитет в Москве, помогавший балканским народам. Тем не менее весьма активными были консервативные круги, лидерами которых были обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев и издатель М.Н. Катков¹¹⁵.

В 1883 г. российский министр Н.К. Гирс остерегал австро-венгерского коллегу Г. Кальноки: если даже у обоих кабинетов благие намерения, то пресса и общество могут давить на своих правителей. Гирс передавал Кальноки, что нельзя игнорировать подобные устремления, влияющие на оба государства, но приводящие к разным результатам. Речь шла о публицисте Гаврииле Сергеевиче Веселитском-Божидаровиче. Петербургский кабинет сообщал, что он не имеет отношения к деятельности Веселитского и что подозрения Вены о действиях официальной России на Балканском полуострове через таких «авантюристов» не имеет под собой никакого основания¹¹⁶.

Вопрос о взаимодействии прессы и правительств в рассматриваемый период весьма сложный, что видно и из биографии Веселитского-Божидаровича, который работал корреспондентом двух влиятельных ежедневных газет — «Новое время», выходящей в Санкт-Петербурге, и «Московские ведомости».

Гавриил Сергеевич Веселитский-Божидарович родился в 1838 г. В Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранилась биографическая справка, составленная, видимо, им самим. Его предки были князьями Божидаровичами из Герцеговины. Дед — генерал Гавриил Петрович

¹¹⁵ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: Росспэн, 2010.

¹¹⁶ Письмо министра Н.К. Гирса послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. 26 марта 1883 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 252. Vienne. Receptions. 1883. Л. 166–166об.

Веселитский — участвовал в Отечественной войне 1812 года. Гавриил Сергеевич писал, что сначала выбрал военную карьеру, потом поехал учиться в Гейдельбергский университет. После возвращения в Россию работал в министерстве иностранных дел помощником А.Г. Жомини, готовил для цесаревича дипломатическую историю России, затем три года путешествовал по Ближнему Востоку и стал писать для «Московских ведомостей»¹¹⁷.

Когда началось восстание в Герцеговине в 1875 г., Веселитский организовал в Париже международный комитет помощи беженцам. Председателем комитета был хорватский епископ Йосип Юрай Штроссмайер, соорганизатором — сербский митрополит Михаил Йованович. Посетив лагерь беженцев в Далмации и Черногории, Веселитский-Божидарович в январе 1876 г. выступил с пламенной речью в Санкт-Петербургском Славянском комитете об их бедственном положении. Весной того же года Веселитский якобы оказался в Боснии и Герцеговине с миссией от Петербурга и Вены, чтобы вести переговоры с повстанцами¹¹⁸. Есть также информация, что лидеры повстанцев выбрали его переговорщиком с Портой и великими державами¹¹⁹. В биографии написано, что Веселитский заключил с турецким послом в Вене соглашение, фактически давшее Боснии и Герцеговине автономию. Великий визирь Махмуд Недим-паша якобы известил русского посла в Константинополе Николая Павловича

¹¹⁷ Зобнин Ю.В. Вяч. Иванов. «Берлинские письма» (Вступительная статья, подготовка текстов и примечания Ю.В. Зобнина) // История и культура. 2012. № 9 (9). С. 287–410; Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома; РО ИРЛИ). Ф. 377. Оп. 7. Д. 819. Веселитский-Божидарович (псевд. — Аргус) Гавриил Сергеевич. 1894. Л. 3–4.

¹¹⁸ Jovanović J. Gavriilo Sergeevič Veselitski-Božidarović i Hercegovački ustanak 1875–1878 // Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine. XXVIII–XXX. 1977–1979.

¹¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 819. Веселитский-Божидарович (псевд. — Аргус) Гавриил Сергеевич. 1894. Л. 4. Это частично подтверждается в работе: Jovanović J. Gavriilo Sergeevič Veselitski-Božidarović i Hercegovački ustanak 1875–1878 // Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine. XXVIII–XXX. 1977–1979.

Игнатьева, что Порта принимает «требования Веселитского» (*les points Wesselitsky*)¹²⁰. В 1876 г., после начала сербско-черногорско-турецкой войны, Веселитский вступил в черногорскую армию, участвовал вместе с герцеговинцами в военных действиях. Затем поехал со специальной миссией от великого князя Николая Николаевича в Ливадию на аудиенцию к императору Александру II и цесаревичу. С объявлением русско-турецкой войны вступил в армию, но по болезни оставил военную службу. В 1875–1877 гг. работал корреспондентом «Голоса», в 1877–1878 гг. — венским корреспондентом газеты «Русский мир»¹²¹. На Берлинском конгрессе 30 июня 1878 г. Веселитский передал великим державам меморандум, в котором он доказывал, что Босния и Герцеговина не должны стать частью Габсбургской монархии, а остаться в Османской империи автономными областями¹²².

В 1880–1881 гг., согласно биографической справке, Веселитский был издателем за рубежом. В письме Алексею Сергеевичу Суворину он упоминал, что писал статьи для немецких газет¹²³. Принято считать, что Веселитский-Божидарович начал работать в 1882 г. корреспондентом газеты «Новое время» в Лондоне под псевдонимом «Аргус». (Аргус — в греческой мифологии многоглазый великан, который никогда не спит.) На самом деле первая корреспонденция из Вены, подписанная «Аргус», появилась в номере от 25 сентября 1883 г.¹²⁴

¹²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 819. Веселитский-Божидарович (псевд. — Аргус) Гавриил Сергеевич. 1894.

¹²¹ Там же. Л. 5.

¹²² Jovanović J. Gavriilo Sergeevič Veselitski-Božidarović i Hercegovnački ustanak 1875–1878. S. 147–166.

¹²³ Письмо Г.С. Веселитского-Божидаровича. Вена, 4 марта 1885 г. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Письма и телеграмма Веселитского-Божидаровича Гавриила Сергеевича А.С. Суворину. Л. 1.

¹²⁴ Под тем же псевдонимом материалы Г.С. Веселитского-Божидаровича помещались в газетах «Голос» (1886–1915), «Киевлянин» (1898), «Вечернее время» (1914–1917). См.: Зобнин Ю.В. Вяч. Иванов. «Берлинские письма». С. 345.

Чтобы познакомить читателей со славянским населением Австро-Венгрии и пропагандировать славянскую идею в России, журналист написал цикл материалов, основанных на поездках по дунайской монархии. Он назвал его «Славянские письма». Осенью 1885 г. Веселитский завершил его по требованию издателя А.С. Суворина, который прямо заявил ему, что материал скучный и нужно писать «хоть вздор, да о крупном»¹²⁵. С тех пор корреспонденция Аргуса переориентировалась на международную повестку — журналист стал писать о германской и британской внешней политике, об австро-германских отношениях, о делах на Балканах.

Такая трансформация обусловлена не только требованием Суворина, но еще и тем, что Веселитский в 1884 г. начал работать берлинским корреспондентом газеты «Московские ведомости». Свои материалы для нее он подписывал «Х.Х.»¹²⁶. Видимо, Веселитский скрывал, что работал одновременно для двух конкурирующих газет. В архиве Суворина сохранилось письмо, в котором корреспондент упоминает, что сотрудничает с научно-техническим изданием¹²⁷. Х.Х. писал статьи в «Московские ведомости» до февраля 1887 г. Веселитский старался скрывать и свою личность: переписка с издателем велась только через секретаря, не знавшего русского языка. Письма приходили на адрес «Сербского кафе» в Вене¹²⁸. В первое время, когда Веселитский выбирал псевдоним, он думал взять имя «Сергеевич», потому что, по его мнению, под этим может скрываться кто угодно:

¹²⁵ Письмо Г.С. Веселитского-Божидаровича А.С. Суворину. Вена, 16 (28) января 1886 г. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Письма и телеграмма Веселитского-Божидаровича Гавриила Сергеевича А.С. Суворину. Л. 14об.

¹²⁶ Зобнин Ю.В. Вяч. Иванов. «Берлинские письма». С. 287–410.

¹²⁷ Письмо Г.С. Веселитского-Божидаровича А.С. Суворину. Вена, 19 (25) сентября 1885 г. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Письма и телеграмма Веселитского-Божидаровича Гавриила Сергеевича А.С. Суворину. Л. 9об.

¹²⁸ Там же. Л. 3об.

серб, поляк, русский¹²⁹. Однако в Вене сам он не прятался, а открыто приезжал и жил в «Гранд-отеле»: в объявлениях о постояльцах гостиниц в официальной газете *Wiener Zeitung* появлялась информация о нем¹³⁰.

Веселитский-Божидарович использовал следующую практику: посылая корреспонденцию, он стремился создать впечатление, будто она отправлена из другого города. При этом он не подписывался псевдонимом Аргус. Находясь в Вене, Веселитский отправлял Суворину материалы, написанные как будто в Сараеве¹³¹. У российского посла в Вене Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского в 1885 г. была информация, что корреспондент «Нового времени» Аргус — Веселитский-Божидарович, проживая в Дрездене, писал сообщения, отправленные якобы из Загреба¹³².

Официальным властям Веселитский был известен не только в качестве журналиста. В австрийском Архиве императорского дома, двора и государства хранятся материалы наблюдения за ним¹³³. В этих делах, составленных Информационным бюро австро-венгерского министерства иностранных дел, он назван не только корреспондентом, но и политическим агентом и панславистским агитатором. Несколько дел посвящено многолетним связям журналиста

¹²⁹ Там же. Л. 3. Веселитский частично реализовал свою идею, используя псевдоним «С-ев» для корреспонденций из Берлина для «Московских ведомостей» после февраля 1887 г.

¹³⁰ *Wiener Zeitung*. 8. September. 1883. № 207; 26. September 1885. № 220; 19. Juni 1886. № 139.

¹³¹ Письмо Г.С. Веселитского-Божидаровича А.С. Суворину. Вена, 19 (25) сентября 1885 г. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Письма и телеграмма Веселитского-Божидаровича Гавриила Сергеевича А.С. Суворину. Л. 9об.

¹³² Конфиденциальное письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского А.Е. Влангали. 27 января (8 февраля) 1885 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 759/764. Л. 826. Донесения Лобанова-Ростовского из Вены. 30 сентября (12 октября) 1882 – 29 января (6 февраля) 1889 г. Л. 127–129.

¹³³ Österreichisches Staatsarchiv / Haus-, Hof-, Staatsarchiv MdÄ IB Akten 112; 379-2740; 273/274-251; 169-2777; 58-893; 183-2302; 228-1074; 195-169. К сожалению, нам пока не удалось ознакомиться с ними.

с боснийским беженцем в Вене и политическим деятелем Петаром Узелацем, которого Бенямин Каллай, будучи еще генеральным консулом в Белграде в 1868–1875 гг., называл «опасным агентом»¹³⁴.

Российское посольство в Вене было осведомлено, что Веселитский вместе с Узелацем организовал Боснийский революционный комитет и что на весну 1886 г. они готовили восстание. Средства революционный комитет якобы получал от Славянского благотворительного общества¹³⁵. Веселитский действительно поддерживал отношения со Славянским благотворительным обществом¹³⁶, но какие именно, пока не удалось установить. Узнав о готовящемся восстании и поездке Узелаца в Петербург для консультаций со Славянским благотворительным обществом, Лобанов-Ростовский предположил, что было бы лучше «использовать влияние России, чтобы обновить боснийское православное духовенство»¹³⁷.

У боснийской администрации были сведения, что в 1886–1887 гг. боснийцы, как православные под руководством Р. Бесаровича и В. Пелагича, так и мусульмане во главе с муфтием города Ташлиджды (Плевле в Новипазарском санджаке), пытались учредить тайное правительство Боснии и Герцеговины¹³⁸. Им, как полагали австро-венгерские власти, активно помогали Н.П. Игнатъев, Г.С. Веселитский-

¹³⁴ Калај Б. Дневник Бењамина Калаја / обрада и коментар А. Раденић. Београд: Историјски институт; Нови Сад: Институт за историју Војводине, 1976. С. 129–130.

¹³⁵ Конфиденциальное письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского А.Е. Влангали. 27 января (8 февраля) 1885 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 759/764. 826. Донесения Лобанов-Ростовского из Вены. 30 сентября (12 октября) 1882 – 29 января (6 февраля) 1889 г. Л. 127–129.

¹³⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 934. Оп. 2. Д. 303. Л. 1.

¹³⁷ Конфиденциальное письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского А.Е. Влангали. 27 января (8 февраля) 1885 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 759/764. Л. 826. Донесения Лобанова-Ростовского из Вены. 30 сентября (12 октября) 1882 – 29 января (6 февраля) 1889 г. Л. 129.

¹³⁸ АВН. ZMF. Präsidial ВН. 1887. 166, 170.

Божидарович, А.И. Нелидов¹³⁹. Однако затем след Веселитского-Божидаровича в боснийско-герцеговинских делах теряется¹⁴⁰.

Видимо, в 1880-х гг. была некоторая активизация тайных объединений для решения боснийского вопроса. Осенью 1887 г. у консула М.М. Бакунина появилась информация о том, что четы из Сербии готовы вторгнуться в Боснию, если получат одобрение из Петербурга. Дипломат считал вредным, что они пытаются использовать российское правительство для своих действий¹⁴¹. В 1888 г. Бакунину от информатора стало известно о существовании на территории Хорватии тайного комитета, который якобы выработал программу организации «Союз автономной Боснии», которую должны были создать, «когда Австрия от Боснии откажется, на что будто бы сама Австрия в свое время проявит свое согласие»¹⁴².

Австро-венгерский министр иностранных дел Г. Кальноки делился с российским послом в Вене А.Б. Лобановым-Ростовским информацией о подпольной деятельности на границах балканских земель, сведения же были

¹³⁹ АВН. ZMF. Präsidial BH. 1886. 687.

¹⁴⁰ Весной 1892 г. германские власти выслали Веселитского-Божидаровича из страны. После высылки он уехал в британскую столицу и в дальнейшем более 20 лет был лондонским корреспондентом «Нового времени». Его работа, отношения с издателем и политическими деятелями в 1908–1909 гг. затрагиваются в книге Е.Г. Костриковой (Кострикова Е.Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. 1907–1914. М.: ИРИ РАН, 1997). После Боснийского кризиса министр иностранных дел Австро-Венгрии Алоиз Эренталь для восстановления отношений с Россией прибег к посредничеству Веселитского-Божидаровича: в декабре 1909 г. министр беседовал с корреспондентом, попросив передать содержание разговора шефу российской внешней политики А.П. Извольскому. Интервью с Эренталем появилось в «Новом времени» 6 января 1910 г. После Первой мировой войны и революций 1917 г. Веселитский-Божидарович остался в Великобритании, где умер в 1930 г.

¹⁴¹ Расшифрованное донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина поверенному в делах Г.Л. Кантакузину. Сараево, 19 сентября 1887 г. № 37. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 930. Consulats. 1887. Л. 9.

¹⁴² Расшифрованная телеграмма консула в Сараеве М.М. Бакунина поверенному в делах Г.Л. Кантакузину. № 36. Сараево, 18 сентября 1888 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. Consulats politiques. 1888. Л. 110.

получены от черногорских властей. В мае 1888 г. он сообщал, что группа герцеговинских беженцев, находившихся на территории Черногории, тайно переправилась обратно в Герцеговину и с «бандой преступников», сбежавших из черногорской тюрьмы в Албанию, может стать причиной осложнений на Балканском полуострове. Кальноки предупреждал: если правительство князя Николы не арестует беженцев в случае их возвращения в Черногорию, то оно должно ответить за свое бездействие¹⁴³.

В марте 1890 г. сараевская полиция арестовала серба с австро-венгерским подданством. Он был пойман на почте при отправке писем в Петербург на подставные адреса русских купцов. Бакунин предположил, что корреспонденция была для Н.П. Игнатьева, А.И. Нелидова и М.А. Хитрово¹⁴⁴. Этот скандал был связан с задержанием одного из архимандритов, у которого в доме было найдено скрытое оружие и доказательство тайных отношений с Бухарестом¹⁴⁵. Возможно, арест был связан с приездом в Сараево из Румынии «русского агитатора» капитана Н. Новикова и «опасного агента» Небольсина, о которых боснийское правительство докладывало в Вену министру Каллаю¹⁴⁶.

Самоорганизация жителей Боснии и Герцеговины

Не только с помощью извне пытались сопротивляться новому режиму боснийцы, но и организовывались сами. В 1888 г.

¹⁴³ Расшифрованная телеграмма из Вены. 19 мая 1888 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 840. Секретная переписка с министерством иностранных дел и консульствами. 1888. Л. 147, 150

¹⁴⁴ Расшифрованная телеграмма консула в Сараево М.М. Бакунина поверенному в делах Г.Л. Кантакузину. Сараево, 14 марта 1890 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. *Consulats politiques*. 1889. Л. 67–67об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 68.

¹⁴⁶ АВН. ZMF. Präsidial ВН. 1888. 392.

Бакунин писал, что участились случаи дезертирства местных жителей, православных и мусульман, из австро-венгерской армии и жандармерии. Особенно беспокойной была ситуация на границе с Черногорией: 1888 г. имел место инцидент с дезертирами, бежавшими в Черногорию и организовавшими одну из чет. Однако даже во внутренних районах, например из частей в Баня-Луке, солдаты убегали в горы и скрывались там¹⁴⁷.

В июне 1888 г. кронпринц Рудольф в свой приезд на оккупированные территории посетил Баня-Луку, где состоялись демонстрации против правительства. Городские власти, применяя силу, разогнали демонстрантов, и начались масштабные аресты, так что тюрьмы были переполнены. Эти действия возбудили жалобы в областное правительство. Жители Баня-Луки, за информационной поддержкой обратились к австро-венгерским сербским газетам *Србобран* и *Застава*. Но сопротивление ни к чему не привело, хотя в город для урегулирования приезжали высшие гражданские чиновники, в том числе гражданский управляющий Х. Кучера. Суд над организаторами протестов был только в сентябре¹⁴⁸.

Основным методом борьбы за права все же был мирный, без насильственных действий — подача обращений к австро-венгерским властям, в том числе от мусульман¹⁴⁹. Как уже упоминалось, православное население (сербы) были главным объектом наблюдений российского консула. Иногда он писал и о мусульманской части боснийского общества. Благоустроявая город, сараевский совет организовал парк на мусульманском кладбище: надгробные

¹⁴⁷ Донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 25 мая 1888 г. № 23. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 956. Consulats. 1888. Л. 41–41об.

¹⁴⁸ Донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина поверенному в делах Г.Л. Кантакузину. Сараево, 17 сентября 1888 г. № 33. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 956. Consulats. 1888. Л. 31–33.

¹⁴⁹ О борьбе мусульманского населения за автономию см. подробнее: Šehić N. *Autonomni pokret Muslimana za vrijeme austrougarske uprave u Bosni i Hercegovini*. Sarajevo: Svjetlost, 1980.

памятники были опрокинуты, скрыты или засыпаны. В парке же, как было известно многим горожанам, вечерами гуляли солдаты и «непотребные женщины соседнего цыганского квартала». Мусульмане восприняли новый городской объект как оскорбление и планировали написать жалобу в местное правительство. Когда стало известно об их намерении, гражданская администрация под руководством Кучеры развернула кампанию в газете «Ватан» в защиту парка. В статьях ссылались на опыт Стамбула и обвиняли мусульман в невежестве и нетерпимости. Публикации возмутили еще больше, поэтому мусульмане встретились с генерал-губернатором Иоганном фон Апцелем и пожаловались на гражданскую администрацию. Однако, как передавал русский консул, военный управляющий не принял критику своих коллег и сказал представителям мусульман: «Я понимаю, что вы о подобных пустяках можете беседовать в ваших кафанах, за чубуком и чашкой кофе, но удивляюсь, что вы приходите досаждать мне столь нелепыми претензиями; вы здесь не на базаре и не в кафане, — с богом!»¹⁵⁰

Хотя православные и мусульмане начали сотрудничать в некоторых сферах¹⁵¹, отношения между этническо-религиозными группами оставались непростыми. Так, у российского консула имелись сведения о совместном мусульmano-православном выступлении против католического населения Герцеговины. В 1887 г. во время пасхальных празднеств в Мостаре произошло значительное столкновение между православными и католиками. Там католики под влиянием мостарско-дувновского епископа Пашкаля Буцоница (Буцонига) стали называть себя «хорватами». Это чрезвычайно не понравилось православным, которые, как сообщал

¹⁵⁰ Донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 29 мая 1886 г. № 19. Сараево, 15 декабря 1886 г. № 50. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 901. Consulats. 1886. Л. 117-118об.

¹⁵¹ Šehić N. Autonomni pokret Muslimana za vrijeme austrougarske uprave u Bosni i Hercegovini. Sarajevo: Svjetlost, 1980; Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. Сарајево: Веселин Маслеша, 1982.

Бакунин, заявляли, что «хорватов в Мостаре никогда не существовало, что Буцониг их придумал в видах политической пропаганды, что все герцеговинцы, какая бы ни была их религия, одинаково принадлежат к сербскому (подчеркнуто в документе. — Л.П.) племени»¹⁵². Тогда же и мостарским мусульманам показалась неприемлемой идея католиков называть себя «хорватами», что они даже составили письменный протест «против “хорватов” и “хорватизации” в Мостаре»¹⁵³. Сам консул также был склонен присоединяться к мнению герцеговинцев мусульманского и православного вероисповеданий.

В 1892 г. Бакунин стал свидетелем столкновений в Боснии между православными и мусульманами. В донесении консул писал, что во время пасхальных празднеств в Сараеве мусульманские жители нападали на православных. Узнав о конфликте, русский дипломат решил вмешаться. Во время крестного хода он вышел к своим единоверцам, окруженным толпой мусульман. Сербь, сообщил Бакунин, были весьма удивлены заранее подготовленными нападениями. Консул полагал, что причиной стали подстрекательства австро-венгерских властей, которые пользовались методом «разделяй и властвуй»¹⁵⁴. К первому столкновению полиция опоздала, во второй раз блюстители порядка оказались мусульманами, которые встали на сторону своих единоверцев. Боснийские власти во время подготовки третьего нападения оцепили колонны православных, не подпуская мусульман. Консул предполагал, что начиная с этих событий наступила «между сербами и турками эпоха раздоров и несогласий, которая восстановит их друг против друга»¹⁵⁵.

¹⁵² Донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобаеву-Ростовскому. № 14. Сараево, 18 апреля 1887 г. № 14. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 58–58об.

¹⁵³ Там же. Л. 58.

¹⁵⁴ Донесение российского консула в Сараеве М.М. Бакунина. № 15. Сараево, 15/27 апреля 1892 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 370. *Consulats politiques*. 1892. Л. 78–81.

¹⁵⁵ Там же.

Чтобы предотвратить конфликты внутри боснийского общества, общеимперский министр финансов Б. Каллай попытался создать альтернативу разделению хорватов, сербов и мусульман — предложил и реализовывал идею единой боснийской нации. Он обращался к традициям средневековой боснийской государственности, ратовал за создание единой боснийской идеологии и боснийского языка, что должно было ускорить инкорпорацию всей провинции в империю. Однако многие осуждали его идею. Французский посол в Белграде, например, считал, что Каллай торопится внедрить идею политической нации: «Каллай, возможно, идет слишком быстро и слишком далеко в своей мысли ассимиляции»¹⁵⁶. Российские дипломаты не обсуждали боснийскую нацию — они сосредоточивались на религиозной составляющей формирования национальной идентичности.

Боснийский вопрос в русско-австрийских договорах

Статус оккупированных провинций как часть восточного вопроса был предметом дискуссий нескольких дворов. В 1879 и 1884 гг. Вена пыталась распространить действие австро-черногорского соглашения о взаимной выдаче преступников от 1869 г. на боснийско-герцеговинское население. Таким образом Австро-Венгрия добилась бы косвенного признания оккупированных провинций своими территориями. В обмен на уступку со стороны черногорского князя венский кабинет предложил территориальный прирост за счет приграничной Герцеговины. Князь Никола отказался, однако, уклоняясь от обвинений в пособничестве преступникам, он приказал арестовать всех преступников

¹⁵⁶ Bataković D. Les Serbes de Bosnie-Herzégovine face à l'annexion (1908–1914) // 1908, l'annexion de la Bosnie-Herzégovine, cent ans après / C. Horel (dir.). Bruxelles: Peter Lang, 2011. P. 181.

за незаконное нарушение границы и предать их суду по черногорским законам¹⁵⁷.

Боснийско-герцеговинский вопрос обсуждали в 1884 г. Россия, Австро-Венгрия и Германия, а затем — в 1887 г. — Россия и Германия¹⁵⁸.

На встрече в Берлине в 1883 г. с Отто фон Бисмарком министр иностранных дел Н.К. Гирс воспротивился его идее о разделении сфер влияния на Балканах между Россией и Австро-Венгрией. Российский дипломат отметил: «Формальное разграничение таких сфер довольно затруднительно, что, например, нам невозможно было бы предоставить Черногорию единственному влиянию Австрии — то же до некоторой степени должно сказать и про Сербию». Однако, подчеркнул министр, петербургский кабинет всегда готов учитывать «неоспоримые интересы» (*interets int contestables*) Габсбургской монархии на Балканах¹⁵⁹. В том же году, когда обсуждалась возможность личной встречи Александра III с Францем Иосифом, российская сторона предпочла выждать наиболее удобного случая, признавая, что их преждевременное свидание может привести как к полному миру в Европе, так и «к диаметрально противоположным результатам». Тем более подготовка встречи омрачилась арестом на российской территории австрийских офицеров с фальшивыми паспортами. Россия предупредила, что не будет закрывать глаза на такие инциденты¹⁶⁰.

¹⁵⁷ Депеша Колндера. Цетинье, 26 февраля (9 марта) 1884 г. № 18. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 267. Roumanie. Serbie. Monténegro. 1884. Л. 251–254 об.

¹⁵⁸ О переговорах см.: Хвостов В.М. История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время, 1871–1914. М.: Госполитиздат, 1963; Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М.: Наука, 1974; Rauscher W. Die fragile Großmacht: Die Donaumonarchie und die europäische Staatenwelt 1866–1914. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014.

¹⁵⁹ Выписка из письма министра Н.К. Гирса к управляющему министерством иностранных дел А.Е. Влангали. Монтрё, 7 (19) ноября 1883 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 252. Vienne. Receptions. 1883. Л. 54–54об.

¹⁶⁰ Письмо министра Н.К. Гирса послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. 25 июня 1883 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 252. Vienne. Receptions. 1883. Л. 135.

Петербург все же известил тогда Вену, что царь будет рад пригласить Франца Иосифа в Варшаву¹⁶¹, — позже встречу наметили на сентябрь 1884 г., местом встречи назначили Скерневице.

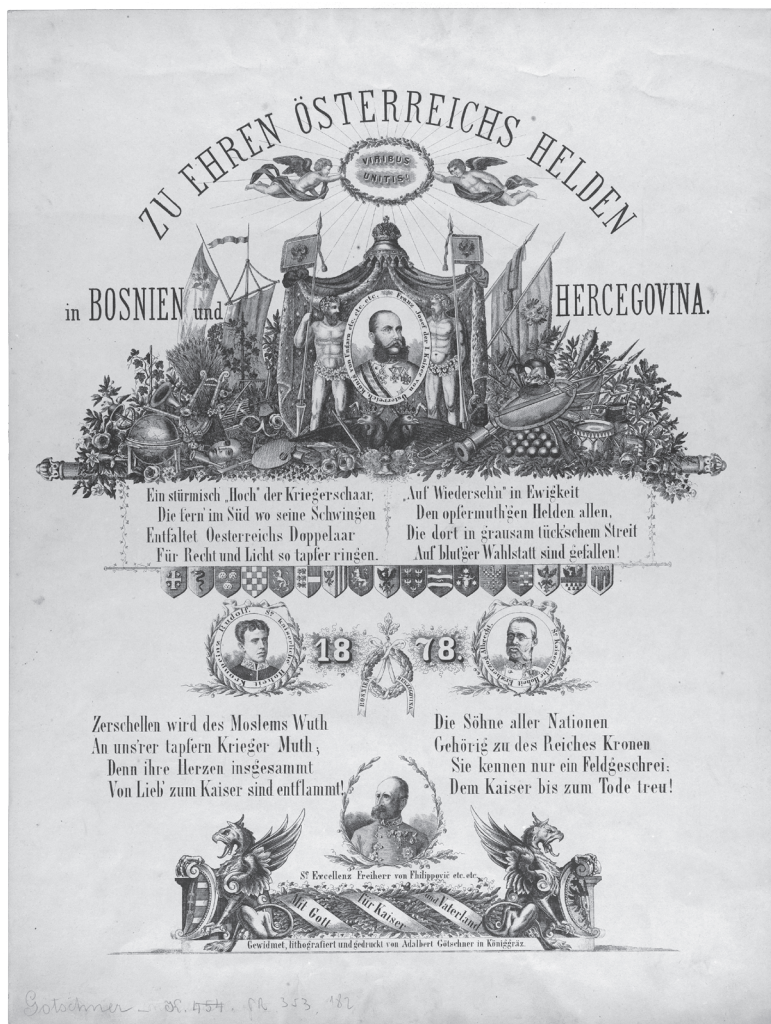
Осенью 1883 г. Кальноки в Делегациях выступил с речью о том, что в случае русско-австрийской войны Австро-Венгрия не будет одна. Гирс рассказал Бисмарку о впечатлении, которое произвела эта речь на российского императора: «Государь мой [...] не придавал большого значения словам Кальноки, неловко сказанным с очевидною целью понравиться венгерцам». Гирс добавил: «Не знаю, до какой степени справедливо его заявление [...] но мне кажется, что при существующем между нами секретном трактате трудно допустить, чтобы Германия стала с нами воевать безо всякой причины»¹⁶². Следует учитывать, что германский и российский министры беседовали о продлении Союза трех императоров, но после заключения Тройственного союза ситуация была двусмысленной. При этом германский канцлер также выразил понимание сложности положения, в которое попал общеимперский министр, отвечавший перед депутатами обеих частей монархии: «Бедный Кальноки [...] не имея привычки говорить в парламенте, зашел далее, чем хотел, и будет всеми силами стараться загладить свою ошибку». Бисмарк заверил коллегу, что Кальноки на самом деле искренне желает сближения с Россией и трудно было бы найти для нее «более благоприятного министра», с чем согласился Гирс¹⁶³.

Во время подготовки встречи в Скерневице Кальноки сказал послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому, что единственное, чего желает на Востоке Австро-Венгрия, — это сохранение статус-кво. Российский посол, в свою очередь, напомнил,

¹⁶¹ Весьма секретное письмо министра Н.К. Гирса послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. 25 июня 1883 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 252. Vienne. Receptions. 1883. Л. 132–132об.

¹⁶² Выписка из письма Н.К. Гирса к управляющему министерством иностранных дел А.Е. Влангали. Монтрё, 7 (19) ноября 1883 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 252. Vienne. Receptions. 1883. Л. 55об.

¹⁶³ Там же.

Илл. 1. Адальберт Гётшнер. Плакат в честь героев Австрии в Боснии и Герцеговине. Литография. 1878 г.
Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки

Илл. 2. Вид на Сараево с северо-востока. До 1896 г.
Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки

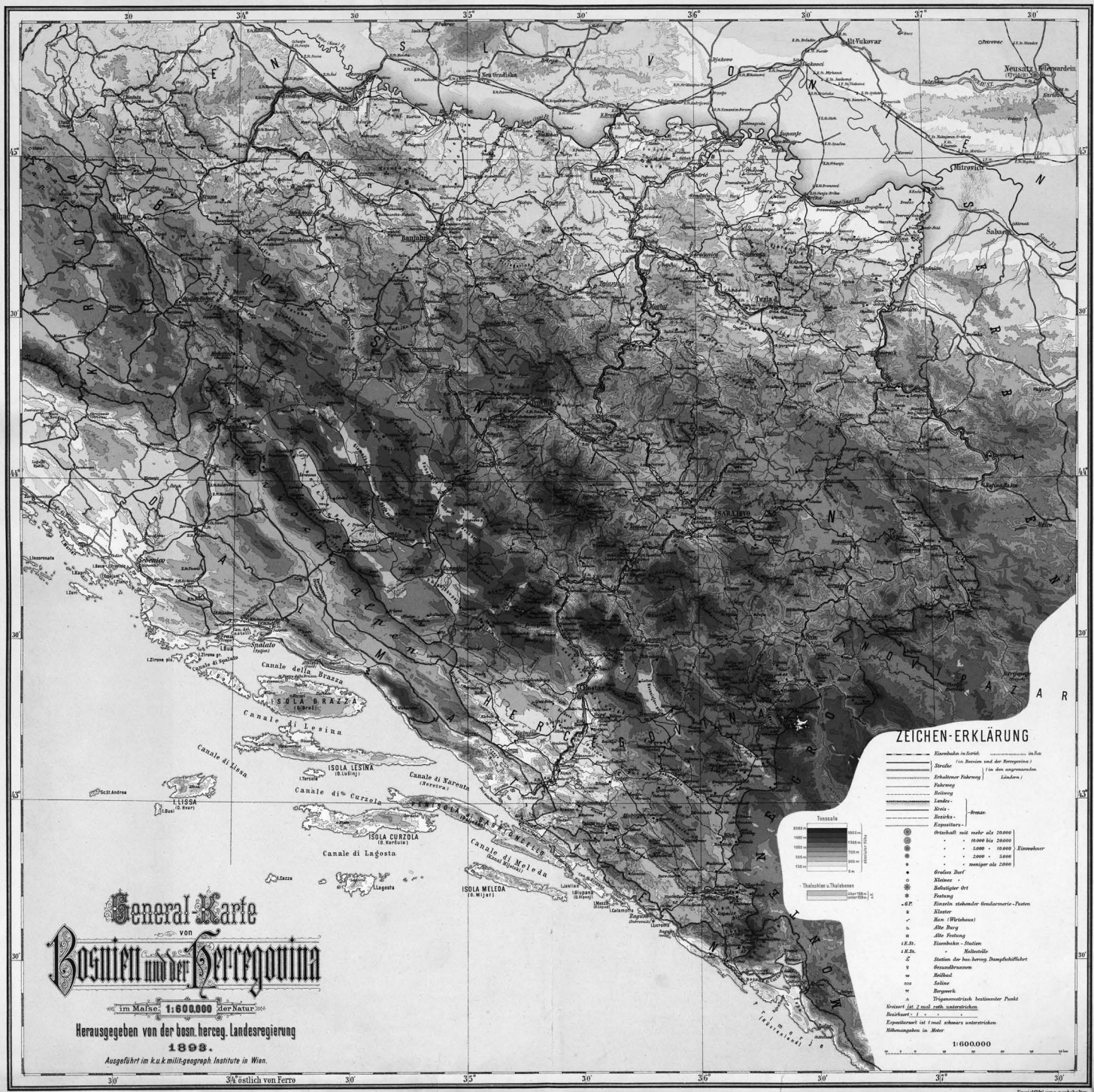
Илл. 3. Серпантинная дорога между Рогатицей и Горажде. Черно-белый диапозитив. 1900 г. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки

Илл. 4. Бенямин Каллай. Год неизвестен.
Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки

Илл. 5. Иштван Буриан. Год неизвестен.
Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки

Карта 1. Общая карта Боснии и Герцеговины. 1893. Собрание карт и Музей глобусов Австрийской национальной библиотеки

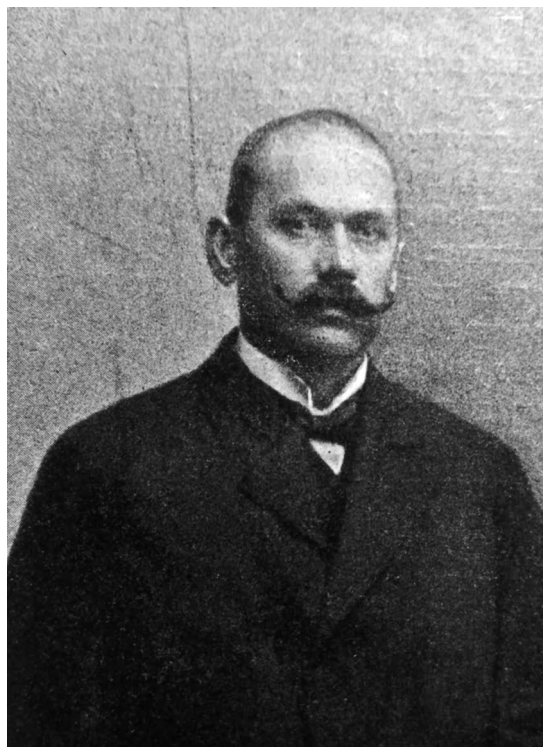
Veröffentlichung vorbehalten
K. III. 99720

Илл. 6. Глигорие Евтанович.
Иллюстрация из журнала
«Вардар» за 1909 г.

Илл. 8. П.А. Ровинский.
Год неизвестен

Илл. 7. Воислав Шола.
Иллюстрация из журнала
«Вардар» за 1909 г.

Илл. 9. А.Н. Харузин.
Иллюстрированный адрес-
календарь Бессарабской
губернии на 1913 г.

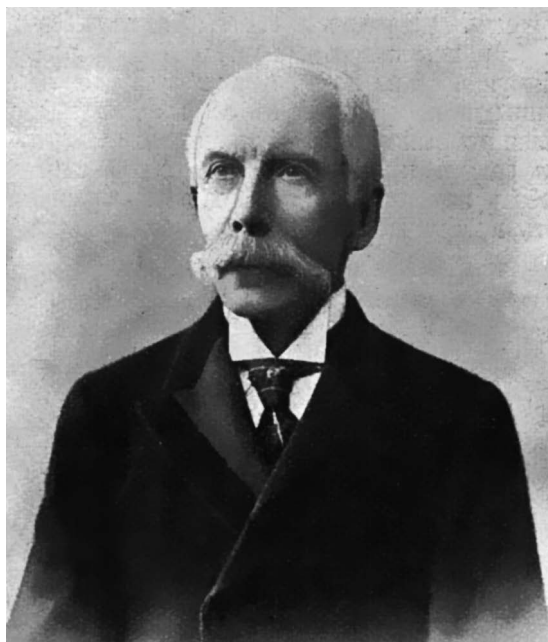
Илл. 10. А.Б. Лобанов-Ростовский. Год неизвестен.
Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки

Илл. 11. П.А. Капнист с семьей. 1901 г.
Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки

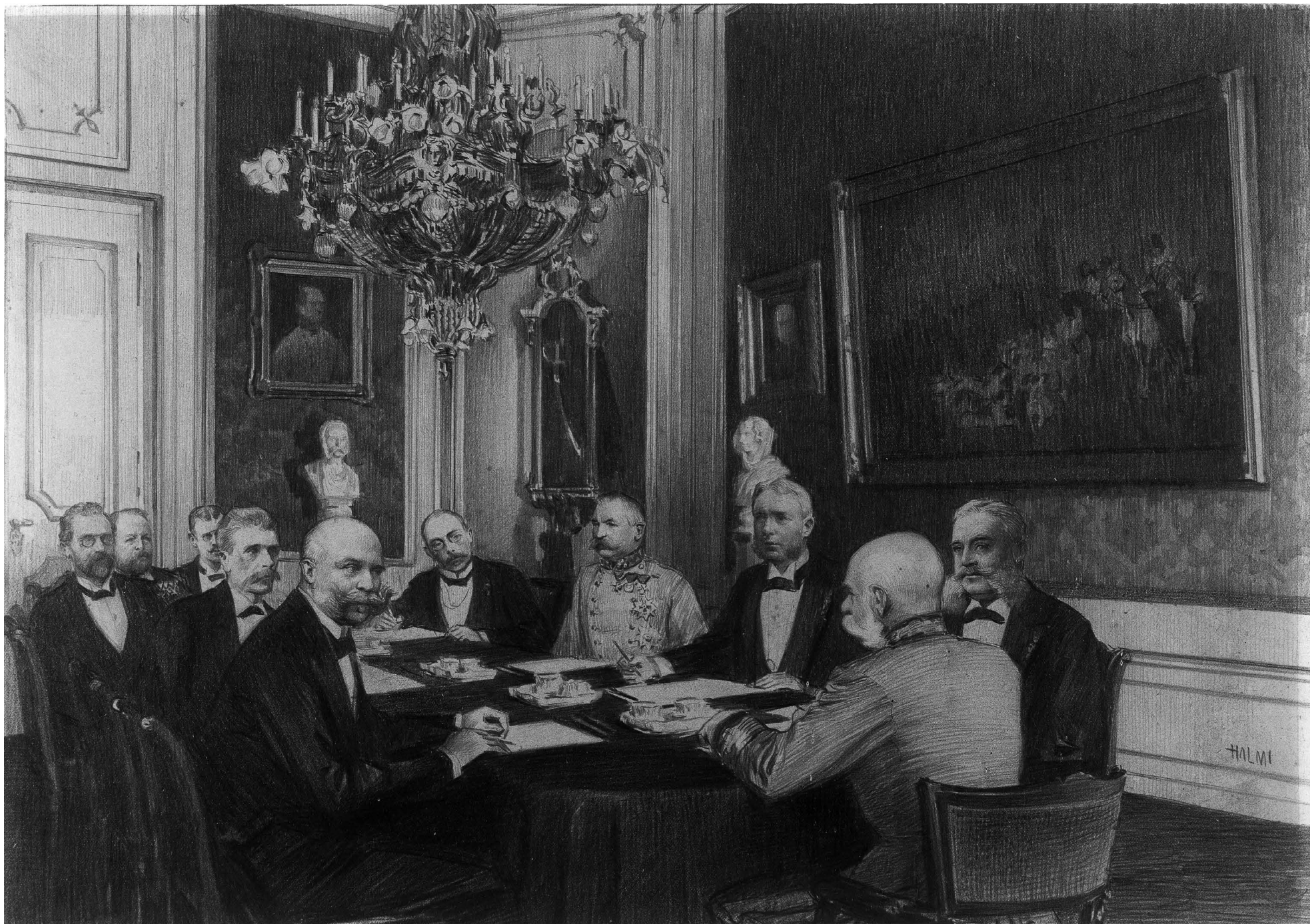
Илл. 12.
А.И. Нелидов.
Иллюстрация
из журнала
«Всемирная
история» за 1884 г.

Илл. 13.
И.А. Зиновьев.
Иллюстрация
из журнала «Нива»
за 1901 г.

Илл. 14. Иоаким III. Год неизвестен.
Библиотека Ламбетского дворца

Илл. 15. Артур Лайош Гальми. Заседание совета министров Габсбургской монархии под председательством Франца Иосифа I. Карандашный рисунок. 1898 г. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки

Kaiser Franz Josef I. in Sarajevo

Илл. 16. Мартин Фаше. Император Франц Иосиф в Сараеве.
Черно-белая фотография. 31 мая 1910 г.
Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки

Илл. 17. Почтовая открытка «Мост на Дрине». 1910 г.
Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки

Илл. 18. Сараево. Вид на ратушу (*Vijećnica*). Год неизвестен.
Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки

Илл. 19. Автор неизвестен. Фотография карикатуры на Франца Иосифа. 1908 г. На коленях императора-короля две девушки, олицетворяющие Боснию и Герцеговину. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки

что венский кабинет решил как можно дольше не объявлять аннексию Боснии и Герцеговины¹⁶⁴. Кальноки ответил, что Австро-Венгрия хочет оставить за собой свободу действий в провинциях, но все же подтвердил, что «она не помышляет в настоящий момент о присоединении и, если присоединение должно будет произойти, будет достигнута предварительная договоренность между тремя императорскими дворами»¹⁶⁵.

Встреча трех императоров вызвала в оккупированной провинции слухи о том, что провинции собираются окончательно присоединить к монархии. Посол в Вене попросил министра Гирса проверить, не являются ли турецкие власти источником этих толков: дипломатам было известно, что Порта воспринимала всякое сближение России и Австрии как очередной план по развалу Османской империи. Лобанов-Ростовский заверял, что у правительства Франца Иосифа нет никаких тайных мыслей на этот счет¹⁶⁶.

Слухи об аннексии появлялись в печати еще неоднократно. В 1886 г. в связи с аудиенцией боснийской депутации у монарха прошли слухи, что император-король собирается объявить о присоединении и поехать посмотреть новые территории. Посещения Боснии и Герцеговины и заявления о будущем провинции не последовало. Но депутация, как сообщал российский министр иностранных дел, готова была на приеме у Франца Иосифа выразить «радость и желание», «чтобы пределы империи были расширены включением в оные новых областей»¹⁶⁷. Черногорский

¹⁶⁴ Черновик конфиденциального письма посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского министру Н.К. Гирсу. 7 (19 февраля) 1884 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 262. Expeditions. 1884. Л. 82–83.

¹⁶⁵ Письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского. Вена, 18 (28) февраля 1884 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 759/764. 826. Донесения Лобанов-Ростовского из Вены. 30 сентября (12 октября) 1882 – 29 января (6 февраля) 1889 г. Л. 89.

¹⁶⁶ Черновик письма посла А.Б. Лобанова министру Н.К. Гирсу. 10 (22) ноября 1884 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 262. Expeditions. 1884. Л. 194–194об.

¹⁶⁷ Отчет МИД за 1884–1886 гг. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). С. 189.

князь Никола пытался выяснить у министра Г. Кальноки, насколько этот слух верный. Австро-венгерский шеф дипломатии не подтвердил информацию и, более того, сказал, что «венское правительство не замышляет присоединения», хотя у него есть основание объявить аннексию: «Принятая Россией мера об уничтожении Батумского порто-франко могла бы подать некоторый повод (*lui servir de léger motif*) к такому шагу»¹⁶⁸.

Из-за кризиса в Болгарии, а затем напряжения между Германией и Францией в начале 1887 г. боснийские власти спешно готовились к военным действиям. Австрийцы принимали меры по укреплению Сараева: строились новые дороги и крепости¹⁶⁹. Кроме того, устраивались госпитали, предполагалось установить орудия большого калибра вокруг главного боснийского города¹⁷⁰. 15-й корпус австро-венгерской армии военное начальство перебросило на восточные границы — с Россией, а часть войска — стянуло на южные рубежи — с Черногорией. Оккупированные территории должны были занять венгерские гонведы и австрийский ландвер¹⁷¹. Когда был отозван в Вену для консультаций генерал-губернатор И. Аппель, местное население, которое внимательно следило за международной ситуацией, заподозрило скорую русско-австрийскую войну¹⁷². Как сообщал консул, жители Боснии и Герцеговины мусульманского вероисповедания были заинтересованы в союзе России, Османской

¹⁶⁸ Донесение министра-резидента К.Э. Аргиропуло. Цетинье, 15 июля 1886 г. № 8. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 295. Roumanie. Serbie. Monténégro. 1886.

¹⁶⁹ Расшифрованное донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина. Сараево, 19 января 1887 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. Consulats politiques. 1887. Л. 53.

¹⁷⁰ Обзор донесений консула в Сараеве М.М. Бакунина. Сараево, 31 января – 26 февраля 1887 г. № 4–7. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. Consulats politiques. 1887. Л. 55.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

империи и Черногории против Габсбургской монархии. Именно в этом мусульмане видели залог своего освобождения от «швабского ига»¹⁷³. Надеясь на антиавстрийское соглашение Петербурга, Стамбула и Цетинье, мусульмане старались «дружиться с своими единоплемниками-христианами, говорящими с ними на одном и том же сербском языке»¹⁷⁴. Таким образом, дипломаты зафиксировали эпизод мусульмано-сербского сближения, возникшего из-за угрозы войны между Россией и Австро-Венгрией.

Восточный вопрос на высоком международном уровне рассматривался в 1887 г. После длительных консультаций и провала проекта русско-германского союза, 18 июня П.А. Шувалов и Бисмарк заключили договор перестраховки¹⁷⁵. Получив известие, что переговоры завершаются, Лобанов-Ростовский написал об их влиянии на русско-австрийские отношения: важно поддерживать в Вене мысль, что, заключив союз с Россией, Германия готова поступиться дружбой с Австро-Венгрией. По мнению посла, Петербург мог «нейтрализовать политику Австрии на Востоке только двумя способами: либо заключив союз с ней, либо держа ее в постоянном страхе последствий, которые мог бы для нее иметь конфликт с Россией». В основе такой мысли лежал страх самого российского МИДа перед австро-английским соглашением, потенциально дающим дунайской монархии свободу действий на Востоке¹⁷⁶.

¹⁷³ Там же. Л. 54.

¹⁷⁴ Там же. Л. 54.

¹⁷⁵ См. подробнее: Хвостов В.М. История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время, 1871–1914. М.: Госполитиздат, 1963.

¹⁷⁶ Секретное письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского министру Н.К. Гирсу. Вена, 28 апреля (10 мая) 1887 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 759/764. 826. Донесения Лобанов-Ростовского из Вены. 30 сентября (12 октября) 1882 – 29 января (6 февраля) 1889 г. Л. 191–191об.; письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского. Вена, 30 мая (11 июня) 1887 г. Там же. Л. 197.

К концу 1887 г. ухудшились отношения России и с Германией, и с Австро-Венгрией¹⁷⁷. В середине 1888 г. Лобанов докладывал Гирсу: «Не только Кальноки, но и такие люди, как Каллай, которые когда-то считали полной победой для Австрии договориться с Россией по делам Востока, теперь отказались от этой мысли». К ним присоединился и министр-президент Венгрии Кальман Тиса. По мнению Каллая и Тисы, основой русско-австрийского соглашения должно было стать разграничение зон влияния на Балканах, но раз этого невозможно достичь, значит, Австро-Венгрия считает весь полуостров сферой своего влияния¹⁷⁸.

Лобанов в 1892 г. оценивал русско-австрийские отношения на Балканах следующим образом: «Я убежден, что Австрия не откажется от политики, которую она проводит на Балканском полуострове, но будет старательно избегать всего, что может привести к вооруженному столкновению с Россией — само собой, только если Германия не подтолкнет ее занять вызывающую позицию в отношении нас»¹⁷⁹. В беседе с Лобановым австро-венгерский посол в Берлине Имре Сечени выразил квинтэссенцию отношения Вены к Петербургу в конце XIX – начале XX в. — «непреодолимое недоверие», которое внушил Францу Иосифу Андраши. По свидетельству Сечени, император-король повторял своему министру иностранных дел Кальноки вновь и вновь: «Русские нас обманули в Сан-Стефано, они нас снова обманут»¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Хвостов В.М. История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время, 1871-1914. С. 96-97.

¹⁷⁸ Письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского. Вена, 12 (24) мая 1888 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 759/764. 826. Донесения Лобанова-Ростовского из Вены. 30 сентября (12 октября) 1882 – 29 января (6 февраля) 1889 г. Л. 217об.

¹⁷⁹ Конфиденциальное письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского министру Н.К. Гирсу. Вена, 16 (28) января 1892 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 760/827. Донесения Лобанова-Ростовского из Вены. 2 (14) февраля 1889 г. – 10 февраля 1895 г. Л. 50об.

¹⁸⁰ Конфиденциальное письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского министру Н.К. Гирсу. Вена, 11 (23) октября 1890 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467.

В 1889 г., когда Бакунин с разведывательными целями ездил по Боснии, Герцеговине и Далмации¹⁸¹, кроме сведений о дислокации войск, он узнал отношение местных жителей к предполагаемой войне. После встречи в Загребе с хорватскими общественными и политическими деятелями Бакунин докладывал в министерство, что «хотя война с Россией непопулярна, но они (хорваты. — Л.П.) пламенно ее желают, так как только после поражения Австрии они могут рассчитывать на избавление от мадьярского ига и упрочение автономии Хорватии»¹⁸². Хорваты поддерживали Россию не из-за идеи славянского братства, единства и взаимности, а из вполне конкретных политических целей в условиях мадьяризации, которую активно проводил в это время К. Тиса. За счет русско-австрийского конфликта хорваты стремились решить собственные задачи.

Генеральный консул в Будапеште Александр Константинович Базили в донесениях сообщал о дискуссиях в венгерских делегациях, обществе, печати по поводу статуса оккупированных провинций, проблема которого была тесно связана со всей государственной системой дунайской монархии. Так, в венгерских делегациях обсуждался проход через Транслейтанию боснийско-герцеговинских войск на совместные маневры с австрийским ландвером. Венгерские депутаты выступали категорически против: они ссылались на конституционное право не допускать иностранные силы на свою территорию. Хорватские представители в парламенте в этой ситуации предпочли воздержаться¹⁸³. В конце кон-

Д. 760/827. Донесения Лобанова-Ростовского из Вены. 2 (14) февраля 1889 г. – 10 февраля 1895 г. Л. 33об.

¹⁸¹ Донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина. Фиуме, 28 февраля 1887 г. № 10. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 19.

¹⁸² Обзор донесений консула в Сараеве М.М. Бакунина. Сараево, 31 января – 26 февраля 1887 г. № 4–7. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 55об.

¹⁸³ Копия донесения консула в Будапеште А.К. Базили послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. № 50. Будапешт, 15 (27) июня 1890 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 343. *Consulats politiques*. 1890. Л. 163–165об.

цов центральные власти сумели склонить на свою сторону венгерские делегации. Боснийские войска получили такое же право, как и общеимперская армия: они могли находиться в Транслейтании и Цислейтании, тогда как ландверу запрещалось переходить в Венгрию, а гонведам — в Австрию¹⁸⁴. Это обсуждение открыло очередную дискуссию о будущем статусе Боснии и Герцеговины. Базили приводил мнения депутатов: «Рассуждать о том, было ли занятие этих областей в 1878 г. политической ошибкой или *un coup de maître* (гениальным ходом. — Л.П.) графа Андраши, теперь уже поздно: давность закрепила их за нами, остается лишь решить, какими средствами оградить наши интересы против полутора миллионов славянского населения, которое, несмотря на все даваемые нам уверения, мы не имеем повода считать добронадежным. Одно уже то, что эти две обширные области были поднесены императору Францу Иосифу при участии России и что в настоящее время все славянские народы как Австрии, так и Венгрии желают более тесного с ними сближения, ясно указывает на опасные стороны дела и должно служить нам предостережением»¹⁸⁵. Венгры стояли перед сложной задачей. Они не могли согласиться уступить Боснию и Герцеговину Цислейтании, но опасались увеличения числа славян в своей части двуединой монархии. Отдать эту область Сербии или Черногории было совершенно недопустимой мыслью, вариант возвращения Османской империи, равно как и самостоятельное развитие, не рассматривался.

В 1887 г. глава венгерского кабинета К. Тиса был уверен, что Австро-Венгрия получила поддержку у боснийско-герцеговинского населения, писал российский консул¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Копия донесения консула в Будапеште А.К. Базили послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. № 75. Будапешт, 18/30 декабря 1890 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 343. *Consulats politiques*. 1890. Л. 221–222.

¹⁸⁵ Копия донесения консула в Будапеште А.К. Базили послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. №50. Будапешт, 15/27 июня 1890 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 343. *Consulats politiques*. 1890. Л. 167об.-168об.

¹⁸⁶ Донесение консула в Будапеште А.К. Базили послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. № 39. Будапешт, 10 / 22 мая 1887. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 170–170об.

На нападки оппозиции глава венгерского кабинета отреагировал парламентской речью: оккупация полностью отвечает интересам всей дунайской монархии в целом и Венгрии в частности, хотя решение было принято против воли венгерского народа¹⁸⁷.

Боснийский контекст входит в равной степени как в русско-австрийскую систему взаимоотношений, так и в южнославянскую. Именно в Боснии пересекаются компоненты западноевропейской и балканской политики России. При короле Милане Обреновиче, в середине 1880-х гг., Белград запрашивал Вену об учреждении в Сараеве консульства Сербии. Поскольку правительство Милана придерживалось проавстрийской направленности, ему было отказано под предлогом незначительных экономических отношений и отсутствия сербских подданных на территории Боснии и Герцеговины. Однако новый кабинет радикалов был настроен более решительно и настоятельно требовал основания представительства в оккупированных областях. Оккупационные власти оказались в затруднительном положении: отказавшись, они могли оскорбить соседнее государство, но и согласиться не было возможности, так как слишком велик был риск помощи сербов королевства своим единоверцам и единоплеменникам в Боснии. По данным М.М. Бакунина, боснийское правительство решило проконсультироваться с общеимперскими министерствами финансов и иностранных дел об учреждении так называемого торгового консульства¹⁸⁸. Но сербский МИД долгое время не мог окончательно определиться с назначением консула в Сараеве, о чем сообщал посланник России в Белграде Александр Иванович Персиани¹⁸⁹.

Бакунин весьма ревностно отнесся к известию о сербском консульстве. Он не без основания боялся, что в случае

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Письмо консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене Лобанову-Ростовскому. Сараево, 7 мая 1889 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. *Consulats politiques*. 1889. Л. 20–20об.

¹⁸⁹ Там же. Л. 21.

учреждения представительства Сербского королевства Россия потеряет свое исключительное значение в регионе. По его мнению, Белград составит конкуренцию «защитнице-России», мысль о которой столько лет прививали боснийцам. Русский дипломат считал, что «назначение [...] сербского консула, хотя бы торгового агента, для нас нежелательно и невыгодно: представитель сербского правительства, серб родом, т.е. одного племени и происхождения с босняками, будет стоять к ним несравненно ближе, чем какой бы то ни было здесь русский представитель; он будет свой, родной человек во всех здешних сербских кружках, будет вхож во все сербские дома, словом, будет иметь случай и полную возможность, благодаря происхождению и воспитанию своему, иметь с ними тесное и частое общение, чего мне или вообще русскому достигнуть немыслимо» (все подчеркивания сделаны в документе. — Л.П.)¹⁹⁰.

Поддержка Сербией и Черногорией православных боснийцев и герцеговинцев в их борьбе против оккупационной администрации осложняла и без того запутанный религиозный вопрос. В противостоянии православных общин и оккупационной администрации активное участие принимали правительства соседних государств. С конца 1880-х гг. Сербия активизировала свою деятельность в Боснии и Герцеговине.

22 февраля 1889 г. в Сербии произошла смена главы государства: король Милан Обренович отрекся от престола в пользу своего несовершеннолетнего сына Александра. Для управления страной были назначены регенты: Йован Ристич, Йован Белимаркович и Коста Протич. Регенты, в свою очередь, призвали к власти лидеров партии радикалов, которая стала самой сильной партией в Сербии. Во внешнеполитической программе сербского правительства Босния и Герцеговина занимали особое место. Лидер радикальной партии Никола Пашич заявлял, что эти области «подпали под ярмо более тяжелое, чем было прежде. Место турка заняли немец и мадьяр, а вместо грубой силы пришла

¹⁹⁰ Там же. Л. 21–21об.

лукавая и бездушная швабская сила, которая пьет кровь народа»¹⁹¹. Ненависть Пашича к Вене и Будапешту была настолько сильной, что он упрекал австро-венгерских сербов в том, что они «мирятся с императорской властью и отрекаются от сербских идей»¹⁹².

С приходом к власти радикалов в печати Сербии развернулась критика политики австро-венгерских властей в оккупированных областях. Консул Бакунин сообщал, что сербские газеты публиковали письма с протестами и жалобами боснийцев. В частности, в прессе писали, что жители даже открыто угрожали бунтом и восстанием «по адресу своих “кровопийц”»¹⁹³.

Российский посол в Вене А.Б. Лобанов-Ростовский считал, что Австро-Венгрия неправильно оценивала ситуацию в южнославянских государствах: «Австрия, считавшая, что у нее в Сербии устойчивая и исключительная позиция, совсем недавно обнаружила, что ее влияние с удивительной легкостью улетучивается. Так что, по моему мнению, со стороны Австрии было бы хорошей политикой отказаться от иллюзий, а также от столь необоснованных опасений и открыто поддержать позицию России, позицию порядка и соблюдения договоров»¹⁹⁴. Российские дипломаты сделали вывод, что необходимо реально смотреть на развитие народов. В результате многолетних наблюдений и провала попыток определять извне судьбу освобождаемых народов в МИДе осознали, что те желали развиваться сами. Лобанов-Ростовский в разговоре с Сечени

¹⁹¹ Цит. по: Шемякин А.Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М.: Индрик, 1998. С. 361.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. № 47. Сараево, 23 декабря 1889 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. *Consulats politiques*. 1889. Л. 45–45об.

¹⁹⁴ Конфиденциальное письмо посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского министру Н.К. Гирсу. Вена, 11 (23) октября 1890 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 760/827. Донесения Лобанова-Ростовского из Вены. 2 (14) февраля 1889 г. – 10 февраля 1895 г. Л. 33об.–34.

отметил: «Мы не настолько неразумны, чтобы претендовать на безграничное влияние на Востоке. В этих краях партии любят в борьбе друг с другом говорить о покровительстве той или иной иностранной державы, но большая часть населения хочет прежде всего иметь возможность самостоятельно вести свои внутренние дела; мы с этим последовательно столкнулись со всеми народами, которым мы предоставили самостоятельность»¹⁹⁵.

Дипломаты рассматривали влияние русско-австрийских отношений с точки зрения не только внешнеполитических успехов, но и внутреннего развития. Лобанов отметил: «Россия [...] от этого (ухудшения русско-австрийских отношений. — Л.П.) не пострадает. Мы страна, которая еще не достигла своего полного развития и которая каждый раз прибавляет дополнительную экономическую и военную силу. Помнится, когда я изучал географию, нас учили, что Россия насчитывает 68 миллионов жителей; сегодня их более 100 миллионов, прирост населения составляет миллионы. Мы можем, следовательно, смотреть в будущее со спокойствием и безопасностью»¹⁹⁶.

Отношения Австро-Венгрии и России не замыкались лишь на урегулировании конфликтов на Балканах и обсуждении политических вопросов. Дипломаты следили за эпидемиологической ситуацией. Во время эпидемии холеры в венгерских землях, в 1886 г., российский консул М.М. Бакунин писал, что «благодаря отличным санитарным предосторожностям» боснийско-герцеговинских властей, в оккупированную провинцию не проникла инфекция. Однако из-за действий общеимперского военного министерства, командировавшего батальон с территорий, неблагополучных с точки зрения распространения эпидемии, в Боснии возникла тревожная ситуация. Это не понравилось ни местной администрации, ни жителям, и в печати началась кампания против

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же. Л. 34.

военного министерства¹⁹⁷. Эпизод можно рассматривать как пример не только ускоренной модернизации, но и того, что перед лицом эпидемиологической опасности локальное правительство и жители отдельной территории солидаризировались и выступили против центральных имперских властей.

Необходимо отметить, что развитие системы здравоохранения было одним из признаков модернизации края во время австро-венгерской оккупации. В 1894 г. по всей провинции было 80 врачей¹⁹⁸, не хватало многих специалистов, например окулиста¹⁹⁹. Однако в Сараеве действовала больница, оснащенная по последнему слову медицинской техники²⁰⁰.

Реформы в области здравоохранения в габсбургской Боснии могли серьезно повлиять на инфраструктуру российского МИДа. Австро-венгерский посол в Санкт-Петербурге Алоиз фон Эренталь в начале 1888 г. написал письмо в российское министерство иностранных дел и предложил услуги для русских подданных в новом сараевском госпитале. Посол спросил, готов ли петербургский кабинет платить за них²⁰¹. Документ вызвал длительную дискуссию в правительстве, и вопрос был расширен — рассматривались не только боснийские медицинские учреждения, но и все, которые

¹⁹⁷ Донесение консула в Сараеве М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 1 октября 1886 г. № 36. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 901. Consulats. 1886. Л. 123–123об.

¹⁹⁸ *Lis T.J. Polskie osadnictwo i duchowieństwo w Bośni i Hercegowinie od 1894 do 1920 roku.* Toruń; Nowa Ruda: Maria, 2014.

¹⁹⁹ Письмо М.М. Бакунина послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 16 июля 1893 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1108. Consulats. 1893. Л. 145.

²⁰⁰ О развитии медицины в Боснии и Герцеговине см.: *Mašić I. First hospitals in Bosnia and Herzegovina.* Sarajevo: Avicena, 2001.

²⁰¹ Письмо австро-венгерского посла А. Эренталя российскому министру иностранных дел Н.К. Гирсу. 28 (16) января 1885 г. АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 5150. Больница в Сараеве. По вопросу о возмещении иностранными больницами издержек по лечению русских подданных. 1885–1896. Л. 2–2об.

находились в Азии и на Балканах, то есть на подведомственной территории Азиатского департамента российского МИДа. Министр финансов Николай Христианович Бунге, посчитав, что случаи обращений русских подданных в госпитали за границей нечасты, резюмировал, что казна может принять на себя такие обязательства. Он оговорился, что вопрос должен быть урегулирован законодательно, как было раньше: согласно примечанию 2 к статье 368 тома X, части 1 Свода законов (1863 г.), государство финансировало только лечение душевнобольных. В свою очередь, министр внутренних дел Петр Николаевич Дурново, согласившись, ограничил сумму одной тысячью рублей²⁰². Когда циркуляр был готов к отправке всем подразделениям Азиатского департамента МИДа от Рагузы и Сараева до Тянь-Цзиня и Йокогамы, правительство отказалось от мысли оплачивать медицинские услуги вследствие переписки внутри самого министерства — между Азиатским департаментом и Департаментом внутренних сношений. Последний привел аргументы, почему нельзя расходовать деньги на лечение в зарубежных больницах: во-первых, в указанном законе об оплате лечения умалишенных есть комментарий, что большой компенсирует казне средства; во-вторых, руководствуясь этим принципом, департамент сэкономил государственной казне «не один десяток тысяч рублей, успешно отстраняя посягательства иностранных правительств на нашу казну»; в-третьих, согласно отношению министерства внутренних дел, российское государство может оплачивать лечение неимущих русских подданных за границей, только если есть договор, по которому иностранное государство готово оплачивать лечение своих подданных, а такого соглашения ни с одним государством не было; в-четвертых, оплату за лечение русских подданных требовала только Габсбургская монархия; в-пятых, русскими подданными, за которых она требовала

²⁰² Письмо министра внутренних дел П.Н. Дурново министру иностранных дел Н.К. Гирсу. 28 июня 1885 г. АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 5150. Больница в Сараеве. По вопросу о возмещении иностранными больницами издержек по лечению русских подданных. 1885–1896. Л. 1–2.

плату, были исключительно евреи; в-шестых, узнав о нововведении, другие государства также захотят, чтобы Россия платила за лечение²⁰³. В виде компромисса Департамент внутренних сношений предложил заключить договор с Австро-Венгрией о взаимном прекращении оплаты медицинских услуг для своих подданных, поскольку выяснилось, что российское государство все же вынуждено платить за лечение некоторых больных в Австро-Венгрии там²⁰⁴. В результате доводы Департамента внутренних сношений МИДа оказались более весомыми для министерства внутренних дел, из чьих средств предполагалось возмещать расходы. Поэтому правительство прекратило обсуждение вопроса.

Несмотря на негативный результат дискуссии, выяснилось, что практика оплаты лечения русских подданных за границей, если того требовало иностранное правительство, сохранилась. В 1895 г. австро-венгерский посол в Петербурге Франц Лихтенштейн обратился к временно управляющему МИДом Николаю Павловичу Шишкину с просьбой компенсировать лечение некоего Петра Егорова, уроженца Симбирской губернии. По сведениям дипломата, Егоров попал в сараевскую больницу, обещал оплатить свое пребывание там, вылечился, но уехал в неизвестном направлении. Через три месяца министерству внутренних дел пришлось переправить вексель на счет австро-венгерского посольства²⁰⁵.

²⁰³ Отношение Департамента внутренних сношений в Азиатский департамент. 4 февраля 1888 г. АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 5150. Больница в Сараеве. По вопросу о возмещении иностранными больницами издержек по лечению русских подданных. 1885–1896. Л. 20–22.

²⁰⁴ Отношение Департамента внутренних сношений в Азиатский департамент. 30 марта 1888 г. АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 5150. Больница в Сараеве. По вопросу о возмещении иностранными больницами издержек по лечению русских подданных. 1885–1896. Л. 23–23об.

²⁰⁵ Письмо австро-венгерского посла в Санкт-Петербурге Ф. Лихтенштейна Н.П. Шишкину. 16 (4) декабря 1895 г.; отношение министерства внутренних дел в Азиатский департамент МИДа. 18 марта 1896 г. АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 5150. Больница в Сараеве. По вопросу о возмещении иностранными больницами издержек по лечению русских подданных. 1885–1896. Л. 143–149.

Таким образом, модернизация оккупированных территорий, с одной стороны, могла повлиять на отдельно взятый вопрос социального страхования в России, с другой стороны, обращение австро-венгерского правительства, которое управляло Боснией и Герцеговиной, стало поводом к отказу российской стороны от сотрудничества в медицинской сфере с напоминанием о негативном отношении к евреям, хотя речь шла в основном о другой территории, а именно об азиатских странах. С третьей стороны, российское государство действительно не было готово нести большие расходы на лечение подданных.

Трансформация режима управления Боснией и Герцеговиной (середина 1890-х — начало 1900-х гг.)

В этой главе речь пойдет о том: какой в конце XIX – начале XX в. увидели австро-венгерскую политику этнографы, какую помощь оказала Россия сербской интеллигенции в достижении церковно-школьной автономии и как Петербург и Вена обсуждали будущее Боснии и Герцеговины.

Период с середины 1890-х гг. характеризуется новым этапом в истории австро-венгерской Боснии и Герцеговины. Чтобы показать и популяризировать предварительные итоги своего управления, власти стали приглашать в этот регион журналистов, ученых, путешественников. В 1893 г. была организована поездка группы журналистов из изданий *Times*, *Le Figaro*, *Le Temps* и др. По ее итогам была издана книга берлинского журналиста Генриха Реннера¹. Он уже был знаком с Боснией и Герцеговиной: в 1878 г. Реннер сопровождал оккупационный корпус Й. Филиповича в качестве военного репортера². В 1897 г. вышла книга «Уходящий турок»³, написанная знаменитым путешественником Гарри Томсоном, побывавшим в других турецких провинциях, Родезии, Индии, Китае.

¹ Renner H. *Durch Bosnien und die Herzegovina kreuz und quer*. Berlin: Dietrich Reimer (E. Vohsen), 1897.

² Capus G. *A Travers la Bosnie et l'Herzégovine*. Paris: Librairie Hachette, 1896. P. 56.

³ Thomson H.C. *The Outgoing Turk*. London: Heinemann, 1897.

В 1894 г. правительство организовало в Сараеве конгресс антропологов и археологов. В Боснии велись и полевые исследования. Их результатами, в частности, были работы двух специалистов по Средней Азии, французского этнографа Гийома Капу⁴, а также книга его российского коллеги Алексея Николаевича Харузина⁵. Каждый из них внес большой вклад в становление этнографии как науки.

В 1896 г. представители православных общин подняли вопрос о церковно-приходском уставе, то есть фактически о церковно-школьной автономии. Его решение путем переговоров растянулось почти на десять лет.

В 1895 г. Густава Кальноки на посту министра иностранных дел Австро-Венгерской империи сменил Агенор Голуховский; в том же году российским послом в Вене был назначен Петр Алексеевич Капнист. В 1897 г., после смерти А.Б. Лобанова-Ростовского, главой МИДа был назначен Михаил Николаевич Муравьев. Тогда же он заключил договор с Австро-Венгрией. В соглашении стороны закрепили приверженность сохранению статус-кво на Балканах, в том числе и статус оккупированных территорий.

Русско-австрийское соглашение 1897 г.

При назначении П.А. Капниста послом в Вене в 1895 г. в инструкции отмечалось: австро-германский союз привел к углублению австро-русского соперничества на Балканах, русское влияние на полуострове вытеснялось австро-венгерским, Петербург не приемлет никакого разграничения сфер влияния⁶.

⁴ Capus G. A Travers la Bosnie et l'Herzégovine. Paris: Librairie Hachette, 1896.

⁵ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина: Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. СПб.: Государственная типография, 1901.

⁶ Рыбаченок И.С. Коренные интересы России в представлениях ее государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX – начале XX века // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М.: Наука, 2007. С. 275.

Внешняя политика А. Голуховского продолжала линию Г. Кальноки, выступавшего за сохранение статус-кво. Она оставалась консервативной, несмотря на то что некоторые представители правящей элиты, такие как начальник Генерального штаба Фридрих фон Бек-Ржиковский, которого называли «вице-императором», послы в Константинополе Г. Каличе и в Петербурге — А. Эренталь, настаивали на более смелых шагах в виде нового территориального приобретения на Балканах в обмен на новые приращения Российской империи. По мнению Голуховского, Габсбургская монархия не должна была предпринимать никаких действий: единственное, что она могла себе позволить, — это Босния и Герцеговина. Активную внешнюю политику не позволяли вести в первую очередь внутренние проблемы: в период работы Голуховского монархия пережила два структурных кризиса — в 1897 и 1905 г.⁷

Поводом для заключения русско-австрийского соглашения в 1897 г. был ближневосточный кризис, который начался в 1894 г. и охватил Балканы и Малую Азию. Внутреннее состояние Турции было критическим. Порта отказывалась от проведения реформ, вытекавших из условий Берлинского трактата 1878 г. Население Македонии, Эпира, Крита, Албании потеряло всякую надежду на улучшение условий жизни. В 1890-е гг. первыми на борьбу за свои права выступили армяне, положение которых было особенно тяжелым. Вслед за армянами волна возмущения против султана охватила европейские провинции Турции: Крит и Македонию⁸. Перед подписанием русско-австрийского соглашения П. А. Капнист писал в министерство иностранных дел, что «боснийско-герцеговинский вопрос стоит в тесной связи с общим положением дел на Балканском полуострове»⁹.

⁷ См. подробнее, например: *Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны.* М.: Наука, 1972.

⁸ *Кияпина Н. С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. (1878–1898 гг.).* М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 128–135.

⁹ Депеша российского посла в Вене П. А. Капниста министру М. Н. Муравьеву. № 11. Вена, 5 (17) февраля 1897 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. *Vienne. Amb. Imp. I. R. 1897. L. 70.*

На русско-австрийские переговоры попыталась повлиять православная оппозиция Боснии и Герцеговины. Газета «Московские ведомости» в №31 от 31 января 1897 г. опубликовала меморандум депутатов от «сербско-православных общин»¹⁰. Этот документ стал осуществлением угрозы предать гласности проблемы в церковной организации. Представители общин оккупированных областей, обратившихся к Францу Иосифу, предупредили об этом местную администрацию перед своим отъездом с ходатайством в Вену¹¹. Они просили отменить правительственные распоряжения касательно нового церковно-общинного устройства. Как и прогнозировал российский посол в Вене П. А. Капнист, ни одно требование не было удовлетворено императором-королем¹².

В связи со статьей о церковно-общинной организации в оккупированных землях в газете «Московские ведомости» российский посол в Вене П. А. Капнист указал на нежелательность публикаций, направленных против дунайской монархии. Такого рода выступления противоречили русской политике поддержания мира, «укрощения и успокоения, по крайней мере до времени» «завоевательных замыслов» балканских государств¹³. На фоне подготовки встречи 1897 г. и нормализации двусторонних отношений не было нужды провоцировать антиавстрийские выступления по спорному церковному вопросу.

В рамках подготовки договора российские дипломаты провели переговоры с венгерскими государственными деятелями с целью узнать их мнение. Венгерское общество разделилось на две части. Первая поддерживала идею единой Австро-Венгрии (к ней относились министр финансов Бенямин Каллай и бан Хорватии Карой Куэн-Хедервари).

¹⁰ Московские ведомости. 1897. 31 января. № 31.

¹¹ Дешета российского посла в Вене П. А. Капниста министру М. Н. Муравьеву. № 11. Вена, 5 (17) февраля 1897 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I.R. 1897. Л. 67об.-69.

¹² Там же. Л. 79об.-81об.

¹³ Там же. Л. 69об.-70.

Другие выступали за самостоятельное, пусть даже маленькое, венгерское государство. Мысли последних разделял председатель венгерской палаты депутатов Дежё Силади¹⁴. Согласно депеше Капниста, Каллай и Куэн-Хедервари предполагали, что в перспективе Габсбургская монархия превратится в «славянское государство, служащее центром притяжения для южных славян»¹⁵. И Каллай, и Силади высказались за сближение Будапешта и Петербурга. Граф Силади считал, что России следует признать за Венгрией ее славянские области. Каллай в разговоре с Капнистом сказал, что любое решение восточного вопроса должно базироваться на русско-австрийском договоре. В отчете о беседе с министром российский посол писал: «Такое основное соглашение, по его (Каллая. — Л.П.) мнению, служило бы ядром, к которому по необходимости должны бы примкнуть все континентальные державы»¹⁶.

В июне 1897 г. в российскую столицу прибыл Франц Иосиф. В ходе подготовки его встречи с Николаем II австро-венгерский МИД стремился вывести из обсуждения вопрос о Боснии и Герцеговине, как и проблеме проливов, поскольку дипломаты считали, что оба вопроса были предметом общеевропейского обсуждения. Об этом П.А. Капнист писал министру М.Н. Муравьеву: «Венский кабинет считает вопрос о проливах и статус Константинополя важнейшим европейским. А в наших глазах вопрос о Боснии и Герцеговине такой же европейский»¹⁷. Российской дипломатии удалось оставить вопрос об оккупированных территориях на повестке.

¹⁴ Депеша российского посла в Вене П.А. Капниста министру М.Н. Муравьеву. № 14. Вена, 12/24 февраля 1897 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I.R. 1897. Л. 87–89.

¹⁵ Там же. Л. 88об.

¹⁶ Там же. Л. 90.

¹⁷ Проект весьма секретного письма министра М.Н. Муравьева послу в Вене П.А. Капнисту. Царское Село, 13 мая 1897 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 156. Обмен письмами между Муравьевым и Лихтенштейном о сохранении статус-кво на Балканском полуострове и переписка министра иностранных дел с послом в Вене П.А. Капнистом по этому же вопросу. 22 января (3 февраля) – 4 июня 1897 г. Л. 69об.

Русско-австрийское соглашение получило форму обмена письмами между министрами иностранных дел России М.Н. Муравьевым и Австро-Венгрии А. Голуховским, а также австрийским послом в России Ф. Лихтенштейном. Державы договорились сохранять статус-кво на Балканском полуострове. Одним из спорных пунктов записи встречи императоров и министров оказалось положение Боснии и Герцеговины. Голуховский в письме Муравьеву отметил, что Россия и Австрия договорились признавать преимущества, обеспеченные Берлинским трактатом, имея в виду, что Босния, Герцеговина и Новипазарский санджак присоединены к дунайской монархии. С этим пунктом категорически не была согласна российская сторона: «Берлинский трактат представляет Австрии военную оккупацию Боснии и Герцеговины, а не (подчеркнуто в документе. — Л.П.) присоединение»¹⁸. В ноте послу Лихтенштейну Муравьев обращал внимание на то, что аннексия Боснии и Герцеговины «подняла бы более широкую проблему, которая потребует специального рассмотрения в надлежащее время и в надлежащем месте»¹⁹.

В дни русско-австрийских переговоров 1897 г. на высшем уровне, после встреч с сербским министром иностранных дел Г. Симичем и черногорским князем Николой П.А. Капнист убедился, что движение за возвращение самоуправления православных общин в Боснии и Герцеговине поддерживалось из Белграда и Цетинье и что оба государства помогали его активному участнику Г. Евтановичу²⁰. Российский посол обнаружил связь между конфликтом общин и антиавстрийскими статьями в сербской печати. В газетах появлялись статьи, направленные против австро-венгерской администрации в Боснии и Герцеговине. В них много говорилось о «жалком

¹⁸ Там же. Л. 86.

¹⁹ Нота министра М.Н. Муравьева послу Австро-Венгрии в С.-Петербурге Ф. Лихтенштейну. С.-Петербург, 5 (17) мая 1897 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952.

²⁰ Дешеша российского посла в Вене П.А. Капниста министру М.Н. Муравьеву. № 46. Вена, 9/21 июля 1897 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I.R. 1897. Л. 217об.–218.

экономическом положении страны, управляемой австро-венгерским правительством»²¹. Причем публикации перепечатывались русскими, французскими, венгерскими газетами, а белградские журналисты ссылались на эти же перепечатки для доказательства истинности своих сведений об угнетенном состоянии боснийско-герцеговинского населения²². Российский посол в Вене П. А. Капнист не был склонен безоговорочно доверять газетным материалам. Он признавал, что активно обсуждаемый в печати меморандум не интересовал большую часть боснийско-герцеговинских крестьян²³. Капнист полагал, что публикации сербское правительство заказывало с целью привлечь внимание великих держав к боснийско-герцеговинскому вопросу²⁴. По его мнению, белградский кабинет определил русско-австрийский договор 1897 г. как сближение Петербурга и Вены и поспешил взять инициативу в свои руки. Политики с помощью журналистов старались «возбудить недоверие и противоречие ежельи не между правительствами двух соседних великих держав, то, по крайней мере, между их печатью и общественным мнением», — делился своими мыслями посол с министром М. Н. Муравьевым²⁵.

Договором 1897 г. А. Голуховский был доволен, впоследствии он о нем писал: «Цель, которая стояла перед нами, заключалась не в том, чтобы заключить договор, связывающий нас, а в стремлении основать принципиальный фундамент постепенного строительства нашего взаимопонимания»²⁶. О зна-

²¹ Дешеша российского посла в Вене П. А. Капниста министру М. Н. Муравьеву. № 52. Вена, 23 июля (4 августа) 1897 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I.R. 1897. Л. 253об.

²² Там же. Л. 255об.-256об.

²³ Там же. Л. 253-254.

²⁴ Дешеша российского посла в Вене П. А. Капниста министру М. Н. Муравьеву. № 46. Вена, 9 (21) июля 1897 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I.R. 1897. Л. 214-215.

²⁵ Там же. Л. 215-215об.

²⁶ Somogyi E. Einleitung // Die Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1867/1918. Bd. 5. 1896-1907 / bearb. von. E. Somogyi. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. S. XXVI.

чении русско-австрийского договора посланника в Сербии К.А. Губастов писал в секретной депеше из Белграда в 1904 г., после переговоров о сербско-черногорско-болгарском соглашении: действовавшее русско-австрийское соглашение о сохранении статус-кво на Балканском полуострове наиболее соответствует обеспечению мира и спокойствия в крае²⁷.

Здесь же дипломат добавил: «До сих пор о сближении югославян между собою воспевали только поэты и постоянно говорилось в застольных речах, причем как поэты, так и ораторы сознавали, что о желаемом ими сближении легче говорить и мечтать, чем осуществить его, потому что в этом случае каждому югославянскому племени необходимо поступиться в пользу другого, если и не правами своими — то претензиями и вождедениями»²⁸. Лозунг объединения православных славян столкнулся с реальными противоречиями в притязаниях сербской, черногорской и болгарской политических элит. В этих условиях необходимо было контролировать внешнюю политику амбициозных молодых южнославянских стран. Стоит согласиться с мнением И.С. Рыбаченок, которая утверждает, что именно желанием империй Романовых и Габсбургов поддерживать статус-кво, «умеряя взаимные территориальные претензии молодых [...] государств», обуславливается австро-русское сотрудничество на Балканах²⁹.

Русский дипломат в Константинополе Овечин накануне Балканских войн, признавая соглашение 1897 г. удачным, писал, что оно «просуществовало 11 лет — срок весьма почтенный для дипломатического уговора специального характера, в особенности относящегося до изменчивой балканской почвы [...] за это время оно оказалось на высоте

²⁷ Весьма секретная депеша посланника в Сербии К.А. Губастова. Белаград, 15 июня 1904 г. № 51. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 237. 1883–1907. Л. 13.

²⁸ Там же. Л. 12.

²⁹ Рыбаченок И.С. Коренные интересы России в представлениях ее государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX – начале XX века // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М.: Наука, 2007. С. 268–269.

своей задачи сохранения мира на европейском Востоке в тревожный период македонских волнений 1903 и 1904 гг., а также выдержало испытание Японской войны и последующих в России событий, являясь в это тяжелое для нас время важной опорой к поддержанию сносного для нашей политики положения на Ближнем Востоке»³⁰. Болгарская исследовательница Н. Дюлгерова справедливо отмечает, что соглашение 1897 г. было оптимальным решением для Австро-Венгрии и России, поскольку локализация балканских вопросов позволила державам обратиться к своим собственным внешне- и внутривосточным проблемам³¹.

Посол в Вене граф П.А. Капнист после подписания договора, во время австро-венгерского кризиса 1897 г., задавался вопросом: какая Австро-Венгрия нужна России? От этого зависело, какие Балканы и западнославянские земли соответствуют интересам петербургского кабинета. «Теперьшняя ли Австрия, с господствующим элементом и с притесненным до некоторой степени славянством, тяготеющим к нам, — писал дипломат, — или же Австрия славянская, о которой, правда, мечтали некоторые из наших домашних славянофилов, но представляющая то неудобство, что в ней может возникнуть центр притяжения для южных славян и славян-католиков?»³²

Австро-русские отношения после 1897 г. характеризуются, с одной стороны, дальнейшим углублением противоречий, а с другой — сотрудничеством, которое нередко называют австро-российской Антантой. С третьей стороны, возрастала конфронтация между блоками, куда соответственно входили Вена и Петербург, Тройственным союзом и Антантой.

³⁰ Доверительное письмо Овечина. Пера, 5/18 января 1911 г. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3176. Австрия на Балканах. Отношение Австрии и Венгрии к вопросу о политическом положении Боснии и Герцеговины и присоединении их к составу двуединой монархии. Л. 163об.

³¹ Дюлгерова Н. Българският национален въпрос в политиката на Русия и Австро-Унгария. 1894–1903. София: Издателство на БАН, 1994. С. 39.

³² Деша российского посла в Вене П.А. Капниста министру М.Н. Муравьеву. № 82. Вена, 12 (24) ноября 1897 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I.R. 1897. Л. 372об.

Когда в 1898 г. в связи с пятидесятилетним юбилеем восшествия на престол Франца Иосифа, как и десятилетием ранее, возникли слухи об аннексии Боснии и Герцеговины, П. А. Капнист поговорил с общеимперскими министрами А. Голуховским и Б. Каллаем. По результатам бесед с ними посол пришел к выводу, что Австро-Венгрия из-за происшедшего на тот момент кризиса дуализма не собирается объявлять аннексию. По прогнозам дипломата, Габсбургская монархия могла решиться на окончательное присоединение только в случае нарушения статус-кво на Балканах³³.

Поскольку период характеризовался влиянием печати на двусторонние русско-австрийские отношения, Австро-Венгрию очень сильно беспокоило российское общественное мнение о ее политике в Боснии и Герцеговине. На встрече в 1898 г. с министром М. Н. Муравьевым Франц Иосиф специально подчеркнул, что русские газеты абсолютно не уважают право, данное Берлинским трактатом, и не способны миру на Востоке. По мнению монарха, для дружбы двух империй следовало бы заставить их писать более корректным тоном³⁴. Как мы увидим в следующей главе, пресса сыграла важную роль в русско-австрийских отношениях.

Помощь российского МИДа боснийцам

Признавая право Австро-Венгрии на управление, но не присоединение Боснии и Герцеговины, российские дипломаты адаптировали работу консульства к новым реалиям: через 15 лет после начала оккупации ему пришлось из агента влияния стать в большей степени представительским и наблюдательным учреждением.

³³ Черновик весьма конфиденциальной депеши посла в Вене П. А. Капниста. Вена, 26 мая (7 июня) 1898 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 432. *Affaires politiques secrètes*. 1897–1902. Л. 76–79об.

³⁴ Резюме встречи Франца Иосифа и М. Н. Муравьева. 1898. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 432. *Affaires politiques secrètes*. 1897–1902. Л. 80об. – 81об.

В 1893 г., после скандала с М.М. Бакуниным, министерство иностранных дел после некоторых поисков³⁵ командировало в Сараево Густава Викторовича Игельстрёма (Игельстрома; 1855–?), сотрудника российского представительства в Пловдиве. Игельстрём обучался в Александровском лицее, в 1874 г. был определен на службу в министерство юстиции, затем в Правительствующий сенат. С 1876 по 1880 г. работал в Оренбургской губернии, пока сам не попросил перевести его в Азиатский департамент МИДа, и с 1881 г. был секретарем в посольствах в Восточной Румелии и в Румынии³⁶. Поскольку статус Боснии и Герцеговины был не определен: управление и документооборот были австро-венгерскими, но провинция оставалась османской, российский МИД официально не мог предоставить патент консулу в Сараеве. Поэтому министерство просило посольство в Вене урегулировать вопрос и ходатайствовать перед австро-венгерским правительством разрешить работать дипломату³⁷.

В инструкции Игельстрёму предписывалось поддерживать «наилучшие отношения и отнюдь не вмешиваться в дела внутреннего управления, сообщать императорскому посольству о всех распоряжениях и нововведениях австрийского правительства, имеющих общее значение для страны, и указывать при этом, какое [...] могут иметь полезное или вредное последствие эти реформы для жителей провинций»³⁸. Чтобы у австро-венгерских властей не возникло подозрений, что русский консул разъезжает по провинции,

³⁵ Письмо директора ДЛСиХД министру Н.К. Гирсу. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749-1. Д. 1026. Л. 3.

³⁶ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 515. Об определении на службу Игельстрома.

³⁷ Отношение Департамента личного состава и хозяйственных дел в посольство в Вене. 4 декабря 1893 г. № 4614. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1139. *Consulats*. 1894. Л. 3–3об.

³⁸ Проект инструкции посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского консулу в Сараеве Г.В. Игельстрому. № 1204. Вена, 29 июля (10 августа) 1893 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 384. *Consulats politiques*. 1893. Л. 56–56об.

Игельстрём просил уведомлять его открытой телеграммой о вызове в Вену³⁹.

Подозрительность со стороны австро-венгерской администрации Игельстрём заметил сразу по приезде в Сараево. Ему пришлось поначалу нелегко: он не знал местного языка, найти учителя оказалось сложно, никто не хотел работать с русским дипломатом. Кроме того, домовладельцы, у которых российский МИД снимал здание для своего представительства, в том же 1893 году отказались от договора аренды, опасаясь неприятностей со стороны австро-венгерской администрации. «Сербы до того запуганы, что прямого общения с ними иметь почти невозможно», — подчеркивал дипломат. Он признавал, что в результате «главный вопрос, представляющий для нас интерес, — выяснение положения сербского населения — представляет наибольшее затруднение»⁴⁰.

В 1890-х – 1900-х гг. инструменты поддержки зарубежных славян со стороны российского правительства изменились в связи с бюрократизацией работы министерства иностранных дел. При Первом (Азиатском) департаменте было учреждена Комиссия по образованию в России южных славян. В 1899 г. она выработала правила приема студентов: необходимо было предоставить пакет документов со сведениями о кандидате, а также быть «южнославянским уроженцем, то есть сербом, болгаром, македонцем, черногорцем, босняком и герцеговинцем», но не «австрийским славянином: чехом, хорватом, словаком и др.»⁴¹. Консульство в Сараеве с согласия общеимперского министерства финансов Австро-Венгрии должно было опубликовать объявление

³⁹ Письмо управляющего консульством в Сараеве Г.В. Игельстрома в посольство в Вене. Сараево, 16 октября 1893 г. № 44. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1108. Consulats. 1893. Л. 1.

⁴⁰ Письмо консула в Сараеве Г.В. Игельстрома управляющему делами посольства в Вене А.К. Бенкендорфу. 17 августа 1894. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1139. Consulats. 1894. Л. 25–26.

⁴¹ Правила выбора и рекомендации славянских уроженцев в русские учебные заведения, выработанные Комиссией по образованию в России южных славян. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 471. Consulats politiques. 1900. Л. 5.

о стипендиях в местной прессе. Поскольку правительство выделило всего сто стипендий и шансов попасть в Россию на учебу было мало, посол в Вене прямо написал: «Подача прошений имеет демонстративный характер»⁴². Тем не менее консулу в Сараеве Г.В. Игельстрёму поступало много обращений от боснийцев — большая часть заявок была оформлена неправильно⁴³. Министр М.Н. Муравьев предположил, что, подавая заявки, не удовлетворяющие требованиям, жители Боснии и Герцеговины больше показывают свои теплые чувства к России, чем действительное намерение учиться в православной державе. Шеф дипломатии заключил так, поскольку «уроженцы оккупированных областей лишь весьма редко выражают желание получать высшее образование в России»⁴⁴. Следовательно, кампания и со стороны МИДа, и со стороны боснийцев была демонстрацией хорошего отношения друг к другу.

Некоторые зажиточные сербские семьи отправляли детей на обучение в Сербию и Черногорию, в том числе в Мариинский женский институт в Цетинье⁴⁵. Православная общественность сама организовывала поездки на учебу в Черногорию: один из богатых мостарцев сопровождал учениц. В 1902 г. руководительница института Софья Петровна Мертваго попросила российский МИД профинансировать обучение двух девушек из Боснии и Герцеговины

⁴² Расшифрованное письмо посла в Вене П.А. Капниста консулу в Сараеве Г.В. Игельстрёму. 25 мая (6 июня) 1899 г. № 986. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 471. *Consulats politiques*. 1900. Л. 8.

⁴³ Донесение консула в Сараеве Г.В. Игельстрёма. Сараево, 26 декабря 1899 г. № 61. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 471. *Consulats politiques*. 1900. Л. 9.

⁴⁴ Письмо министра М.Н. Муравьева послу в Вене П.А. Капнисту. 6 мая 1899 г. № 368. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 471. *Consulats politiques*. 1900. Л. 16–16об.

⁴⁵ О Мариинском институте см.: *Хлебникова В.Б. Педагогическая деятельность Софьи Петровны Мертваго // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2; Струнина-Бородина Н.Г. К вопросу о влиянии России на систему образования в Черногории в конце XIX – начале XX в. // К 110-летию со дня рождения С.А. Никитидна. М.: Тезаурис, 2013.*

с 1902 по 1905 г. Наставница аргументировала тем, что они очень талантливые, а бесплатные места уже были распределены. Ходатайство Мертваго Азиатский департамент МИДа удовлетворил⁴⁶.

В 1900 г. по Сербии, Черногории и оккупированной провинции прошел слух, что российский император Николай II и черногорский князь Никола приглашают переселиться в их земли. В результате слухов в российскую миссию в Белграде стали обращаться жители Боснии и Герцеговины с просьбой содействовать переселению. Сербское правительство, снимая с себя ответственность за инициативу, сообщило, что, по его сведениям, это результат деятельности русского консула в Сараеве⁴⁷. На запрос из Петербурга российский представитель в Боснии и Герцеговине Г.В. Игельстрём сообщал, что только от звонникско-тузланского митрополита Николая Мандича узнал о ходатайстве нескольких православных семей перед белградской миссией и о намерении петербургского правительства якобы предоставить иммигрантам незаселенные земли в Сибири⁴⁸. К дипломату с просьбой переселиться никто не приходил, и он опроверг слухи и объявил об их безосновательности через самого митрополита и боснийскую прессу⁴⁹. И князь Никола Черногорский поспешил уведомить петербургский кабинет о несостоятельности подобных слухов. В свою очередь, его администрация пообещала опубликовать опровержение в газетах⁵⁰. Близкая к правительству *Bosnische Post* категорически отрицала существование эмиграционного движения

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6724. Воспитание боснячек в Мариинском институте в Цетинье. 1902–1912.

⁴⁷ Копия депеши секретаря посольства в Белграде П.Б. Мансурова. № 48. Белград, 15 (28) августа 1900 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 471. *Consulats politiques*. 1900. Л. 73.

⁴⁸ Копия отношения консула в Сараеве Г.В. Игельстрома. № 70. Сараево, 14 сентября 1900 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 471. Л. 74.

⁴⁹ Там же. Л. 74–75.

⁵⁰ Депеша главы миссии в Цетинье П.М. Власова советнику посольства в Вене Ф.А. Будбергу. № 166. Цетинье, 30 мая 1902 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 496. *Consulats politiques*. 1900. Л. 19–19об.

и обвиняла русское консульство в агитации среди жителей⁵¹. Периодически возникающие слухи о приглашении эмигрировать в Россию появлялись и также внезапно исчезали, добавляя лишь работы консульству в Сараеве.

Российский консул продолжал следить за эпидемиологической ситуацией в провинции и докладывал о ней в медицинский департамент министерства внутренних дел⁵². Не только для медицинского департамента, но и для департамента полиции МВД консул в Сараеве предоставлял сведения. Министерство в 1897 г. попросило поделиться опытом организации хаджа в Мекку два консульства. В 1890-х гг. французские власти в Алжире и австро-венгерские — в Боснии и Герцеговине начали организацию мусульманского паломничества. Выяснилось, что в Боснии и Герцеговине австро-венгерские власти не разработали специальные правила: паломников ежегодно было всего 70–80 (в Алжире только в первый год организованного хаджа было больше 1500 человек⁵³). Основными функциями боснийской администрации были: предоставление «возможно больших удобств и льгот» при покупке билетов на поезд до Триеста и на пароход до порта Ямбо; организация сборного пункта в Сараеве; назначение руководителя паломнической группы и санитарный надзор возвращающихся путешественников (в Джедду командировали врача для осмотра). Поскольку в 1897 г. была эпидемия чумы, администрация отказалась от организации паломничества, а для тех, кто ехал самостоятельно, ужесточила карантинные меры⁵⁴. Азиатский депар-

⁵¹ Там же. Л. 63–63об.

⁵² Письмо управляющего консульством в Сараеве Г.В. Игельстрома в посольство в Вене. Сараево, 26 октября 1893 г. № 50. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1108. Consulats. 1893. Л. 3.

⁵³ D'Agostini A. French Policy and the Hajj in Late-Nineteenth-Century Algeria: Governor Cambon's Reform Attempts and Jules Gervais-Courtellemont's Pilgrimage to Mecca // The Hajj and Europe in the Age of Empire / ed. by U. Ryad. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 123.

⁵⁴ Донесение консула в Сараеве Г.В. Игельстрома. Сараево, 11 февраля 1897 г. № 58. АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/2. Д. 3324. Босния и Герцеговина. Паломничество мусульман. 1897. Л. 3–6.

тамент МИДа после сравнения двух систем посчитал более подходящей для внедрения в России французскую практику, разработанную генерал-губернатором Алжира Жюлем Камбоном⁵⁵. Французские власти в Алжире делили всех паломников на группы по 29 человек, к каждой группе прикрепляли врача, с группами потом работал консул в Джедде⁵⁶. Таким образом, алжирская администрация действовала в тесном сотрудничестве с дипломатами.

Консул Игельстрём стал больше сторонним наблюдателем, нежели действующим лицом общественно-политической жизни Боснии и Герцеговины, каковыми были российские дипломаты в османское время и каким пытался предстать М.М. Бакунин. Изменение стиля работы консульства в Сараеве было связано не только с нежеланием конфликтовать с австро-венгерскими властями, но и с осознанием петербургским правительством необходимости реформировать МИД. Было очевидно, что система внешнеполитического ведомства времен А.М. Горчакова устарела. А.Б. Лобанов-Ростовский, служивший 13 лет послом в Вене, став в 1895 г. министром иностранных дел, начал готовить реорганизацию внешнеполитического ведомства. Но он не успел осуществить проект, реформа МИДа затянулась и была осуществлена при Александре Петровиче Извольском⁵⁷.

⁵⁵ Отношение Азиатского департамента МИД в Департамент полиции МВД. 18 марта 1897 г. № 1492. АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/2. Д. 3324. Босния и Герцеговина. Паломничество мусульман. 1897. Л. 3–6.

⁵⁶ D'Agostini A. French Policy and the Hajj in Late-Nineteenth-Century Algeria. P. 112–141.

⁵⁷ О реформировании МИДа см.: Авдеев В.Е. А.П. Извольский — глава внешнеполитического ведомства России: 1906–1910 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Кострикова Е.Г. Реформа Министерства иностранных дел России в начале XX века // Вестник университета. Государственный университет управления. 2011. № 14; Чернов А.О. Деятельность Н.В. Чарыкова по реформированию министерства иностранных дел России // Самарский научный вестник. 2016. № 2 (15).

Борьба за церковно-школьную автономию

В 1890-х гг. продолжалась борьба боснийцев за право участвовать в управлении своим краем. Если в начале 1880-х гг. в ее авангарде выступало высшее духовенство, то в 1890-х гг. — светские представители православных общин. Митрополиты, которых, как мы видели в предыдущей главе, уже избирали из местных иерархов, теперь пытались больше влиять на церковные дела, тем самым сужая права общин. Вместе с тем австро-венгерские власти, поддерживая высшее духовенство, использовали его как инструмент борьбы с общинами.

Чтобы вернуть себе полную автономию в самоуправлении, депутация от боснийско-герцеговинских православных общин в декабре 1896 г. подала меморандум императору-королю. В депутацию входили представители 14 общин из 351, полномочия были лишь у пяти; к тому же среди членов депутации не было духовных лиц⁵⁸. В меморандуме общины изложили жалобы на притеснения со стороны администрации и митрополитов. То есть фактически активные члены всего лишь нескольких общин начали борьбу против и высшего духовенства, и правительства.

Как уже было упомянуто, газета «Московские ведомости» в № 31 от 31 января 1897 г. напечатала меморандум депутатов от «сербско-православных общин»⁵⁹. Как и прогнозировал российский посол в Вене П. А. Капнист, ни одно требование не было удовлетворено венским кабинетом⁶⁰.

Общины повторно представили меморандум Францу Иосифу 30 марта 1897 г. Результатом второго обращения стало учреждение специальной комиссии, независимой от местного правительства, которая должна была проверить

⁵⁸ Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. Сарајево: Веселин Маслеша, 1982. С. 176.

⁵⁹ Московские ведомости. 1897. 31 января. № 31.

⁶⁰ Донесение посла в Вене П. А. Капниста. № 11. Вена, 5 (17) февраля 1897 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I.R. 1897. Л. 79об. — 81об.

факты, изложенные в меморандуме, однако работа ее была безрезультатной⁶¹.

В связи с подготовкой русско-австрийского соглашения петербургский кабинет запросил у посла в Вене П. А. Капниста информацию о боснийских церковных делах, а тот в свою очередь — у консула в Сараеве Г. В. Игельстрёма. Последний в одном из своих донесений подробно описал изменения, происшедшие современ турецкого управления. Консул дал такую характеристику прежних порядков: «Церковная иерархия, находившаяся в самом жалком материальном положении и выбираемая большей частью Константинопольским патриархатом из греков, не имевших связи с сербским населением, находилась в полной зависимости от общин, состоящих из лиц преимущественно недуховного звания. Турецкие власти вовсе не вмешивались во внутренние церковные дела и предоставляли общинам полную автономию»⁶². Австро-венгерские же чиновники потребовали, чтобы была введена регистрация имущества, всех операций купли-продажи церковной собственности. Они добились присутствия правительственного комиссара на заседаниях общин⁶³.

Конфликт между австрийской администрацией и православными общинами должен был урегулировать сам общеимперский министр финансов Бенямин Каллай. Прибыв в Сараево, он распустил совет православной общины и назначил новые выборы под руководством сараевского митрополита Николая Мандича. Капнист полагал, что альянс иерарха и влиятельных сербов обеспечит проправительственное большинство в православных общинах⁶⁴. К середине 1897 г.

⁶¹ Обращение представителей православных общин к великим державам. 1897 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3329. Босния и Герцеговина. 1897-1902. Л. 10-13.

⁶² Дешеша посла в Вене П. А. Капниста министру М. Н. Муравьеву. № 11. Вена, 5/17 февраля 1897 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I. R. 1897. Л. 61об.

⁶³ Там же. Л. 62-62об.

⁶⁴ Дешеша посла в Вене П. А. Капниста министру М. Н. Муравьеву. № 21. Вена, 5/17 марта 1897 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I. R. 1897. Л. 100-100об.

управление оккупированными областями под руководством Каллая добились в церковном вопросе поддержки значительной части образованных сербов, писал Игельстрём⁶⁵. Протесты православного населения не получили общенационального масштаба. Они распространились бы при условии, сообщил из Сараева консул, «если только второстепенные власти из чрезмерного усердия резкими или бестактными действиями не раздражат слишком население»⁶⁶. Каллай обратился к наиболее образованной части боснийско-герцеговинского населения и пошел на контакт с перспективными и конструктивно настроенными сербскими представителями. Министр поручил лидерам оппозиции Глигорию Евтановичу и Воиславу Шоле выработать проект устава для православных общин, за образец которого была взята организация румынской церкви⁶⁷. Промежуточный успех Каллая российский посол в Вене видел в его общей политике в оккупированных провинциях — в том, что он использовал не религиозный фактор, а сделал ставку на «развитие благосостояния на более благоприятной экономической почве»⁶⁸.

Представители общин же продолжили свою борьбу, отправившись еще раз в Вену. В апреле 1898 г. боснийцы снова увиделись с Каллаем. Как писал управляющий посольством Федор Андреевич Будберг, у Каллая высказанные жалобы на отношение местной администрации к школьному делу и вопросам церковного управления не вызвали сочувствия. По мнению дипломата, такое прохладное отношение министра было связано с его идеей «дать полную

⁶⁵ Донесение консула в Сараеве Г.В. Игельстрёма послу в Вене П.А. Капнисту. № 30. Сараево, 17 июля 1897 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I.R. 1897. Л. 261об.–262.

⁶⁶ Там же. Л. 261об.

⁶⁷ Расшифрованная телеграмма консула в Сараеве Г.В. Игельстрёма № 13. Сараево, 12/24 апреля 1898 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 447. *Consulats politiques*. 1898. Л. 9.

⁶⁸ Депеша посла в Вене П.А. Капниста министру М.Н. Муравьеву. № 11. Вена, 5 (17) февраля 1897 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I.R. 1897. Л. 63–63об.

самостоятельность или в крайнем случае подчинить ее вполне преданной австрийскому правительству Далматской Черновицкой митрополии». Согласно слухам, дошедшим до Будберга, Каллай располагал несколькими миллионами гульденов для агитации отделения боснийско-герцеговинской церкви от Константинопольской патриархии⁶⁹.

В мае того же года в Константинополь отправился один из лидеров общин, Владимир Радович. Там он подал прошение к великим державам с помощью дипломата, сотрудника сербского посольства Милана Печанаца; одно из писем сохранилось в архиве российского посольства⁷⁰. Босниец писал российскому послу И. А. Зиновьеву: «Чтобы [...] патриарх сделал новые шаги пред австрийским правительством [...] и чтобы в случае, если бы австро-венгерское правительство серьезно предложило нам проект нового церковного устройства и пожелало бы войти с нами в серьезные переговоры, Его Святейшество оказал бы нам содействие в смысле народных желаний, то мы просим Ваше Высокопревосходительство благоволить помочь нам в этом направлении своим представительством пред патриархом»⁷¹.

В июле 1898 г. в османскую столицу прибыли еще три представителя православных общин Боснии и Герцеговины: Глигорие Евтанович, Воислав Шола и Коста Куянджич. Они намеревались продолжить переговоры об уставе с патриархом и австро-венгерскими, сербскими, русскими дипломатами, хотя депутация обещала не вступать в контакт ни с русским, ни с сербским посольствами⁷². За депутацию боснийско-герцеговинских сербов просил и бывший премьер-министр Сербии, лидер радикальной партии Никола Пашич. Его беспокоило, что Каллай пытался склонить

⁶⁹ Дешеша советника посольства в Вене Ф. А. Будберга. Вена, 29 апреля (11 мая) 1898 г. № 31. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3329. Босния и Герцеговина. 1897–1902. Л. 29–30.

⁷⁰ Там же. Л. 10–18.

⁷¹ Там же. Л. 22а об.

⁷² Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. С. 237.

на свою сторону Евтановича и Шола. Пашич видел в таком сближении австро-венгерских властей и боснийской интеллигенции возможность учреждения боснийской церкви. Сербский политик просил Зиновьева, чтобы тот принял представителей православных общин и помог им, ходатайствуя об этом перед Вселенским патриархом⁷³. Когда стало известно, что посол Генрих фон Каличе отправился в Австро-Венгрию, Шола и Радович поехали вслед за ним. Евтанович и Куянджич остались в Стамбуле⁷⁴.

Патриарх Константин V захотел поговорить с австро-венгерским поверенным в делах Карлом фон Маккио и расспросить о боснийской церкви. Маккио, в свою очередь, попросил патриарха закончить с этим вопросом. Дипломат уверял, что «церковно-общинные дела в Боснии и Герцеговине обстоят прекрасно», отрицал притеснение общин администрацией и неисполнение функций православным духовенством. Маккио изложил планы венского кабинета относительно боснийской православной церкви. Во-первых, предлагалось разделить боснийскую (дабробоснийскую) епархию, с чем патриарх согласился, отметив, что епархия действительно большая и насчитывает около тысячи населенных пунктов. Во-вторых, Габсбургская монархия хотела учредить духовный апелляционный суд — на это Константин пойти не мог, поскольку сам являлся апелляционной инстанцией для церковных судов Боснии и Герцеговины⁷⁵.

В феврале 1899 г. Вселенский патриарх обратился к трем митрополитам Боснии и Герцеговины: дабробоснийскому Николаю, герцеговинскому Серафиму и зворникскому Григорию и потребовал подчиниться австро-венгерским

⁷³ Письмо Н. Пашича послу в Константинополе И.А. Зиновьеву. 17 апреля 1898 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3329. Босния и Герцеговина. 1897-1902. Л. 24-25об.

⁷⁴ Отчет советника посольства в Константинополе Ю.Н. Щербачева о свидании с Вселенским патриархом. 11 (23) августа 1898 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3329. Босния и Герцеговина. 1897-1902. Л. 51об.

⁷⁵ Там же. Л. 49-50.

властям⁷⁶. Такой поворот событий настолько возмутил боснийских депутатов, что Евтанович поинтересовался у советника русского посольства, Юрия Николаевича Щербачева, «не мог ли бы патриарх в скором времени пасть»⁷⁷. Тем не менее дипломат отметил, что Евтанович «ничуть не принижен и вообще не очень унывает». О примирении с высшим боснийским духовенством тот не желал слышать и был твердо намерен продолжить переговоры, хотя Щербачев признавал, что на тот момент они закончились и вопрос пока решился не в пользу общин⁷⁸. В мае 1899 г. была обнародована энциклика Константинопольского патриарха, в которой он призывал всех православных Боснии и Герцеговины к повиновению митрополиту и властям. Рекомендацию патриарха австро-венгерская администрация сначала восприняла как окончательное решение церковно-общинного вопроса⁷⁹.

Несмотря на неуспех, общины не оставили попыток добиться нового устава. На этот раз они заручились поддержкой части священников. Весной 1899 г. по всей провинции общины собирали подписи представителей духовенства под прошением Вселенскому патриарху о новом церковном уставе. Австро-венгерское правительство, поначалу не обращавшее внимания на эту кампанию, стало изымать экземпляры заявления с подписями. Однако они были успешно перевезены через границу и в начале июля 1899 г. были переданы российскому послу в Константинополе И.А. Зиновьеву⁸⁰. В начале того

⁷⁶ Послание Константинопольского патриарха. 15 февраля 1899 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3329. Босния и Герцеговина. 1897–1902. Л. 179.

⁷⁷ Записка советника посольства в Константинополе Ю.Н. Щербачева о церковных делах в Боснии и Герцеговине. 21 марта 1899 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3329. Босния и Герцеговина. 1897–1902. Л. 194–194об.

⁷⁸ Там же. Л. 194об. – 195об.

⁷⁹ Расшифрованная телеграмма консула в Сараеве Г.В. Игельстрому послу в Вене П.А. Капнисту. № 14. Сараево, 10 мая 1899 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 458. *Consulats politiques*. 1892. Л. 31об.

⁸⁰ Записка советника посольства в Константинополе Ю.Н. Щербачева. 3 июля 1899 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3329. Босния и Герцеговина. 1897–1902. Л. 204–206.

же месяца, 7-го числа, представители общин в Вене подали уже готовый текст устава Каллаю. Практически одновременно — 24 июля — депутация в Константинополе документ показала Вселенскому патриарху Константину V. Примечательно, что проект устава был отпечатан в Нови-Саде, в типографии Светозара Милетича. Поддержка австро-венгерских сербов не ограничивалась этим: например, Эмиль Гаврила помогал составлять меморандумы⁸¹.

Когда в 1899 г. не удалось добиться желаемого переговорами, Глигорие Евтанович поинтересовался у российско-го посла в Вене, «как бы посмотрело Императорское правительство на восстание в Боснии и Герцеговине и на какую поддержку с его стороны можно было бы рассчитывать, прибавляя, что все приготовлено агитацией на почве вождедений православных сербских общин»⁸². Петербург не поддержал насильственный вариант решения проблемы. Стало понятно, что, несмотря на такую всестороннюю помощь, боснийцам пока не удалось уговорить патриархию и австро-венгерские власти дать им церковно-школьную автономию. Тогда депутация, после двух лет пребывания в Стамбуле, уехала обратно в Сараево, назначив уполномоченным выступить от их имени сотрудника сербского посольства Милана Печанаца⁸³.

После провала переговоров с патриархом и дипломатами сразу начался очередной этап борьбы. Общины вернулись к прежним методам борьбы: отправились с депутацией и подали еще один меморандум императору — 30 мая 1900 г.⁸⁴ Кроме того, еще в конце 1899 г. лидеры общин на-

⁸¹ Васин Г. Српска елита у Босни и Херцеговини у освит Великог рата // Српска национална и државна идеја у Босни и Херцеговини. Петар Кочић и Гаврило Принцип / Г. Васин, Д. Микавица. Нови Сад: Прометеј; РТВ, 2018. С. 12.

⁸² Письмо посла в Вене П. А. Капниста. 1 (14) августа 1902 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 151.

⁸³ Письмо боснийско-герцеговинских депутатов послу в Константинополе И. А. Зиновьеву. 26 ноября 1900 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3329. Босния и Герцеговина. 1897–1902. Л. 292–293об.

⁸⁴ Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. С. 315.

чали переговоры с митрополитами, в ходе которых выявились разногласия⁸⁵. Отличительной чертой этого этапа борьбы за автономию было то, что она стала сферой сотрудничества православных и мусульманских общин⁸⁶. Майский меморандум 1900 г. отвезли сербские и мусульманские депутаты. Мусульмане также начали писать прошения и меморандумы, весьма схожие с обращениями православных общин, в адрес своего номинального главы — османского султана — и привозить их в Стамбул⁸⁷. В 1901 г. Каллай встретился с делегатами и от православных, и от мусульманских общин, чтобы обсудить их участие в выборах религиозных представителей⁸⁸. Изменение в раскладе сил заметил и посол России в Белграде Николай Валерьевич Чарыков: «Эта солидарность, назревшая уже давно, ныне окончательно окрепла. Она выразилась в систематическом ряде параллельных поступков в Константинополе, Будапеште и Вене. Попытка г-на Каллая снова раздвоить православных и мусульман путем отдельного соглашения с теми или с другими не удалась вследствие решимости каждой из этих групп заключить условие с оккупационной властью, только если будут удовлетворены требования другой»⁸⁹. Посол в Вене П. А. Капнист справедливо подчеркнул временный характер союза православных

⁸⁵ Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. С. 292–308.

⁸⁶ О сотрудничестве см.: Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу; Šehić N. Autonomni pokret Muslimana za vrijeme austrougarske uprave u Bosni i Hercegovini. Sarajevo: Svjetlost, 1980.

⁸⁷ Копия депеши посла в Вене П. А. Капниста. Без даты. 1902 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 155об.

⁸⁸ Записка о переговорах православных и мусульманских представителей Боснии и Герцеговины с правительством. 1901. Письмо боснийско-герцеговинских депутатов послу в Константинополе И. А. Зиновьеву. 26 ноября 1900 г. АВПРИ. Ф. 180. Посольство Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3329. Босния и Герцеговина. 1897–1902. Л. 298–298об.

⁸⁹ Секретная депеша посланника в Сербии Н. В. Чарыкова. 3 июля 1902 г. Белград. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 132об. –133.

и мусульман для решения конкретной задачи⁹⁰. На самом деле габсбургское правительство к тому моменту еще не приступило к решению важнейшего — аграрного — вопроса, который вряд ли мог обойтись без споров между землевладельцами-мусульманами и крестьянами-христианами.

Решение боснийского церковно-общинного вопроса сдвинулось с места в связи с изменениями на международной арене. Во-первых, в 1901 г. министром иностранных дел России царь назначил Владимира Николаевича Ламздорфа, который был сторонником более активных действий на Балканах. Во-вторых, как уже отмечалось, с помощью русских дипломатов Иоаким III занял патриарший престол во второй раз в 1901 г. под именем Иоаким V. В процессе переговоров по вопросу о церковно-школьном уставе в Боснии и Герцеговине, которые проходили между патриархией, австро-венгерским правительством, боснийско-герцеговинской православной церковью и православными общинами, смогли эффективнее участвовать российские дипломаты.

Большая группа представителей боснийско-герцеговинских общин приехала в Константинополь на встречу с патриархом осенью 1902 года. Тогда же они написали меморандум на имя русского императора Николая II. Документ должен был передать сербский король Александр Обренович, который собирался отправиться в Петербург⁹¹. Несмотря на то что в литературе утвердилось мнение, что российское правительство ничего не предприняло в связи с меморандумом царю⁹², вопрос о боснийской православной церкви и приходских школах открыл в 1902 г. дискуссию между самими российскими дипломатами в Вене, Константинополе и Белграде. Видимо, она возникла вследствие анализа разных источников информации. Чарыков писал о боснийско-герцеговинских делах:

⁹⁰ Письмо посла в Вене П.А. Капниста. 17 (30) июля 1902 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 132об. –133.

⁹¹ Мацар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. С. 337.

⁹² Ibid. С. 338.

«Тогда как последние (сербы королевства. — Л.П.) мечтают о присоединении к Сербии Боснии и Герцеговины, интеллигенция этих областей такового не желает, а имеет в виду, в свое время, обратиться к державам с просьбою о даровании областям этим “автономии”. Благоразумные сербы, видящие свой интерес во всяком успехе сербской народности, сочувствуют этой мысли, а для босно-герцеговинских вождей она кажется имеющей более шансов на осуществление со стороны великих держав, чем ходатайство о присоединении к Сербскому королевству. В этой борьбе за существование сербы Боснии и Герцеговины, получая некоторую поддержку из королевства, обращают, однако, свои взоры прежде всего на Россию, зная, что от нее зависит решение их судьбы»⁹³. Посол в Вене П.А. Капнист весьма скептически относился к деятельности боснийской интеллигенции и полагал, что посланник в Белграде Н.В. Чарыков в донесениях транслирует мнение лидеров боснийских общин Евтановича, Шолы и Куюнджича, которых дипломат называл «сербскими агитаторами»⁹⁴. Капнист обвинял Шолу в том, что он, желая манипулировать сербским правительством, предоставляет Белграду лживые сведения о мобилизации австрийской армии на сербской границе и о вступлении австрийского военного корпуса в Новипазарский санджак⁹⁵.

Судя по всему, представители общин для достижения целей по-разному представляли дипломатам ситуацию в оккупированных провинциях, а также свои условия. Из дипломатических документов становится понятно, что послу в Вене были известны одни требования, а поверенный в делах в Константинополе располагал другими сведениями. По мнению Капниста, первоначальные требования сербов: избрание

⁹³ Секретная депеша посланника в Сербии Н.В. Чарыкова. 3 июля 1902 г. Белград. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 133об. – 134.

⁹⁴ Письмо посла в Вене П.А. Капниста. 17 (30) июля 1902 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 140–140об.

⁹⁵ Письмо посла в Вене П.А. Капниста. 1 (14) августа 1902 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 150.

общинами митрополитов и приходских священников, самоуправление, администрирование церквями, церковным имуществом и школами, а также денежное содержание духовенства общинами, а не правительством — были слишком радикальными. Дипломат писал, что на такие шаги не пошли бы ни венский кабинет, ни Константинопольский патриарх, ни боснийская православная церковь. Австро-венгерское правительство представило свой проект устава, подготовленный сараевским митрополитом Мандичем. В проекте были отклонены все требования общин. Однако, как сообщал Капнист, ссылаясь на донесения консула в Сараеве Г.В. Игельстрёма, позже оно предложило компромиссный план: учитывать желание общин при назначении митрополитами священников; половина членов верховного совета (суда) будет состоять из светских представителей общин, выбираемых также мирянами, как в Карловицкой епархии; при митрополитах будет учреждена консистория, члены которой выбираются из духовенства; общины будут участвовать в управлении школами и церковным имуществом, но под руководством верховного совета (суда) и администрации⁹⁶.

Российский посол в Вене указывал на нестыковки в информации от представителей общин: то жалуются, что правительство совсем не идет навстречу, то сами идут на уступки, а потом еще больше сокращают требования. Капнист уже сам стал жаловаться, что у него нет данных по обновленному проекту устава. Тем не менее, сопоставив информацию из Константинополя и Сараева, Капнист пришел к выводу, что общины в ответ на правительственный компромиссный вариант выдвинули следующие требования: светские общины предлагают три кандидатуры на место митрополитов, окончательное решение принимает император-король; верховный совет (суд), состоящий из представителей духовенства и светских общин, выбирается исключительно светскими общинами, без участия духовенства; епархиальные

⁹⁶ Дешеша посла в Вене П.А. Капниста. 25 сентября (8 октября) 1902 г. Вена. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 135об. – 136.

консистории выбираются также одними светскими общинами; средствами на школы распоряжаются только светские общины под контролем правительства. Посол пришел к заключению, что правительство и митрополиты пошли на значительные уступки; дипломат упрекнул светские общины в нежелании идти на компромисс, отметив, что они согласились лишь на финансовый контроль⁹⁷.

Поверенный в делах в Константинополе Ю.Н. Щербачев на основании депеш из Австро-Венгрии, прошений боснийцев и, скорее всего, разговоров с уполномоченным Печанацем сделал вывод, что Франц Йосиф и его кабинет и после пятого меморандума вовсе не собираются удовлетворять требования православных общин⁹⁸. Петербургский кабинет во главе с императором Николаем II, рассмотрев мнения дипломатов, принял точку зрения Щербачева⁹⁹, который аргументировал необходимость активной позиции по оказанию помощи общинам угрозой католической пропаганды. При этом Щербачев считал, что все обвинения общин в адрес австро-венгерских властей в католической пропаганде не подкреплены никакими фактами, поэтому он сам был намерен собрать таковые¹⁰⁰. Возможно, российский император и его министр иностранных дел сочли, что посол в Вене неверно оценивает австро-венгерскую политику в оккупированных провинциях. Капнист писал, со ссылкой на меморандумы общин, об имеющихся у него сведениях от сараевского консула и неких «неавстрийских источников»: «В действительности организованного австро-венгерским правительством воздействия в оккупированных провинциях посредством католической пропаганды в видах сплочения их с монархией, по моему мнению, не существует. [...] со стороны католического духовенства

⁹⁷ Там же. Л. 137–138.

⁹⁸ Письмо посла в Вене П.А. Капниста. 1 (14) августа 1902 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 150.

⁹⁹ Письмо министра В.Н. Ламздорфа 17 августа 1902 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 149–159об.

¹⁰⁰ Письмо посла в Вене П.А. Капниста. 1 (14) августа 1902 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 150.

пропагандическая деятельность в оккупированных провинциях идет своим чередом, — как и везде, где есть католическое духовенство. Являются случаи каптации наследств, захватов малолетних в монастыри, обращения в католичество по случаю браков или давления на родителей, или вообще всяких других интриг и козней, — точно так же, как это происходит во Франции, в Англии, в Бельгии, Соединенных Штатах и т.д.»¹⁰¹ (все подчеркивания сделаны в документе адресатом. — Л.П.). Как отмечал П.А. Капнист, «сочувственное отношение к римско-католической пропаганде» в Боснии и Герцеговине не превращалось в религиозные гонения и не ограничивало свободу совести. Дипломат считал, что венское правительство выполнило одно из важных условий Берлинского трактата: «заменой полудикой администрации европейской» остановило вражду между христианами и мусульманами, предотвратило «возвращение периодических изуверств». Капнист признавал, что выстроенная система управления неидеальна, «представляет много предлогов для агитации против существующего порядка вещей, — в особенности на политической и национальной подкладке». Далее он писал: «Но в общем, австро-венгерская администрация, несмотря на неизбежные недостатки, представляет средний уровень, ничем не уступающий всякой другой европейской администрации. [...] Правительственный контроль, против которого проявляется оппозиция населения, к нему не привыкшего, — отнюдь не более тяжел, чем во всякой другой любой администрации»¹⁰². Правда, нельзя забывать, что правительство никем не контролировалось и ни перед кем не несло ответственность, управляя Боснией и Герцеговиной. Вену сдерживало лишь опасение, что она может вызвать недовольство местных жителей¹⁰³. Точка зрения

¹⁰¹ Там же. Л. 151об.-152.

¹⁰² Письма посла в Вене П.А. Капниста, Вена, 17 (30) июля 1902 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902-1905. Л. 140об. - 141.

¹⁰³ Дешеша посла в Вене П.А. Капниста. Вена, 30 января (13 февраля) 1902 г. № 9. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 432. Affaires politiques secrètes. 1897-1902. Л. 151об. - 152.

Капниста, довольно комплиментарная по отношению к австро-венгерской политике в оккупированных провинциях, несомненно, связана с тем, что он был убежденным сторонником австро-русского сближения. То, что петербургский кабинет не поддержал позицию Капниста, объясняется мнением министра В.Н. Ламздорфа, который воспринимал австро-русское согласие в качестве тактического средства¹⁰⁴.

Тем временем боснийские общины привлекали на свою сторону все больше разных людей. После 1901 г. Каллай решил свернуть свою политику, направленную на формирование единой «боснийской нации», и разрешил трем этноконфессиональным группам создать свои культурные организации¹⁰⁵. Возможно, Каллай отказался от своей политики под давлением австрийских и венгерских Делегаций. Если раньше министру удавалось отстаивать необходимость существования «боснийского проекта», то в 1900 г. «великогерманская» партия, в 1902 г. венгерская партия независимости, вместе с ними и пресса в обеих частях империи обрушились на Каллая с сильной критикой из-за его позиции по управлению оккупированными провинциями¹⁰⁶. В 1902 г. возникло сербское культурное общество *Просвјета* («Просвещение»), в 1903 г. мусульманское — *Gajret* («Усердие»), в 1904 г. — хорватское *Napredak* («Прогресс»).

Еще одной причиной того, что вопрос о новом церковно-школьном устройстве стал внимательнее изучаться, было

¹⁰⁴ Агансон О.И. Политика Великобритании в Юго-Восточной Европе в условиях кризиса Балканской подсистемы международных отношений: 1903–1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 75.

¹⁰⁵ Donia R. Sarajevo. A Biography. London: Hurst & Company, 2006. P. 101. О реализации идеи «боснийской нации» см.: Kraljačić T. Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882–1903). Sarajevo: Veselin Masleša, 1987; Taming Balkan Nationalism. The Habsburg 'Civilizing Mission' in Bosnia, 1878–1914. New York: Oxford University Press, 2007.

¹⁰⁶ Hauptmann F. Predgovor // Borba Muslimana Bosne i Hercegovine za vjersku i vakufsko-mearifsku autonomiju / sabrao i uredio F. Hauptmann. Sarajevo: Arhiv Socijalističke Republike Bosne i Hercegovine, 1967. (Građa za proučavanje političkih, kulturnih i socijalno-ekonomskih pitanja iz prošlosti Bosne i Hercegovine (XIX i XX vijek). T. III.) S. 33.

назначение нового австро-венгерского министра финансов — Иштвана Буриана (1851–1922) — после смерти в 1903 г. Беньямина Каллая. Буриан продолжил курс на либерализацию политической жизни в Боснии. К тому же нельзя забывать, что в 1903 г. начался острый кризис в Османской империи из-за Илинденского восстания в Македонии¹⁰⁷, что не могло не повлиять на решение одного из важных вопросов — отношений церкви, государства и общества — на Балканах.

К сожалению, нам не удалось найти документов, свидетельствующих о дальнейшей помощи российских дипломатов православным общинам Боснии и Герцеговины. Вероятно, это было связано с тем, что посольство в Константинополе уговорило петербургский кабинет отстраниться от проблемы. Тем более что осенью 1902 г. Ю.Н. Щербачев, чья искренняя и чрезвычайная заинтересованность в решении боснийского церковного вопроса поразила даже Вселенского патриарха¹⁰⁸, уехал из Стамбула и занял должность посла в Греции.

Македонский кризис подтолкнул великие державы к очередному обсуждению балканских проблем. Из опасения, что, пользуясь моментом, Австро-Венгрия объявит об аннексии, Г. Евтанович инициировал разговор с российскими дипломатами через драгомана посольства М. Грамматопулса, стремясь выяснить, не собирается ли Россия дать согласие на это. И.А. Зиновьев ясно объявил, что Петербург не собирается давать молчаливое согласие на аннексию Боснии и Герцеговины. Евтанович в благодарность за подобное отношение снабдил МИД информацией, что Австро-Венгрия проводит масштабные военные приготовления в Боснии и Герцеговине и что она решила продлить оккупацию Новипазарского санджака. Кроме того, Евтанович попросил российского посла использовать свое

¹⁰⁷ О кризисе 1903 г. см., например: Сквозников А.Н. Македония в конце XIX – начале XX века — яблоко раздора на Балканах. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2010.

¹⁰⁸ Отчет драгомана посольства в Константинополе Грамматопулса. 3 сентября 1904 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 162–162об.

влияние на Константинопольского патриарха, чтобы он рассмотрел в пользу общин спорные вопросы по статуту¹⁰⁹.

К маю 1904 г. представители общин, митрополиты и австро-венгерское правительство смогли выработать совместный проект, хотя оставалось несколько вопросов, по которым не было согласия. В июне 1904 г. австро-венгерский посол в Константинополе Г. Каличе представил проект нового устава патриарху. К проекту были приложены две записки: от духовенства и от общин, где они разъясняли свои точки зрения по спорным моментам. При этом общины предлагали патриарху утвердить текст самого статута, а по пяти спорным пунктам договориться об их интерпретации¹¹⁰.

Далее вопрос о боснийской церковно-школьной автономии имел неожиданное продолжение в Константинополе — его обсуждение привело к разногласиям в патриаршем Синоде. Для противников Иоакима проект устава стал поводом, чтобы начать борьбу за его свержение. Посол И. А. Зиновьев отметил: «В Синоде образовалась партия, замыслившая свергнуть патриарха Иоакима, и члены ее согласились между собой не допускать утверждения босно-герцеговинского церковного устава, с тем чтобы поставить патриарха в неловкое положение и ускорить его падение»¹¹¹. Большинство членов константинопольского Синода молчание российского посольства восприняли как согласие с ними¹¹². Противники патриарха ссылались на российского посла, который якобы не одобряет проект устава. Это заявление сильно возмутило Зиновьева, потому что не соответствовало действительности¹¹³. Каличе обра-

¹⁰⁹ Записка драгомана посольства в Константинополе Грамматопулса. 8 мая 1904 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 156.

¹¹⁰ Записка М. Печанаца. 2 (15) июля 1904 г. 8 мая 1904 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 164а.

¹¹¹ Герд Л. А. Константинопольский патриархат и Россия. 1901–1914 гг. М.: Индрик, 2012. С. 110.

¹¹² Отчет драгомана посольства в Константинополе Грамматопулса. 3 сентября 1904 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 162об.

¹¹³ Герд Л. А. Константинопольский патриархат и Россия. 1901–1914 гг. С. 110.

тился к нему за объяснением. Зиновьев полагал, что, составив новый проект, «австро-венгерское правительство с вниманием отнеслось к существенным потребностям православной церкви и что было бы напрасно ожидать, чтобы оно пошло далее в своих уступках». «Ввиду этого я выразил бар[ону] Каличе готовность исполнить его просьбу и засим дал знать как патриарху, так и его противникам — членам Синода, во главе коих стоит эфесский митрополит, что я не считаю проект духовного устава неудобным, но по-прежнему намерен воздерживаться от всякого вмешательства в это дело»¹¹⁴. Посол рекомендовал эфесскому митрополиту утвердить текст самого статута, а по пяти спорным пунктам договориться об их интерпретации, как того просили представители общин¹¹⁵.

В результате разногласий, уже мало относившихся к боснийско-герцеговинским общинам и церкви, была парализована работа Св. Синода, нарушен церковный устав, в решение споров был вовлечен султан, который, в свою очередь, попросил консультации у Зиновьева. Тогда Зиновьев предпочел уйти от ответа, сославшись на недостаточную информированность, тем самым продолжив придерживаться принципа невмешательства¹¹⁶, хотя реакции от российского посольства, кого оно поддерживает, требовали все стороны конфликта, включая эфесского митрополита¹¹⁷, утверждавшего, что только он и его сторонники защищают «интересы 400 тыс. православных славян Боснии»¹¹⁸. Каличе даже написал письмо греческому послу в Константинополе

¹¹⁴ Герд Л.А. Константинопольский патриархат и России. 1901–1914. С. 110.

¹¹⁵ Записка М. Печанаца. 2 (15) июля 1904 г. 8 мая 1904 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 164а.

¹¹⁶ Герд Л.А. Константинопольский патриархат и Россия. 1901–1914 г. С. 113–114.

¹¹⁷ Отчет драгомана посольства в Константинополе Грамматопулса. 3 сентября 1904 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 164.

¹¹⁸ Строго конфиденциальная записка драгомана посольства в Константинополе М. Грамматопулса. 14 сентября 1904 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 171.

Иоаннису Грипарису с просьбой повлиять на конфликт, но тот отказался встречаться с членами Св. Синода¹¹⁹. К марту 1905 г. Порта стала склоняться к тому, чтобы поддержать патриарха и удалить мятежных митрополитов, поскольку тот был популярен среди греческого населения турецкой столицы. При этом султан не преминул унизить Иоакима и в его лице Константинопольскую церковь: в тескере (указе) Вселенскому патриарху поручалось прекратить распрю, на него возлагалась ответственность за ее последствия, дважды упоминалось, что султан поддерживает его за обещание в будущем руководствоваться фирманами и турецким законом¹²⁰.

Весной 1905 г. возобновились заседания Св. Синода по вопросу о боснийском церковно-приходском уставе. После рассмотрения специальной комиссией по спорным вопросам Синод 31 мая принял следующее решение:

- 1) по пункту о выборах священников Св. Синод поддержал митрополитов и австро-венгерское правительство: священники выбираются митрополитами и получают зарплату от правительства;
- 2) по пункту о консистории: о количестве ее членов и выборной процедуре [Синод] встал на сторону общин, но поддержал митрополитов в той части, где император утверждает членов и платит им зарплату;
- 3) по пункту о церковном суде: Синод принял решение в пользу митрополитов, которые предлагали вести церковные суды секретарям или чиновникам митрополии¹²¹.

Указ, где была расписана таблица со спорными пунктами и уточнениями, кого поддержали Константинопольский

¹¹⁹ Записка. 9 ноября 1904 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 175.

¹²⁰ Герд Л.А. Константинопольский патриархат и Россия. 1901–1914 гг. С. 113–114.

¹²¹ Записка драгомана посольства в Константинополе М. Грамматопулса. 2 июня 1905 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 179–180.

патриарх и Св. Синод, был издан 7 июня 1905 г.¹²² Новый церковный устав Боснии и Герцеговины был окончательно утвержден 3 июля, а обнародован 18 августа 1905 г.

Опыт австро-венгерского управления
в Боснии и Герцеговине
в оценке российского государственного
деятеля и ученого А.Н. Харузина

Модель австро-венгерского управления новоприсоединенными областями заинтересовала одного из разработчиков имперской политики России — Алексея Николаевича Харузина. Он был этнографом, обладавшим большим опытом по изучению народов Средней Азии, чиновником особых поручений при эстляндском губернаторе, секретарем крестьянской комиссии и губернского статистического комитета. На рубеже XIX и XX вв. побывал в Австро-Венгерской империи: в Боснии и Герцеговине и Крайне. Его работа на западе России позволила ему оценить усилия австро-венгерской администрации. После поездок в габсбургские провинции Харузин был назначен управляющим канцелярией виленского генерал-губернатора, затем губернатором Бессарабии, директором Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, товарищем министра внутренних дел России Александра Александровича Макарова¹²³.

В декабре 1899 г. действительный член Императорского Русского географического общества А.Н. Харузин

¹²² Перевод указа Вселенского патриарха Иоакима V. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 514/2. Д. 3671. Босния. Церковный вопрос. 1902–1905. Л. 194–196.

¹²³ См. о нем: Керимова М.М., Наумова О.Б. Алексей Николаевич Харузин — этнограф и антрополог // Репрессированные этнографы. М.: Восточная литература, 2002; Керимова М.М. Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных. М.: Восточная литература, 2011.

подал заявление, прося «нравственной и материальной поддержки» для поездки в Далмацию, Боснию, Герцеговину и Черногорию. Основанием для своей командировки он считал то, что в русской науке, в отличие от европейской, после работ А.Ф. Гильфердинга не появлялось фундаментального исследования о Боснии и Герцеговине. А.Н. Харузин доказывал научную и политическую актуальность изучения оккупированной провинции тем, что такое исследование может прояснить ситуацию в самой России: «Судьба балканских славян, стоящих на рубеже двух культурных миров: “западного” и “восточного”, не лишена аналогии с судьбой нашего отечества»¹²⁴. Русское географическое общество удовлетворило его ходатайство, поездка состоялась в 1900 г., и уже в 1901 г. работа Харузина «Босния-Герцеговина: Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии» была издана. Организовывать поездку по Боснии ему помогал российский консул Г.В. Игельстрём.

Современники внимательно следили за творчеством Харузина, и его труды находили отклик в рецензиях сразу же по выходе в свет. Так получилось и с сочинением «Босния-Герцеговина: Очерк оккупационной провинции Австро-Венгрии». П.А. Ровинский в «Известиях Императорской Академии наук»¹²⁵, А.Н. Пыпин — в журнале «Вестник Европы»¹²⁶ высоко оценили значение работы А.Н. Харузина.

Труд Харузина, посвященный истории и современности Боснии-Герцеговины, написан в форме путевых записок. Названия глав полностью соответствуют пунктам маршрута. План поездки был заранее продуман

¹²⁴ Приложение IX. В Совет Императорского Русского Географического общества // Известия Императорского Русского Географического Общества. Т. 35. Вып. 7. С. 760.

¹²⁵ Ровинский П.А. [Рец. на:] Харузин А.Н. Босния-Герцеговина: Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. М., 1901. СПб., 1902.

¹²⁶ Пыпин А.Н. [Рец. на:] Харузин А.Н. Босния-Герцеговина: Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. М., 1901 // Вестник Европы. СПб., 1901. Т. 2.

и разработан ученым с тем, чтобы к концу путешествия иметь наиболее полное представление об оккупированной Боснии-Герцеговине. Этнограф дал советы заинтересованным читателям, какие посетить города в крае, посмотреть достопримечательности, куда выезжать на экскурсии. В конце 1890-х гг. Босния и Герцеговина были одними из главных туристических мест в Габсбургской монархии¹²⁷.

Книга Харузина представляет собой как фундаментальное историческое сочинение, так и ценный источник о Боснии и Герцеговине конца XIX – начала XX в. Ровинский отметил в своей рецензии, что «к описанию какой-нибудь местности и факта из современной жизни автор приурочивает историю и, наоборот, от исторического факта переходит к современности»¹²⁸. Харузин основывался на своих собственных наблюдениях во время командировки. Также он узнавал о ситуации в крае из рассказов самих жителей. Многие автор знал из работ австро-венгерских исследователей. В конце глав Харузин приводил библиографию по каждому рассматриваемому вопросу.

Очерк истории провинции автор начал с римского периода. Подробнее он остановился на политической истории Боснии и Герцеговины с X в., когда появились первые сведения о них у Константина Багрянородного. Этот раздел А.Н. Харузина направлен на опровержение исторического права на Боснию-Герцеговину венгров и хорватов.

К концу XIX в. стали проявляться результаты реформ австро-венгерского правительства. Автор, в отличие от традиционных путешественников, не остановился на характере топографии и ландшафта, но он уделил много внимания состоянию городов и сел провинции, транспортных путей, архитектурным и художественным памятникам. Харузин с восхищением писал о системе организации транспорта, называя шоссейные дороги «произведением инженерной

¹²⁷ Heuberger V., Heinz I. Bosnien-Herzegowina 1878–1918: alte Ansichte von gelungenen Zusammenleben. Wien: Brandstätter, 1994. S. 40.

¹²⁸ Ровинский П.А. [Рец. на:] Харузин А.Н. Босния-Герцеговина. С. 3.

техники»: «Дороги, прекрасно шоссированные, с большим искусством проведены по горным местностям, через реки смело переброшены мосты, в скалах пробиты туннели. Содержатся дороги идеально»¹²⁹.

Политика индустриального развития, которую проводили общеимперское министерство финансов и оккупационное правительство, действовала разрушающе на ремесленное производство¹³⁰. Харузин отмечал, что простые по форме, но более дешевые товары заводов и фабрик Австрии, Венгрии, Чехии вытесняли с рынка высокохудожественные изделия из кожи, меди, железа, дерева — ножи, кинжалы, сабли, обувь и т.д., — которыми славились боснийские мастера.

Харузин писал об аграрных отношениях и образовательной системе. В провинции, где крестьяне составляли подавляющее большинство населения, решение земельного вопроса было весьма важной задачей. «Вполне понятно, что браться за переустройство аграрного строя для всякого правительства в высшей степени трудно, особенно там, где со стародавних времен наслонилась масса особенностей, обычаев, до которых прикасаться можно лишь с большой осторожностью», — заметил автор¹³¹. Харузин, который изучал земельные отношения и разрабатывал механизмы их решения в Эстляндской губернии Российской империи, весьма детально разобрал правительственные меры. Представляется, что ему было интересно проанализировать их, учитывая, что Россия стояла на пороге аграрной реформы Петра Аркадьевича Столыпина, предполагавшей переселение крестьян.

По мнению Харузина, продолжая выполнять османскую Саферскую наредбу 1859 г. и давая возможность постепенного выкупа земель кметами, общеимперское

¹²⁹ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина: Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. СПб.: Государственная типография, 1901. С. 54–55.

¹³⁰ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX в. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.). М.: Индрик, 2003. С. 334–335.

¹³¹ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина. С. 216.

министерство финансов было право. Харузин отмечал, что местное правительство ежегодно расходовало весьма крупные суммы на сельскохозяйственный сектор, хотя казне это не приносило доходов, а, напротив, было только в убыток¹³². Ученый назвал лишней организацию новых сельскохозяйственных, фруктово-виноградных станций и образцовых крестьянских хозяйств. Он считал, что эти меры «чисто показного характера» неприменимы в реальной жизни из-за низкого «культурного состояния» кметов. Правда, Харузин хвалил власти за то, что начали обучать боснийцев сельскохозяйственным наукам. Было организовано ветеринарное дело, основаны конюшни для улучшения породы лошадей¹³³.

Ученый понимал конструктивность австро-венгерской политики в сфере образования. Он считал, что в отношении учебных заведений «программа оккупационного правительства *теоретически* (курсив в тексте Харузина. — Л.П.) совершенно правильна», так как улучшается качество образования, тогда как «в османское время конфессиональные школы терпимы были, потому что не превышали самого ординарно-элементарного уровня»¹³⁴. Однако православное население без энтузиазма встретило новый порядок. Сопrotивляясь центральному курсу, жители православной веры предпочитали содержать собственные школы или отправлять детей в православные страны, о чем родители с гордостью рассказывали русскому путешественнику¹³⁵. Мусульмане и католики охотнее отдавали своих детей в правительственные школы¹³⁶.

Приехав в разгар борьбы сербов за церковно-школьную автономию, Харузин стал свидетелем того, как Австро-Венгрия разрушает самоорганизацию сербов. Православные сами создавали школы, собирали на них деньги, поэтому естественно,

¹³² Харузин А.Н. Босния-Герцеговина. С. 218.

¹³³ Там же. С. 217–218.

¹³⁴ Там же. С. 296.

¹³⁵ Там же. С. 301.

¹³⁶ Там же. С. 298–299.

что они с трепетом относились к результатам своего труда. Харузина восхищала самостоятельность сербских общин и их борьба за право самим выбирать священников. Особенно раздражал ученого запрет употреблять обозначение «серб» и «сербский» применительно к православному населению. Поэтому ученый подчеркивал, что именно правительство не терпимо к православным. Они, в свою очередь, с подозрением относились к образованию в интерконфессиональных школах и старались отправлять своих детей учиться в православные страны — в Черногорию, Сербию, Россию.

Для Харузина борьба за церковно-школьную автономию была связана с вопросом: движение за автономию — это движение, которое приведет к изоляции и маргинальному положению в Сербии и Черногории или станет основой независимого государства? Изучение перспектив развития Боснии и Герцеговины в таком ракурсе было новым в России.

Харузина как историка и этнографа интересовал религиозный и национальный факторы в жизни региона. В духе сложившейся традиции он доказывал идентичность национальности православных боснийцев и герцеговинцев с остальными сербами Балканского полуострова. Вместе с тем А.Н. Харузин, изучая этнографический материал, не мог не заметить и определенной обособленности жителей Боснии и Герцеговины. Много внимания уделил он анализу общих черт, присущих им. Идею боснийской нации, которую пытался продвигать Б. Каллай, российский ученый не поддерживал, считая ее противодействием сербской народности. По мнению Харузина, австро-венгерское правительство доказывало оформление политической нации на основе результатов исторических, этнографических, археологических, антропологических исследований, а также языка и национального самосознания¹³⁷.

Русский этнограф полагал, что сербы и хорваты начали разделяться еще в X в., когда церковные службы стали проводиться на славянском языке¹³⁸. Окончательное разделе-

¹³⁷ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина. С. 37–38.

¹³⁸ Там же. С. 231.

ние народностей, согласно Харузину, можно отнести к XII – началу XIII в., к периоду после раскола христианской церкви¹³⁹. При том что этнограф считал вероисповедание немаловажным фактором, он призывал не абсолютизировать его¹⁴⁰. Еще одним признаком принадлежности к сербской, или православной, народности, ученый определял кириллический шрифт, тогда как хорватская, или католическая, народность использовала латиницу¹⁴¹. Разделение на сербов и хорватов не относилось до 1878 г. к жителям Боснии и Герцеговины: «Католик (Боснии и Герцеговины. — Л.П.) не называет себя хорватом. Он просто “католик”»¹⁴². Харузин стал свидетелем процессов, как формируется национальное самосознание. «Ему (католику. — Л.П.), незнакомому с понятием о национальности, принять ту или другую легко, легче всего хорватскую, соседнюю, говорящую на одном с ним языке и исповедующую одну с ним веру», — отметил этнограф¹⁴³. Основным инструментом создания хорватской нации в Боснии и Герцеговине была школа: «Мысль эта проводится в учебниках, особенно в учебниках грамматики и вообще языка»¹⁴⁴. «Хорватам пришла на помощь вся система оккупационного управления: из 70 848 иностранцев в Боснии-Герцеговине в 1895 г., прибывших, чтобы работать в школах, в административном аппарате, промышленных и сельскохозяйственных предприятиях и др., из Хорватии приехало 32 754 человека», — писал путешественник¹⁴⁵. Процесс был пока не закончен, поэтому Харузин писал: «Пока еще преждевременно говорить, насколько помянутая политическая проповедь хорватов пускает корни в Боснии всесторонне»¹⁴⁶. Кроме

¹³⁹ Там же. С. 232, 241–242.

¹⁴⁰ Там же. С. 38.

¹⁴¹ Там же. С. 49.

¹⁴² Там же. С. 34–35.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. С. 35.

¹⁴⁵ Там же. С. 98.

¹⁴⁶ Там же. С. 35.

того, ученый упоминал, что в крае можно было встретить «лиц, именующих себя в разговоре с сербом соседних стран “босняками” и показывающих не без ударения, что они не “братья” сербам, а принадлежат к народности особого рода»¹⁴⁷.

Что касается ислама, то путешественник полагал, что жители Боснии и Герцеговины приняли его в первую очередь из-за социальных и экономических привилегий¹⁴⁸, хотя и не исключал искренние чувства новых приверженцев ислама¹⁴⁹. А.Н. Харузин в своем «Очерке» заметил: «К кому примкнут вожаки магометан новой формации — к православной или к католической части населения, — сказать с определенностью не представляется возможным. Во всяком случае, от них, то есть от магометан, в значительной степени стоит в зависимости разрешение вопроса — должна ли Босния-Герцеговина остаться страной сербскою или превратиться в страну хорватскую»¹⁵⁰.

Весьма ценны замечания этнографа о реакции местных жителей на изменения в повседневной жизни. Большая часть населения Боснии и Герцеговины оставалась консервативной и сопротивлялась изменениям. Консерватизм боснийцев Харузин называл «национальной стойкостью», которая «до того характерна для Боснии-Герцеговины в течение всей ее жизни, что ее нельзя не отметить». При этом край претерпевал эволюцию: «Страна изменялась, приобретала в известном смысле новую физиономию, но, усвоив себе раз, хотя бы и с трудом, что-либо, страна на этом стояла, готовая жертвовать даже жизнью»¹⁵¹. В случае с реформами танзимата консерватизм привел, как считал ученый, к гибели всей страны, не пожелавшей адаптироваться и принять изменения в Османской империи¹⁵².

¹⁴⁷ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина. С. 35.

¹⁴⁸ Там же. С. 247–248; Capus G. A Travers la Bosnie et l'Herzégovine. Paris: Librairie Hachette, 1896. P. 119.

¹⁴⁹ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина. С. 246.

¹⁵⁰ Там же. С. 257.

¹⁵¹ Там же. С. 195.

¹⁵² Там же.

В начале XX в., по наблюдениям А.Н. Харузина, сельские жители избегали нововведений, даже в том, что, казалось бы, шло и им на пользу, например дорог. То, что вся «страна живет и движется на старый лад», он объяснял несоответствием уровней развития «азиатского региона и европейской империи», османскому вилайету нужно было «дорасти» до австро-венгерской провинции. Этнограф отметил, что «культурное состояние Боснии-Герцеговины и по сие время таково, что местное население [...] не нуждается в шоссированных дорогах, настоящая эксплуатация их — дело будущего. [...] Население, соответственно своему культурному уровню, предпочитает горные тропы»¹⁵³. Точно так же боснийцам и герцеговинцам не нужны были гостиницы и курорты¹⁵⁴. Ими пользовались только иностранные туристы. Несмотря на то что многие боснийцы-герцеговинцы стали одеваться в европейском стиле, немало людей по-прежнему отдавало предпочтение традиционной одежде, которая мало отличалась у представителей разных религий¹⁵⁵.

Этнограф не мог не отметить в своей работе проблемы, которые принесла дуалистической системе оккупация Боснии и Герцеговины. Он писал: «Чтобы идти по пути территориального увеличения, Австро-Венгрия должна первым делом переменить весь свой внутренний политический строй»¹⁵⁶. Харузин, излагая историю края, много писал об аргументах, которые венгры приводили в пользу своего права владеть Боснией. В Средние века некоторые боснийские территории входили в состав земель венгерской короны. В качестве герба оккупированной провинции был принят геральдический символ области Рамы, которой владел венгерский король Хырвоя (рука со щитом), а не герб собственно боснийских королей. Тем самым Босния-Герцеговина как бы была включена в состав Венгрии, а не всей дуалистической монархии,

¹⁵³ Там же. С. 55.

¹⁵⁴ Там же. С. 103.

¹⁵⁵ Там же. С. 70.

¹⁵⁶ Там же. С. 35.

считали венгры¹⁵⁷. У австрийцев не существовало исторического права на эти территории, но они не могли согласиться на усиление венгерской части империи и, следовательно, на нарушение баланса в монархии, писал путешественник. По мнению Харузина, ни одна из частей не имела права на оккупированные территории, поскольку империя не тратила деньги на их развитие, а содержала только войска¹⁵⁸.

Харузин обратил внимание на отношение австро-венгерского правительства к идее сербской нации и на последствия, к которым может привести ее развитие. Он полагал, что венский кабинет зарекомендовал себя «заядлым врагом всего сербства или, на что сводится вся суть дела, православия» — и в своих границах, и за своими пределами, тем самым вызывая ответное сопротивление и вражду. По наблюдениям путешественника, не все сербы, особенно учитывая события в Сербском княжестве, хотели жить в самостоятельном и независимом государстве. «Есть сербы, и среди них нередки видные руководители, которые теоретически ничего не имеют против принадлежности своей к Австро-Венгрии», — писал он, однако не уточнял, кого именно имеет в виду. Этнограф советовал центральной власти отказаться от идей «германизации и мадьяризации славян и от окатоличения православного элемента», поскольку было понятно, что невозможно победить целую религию. Он также ссылаясь на достижения науки своего времени, которые звучат и сейчас, в XXI в., весьма актуально и конструктивистски: «...наука-то и доказывает, что чистых рас не существует и что политическая народность определяется языком и национальным самосознанием». Если Вена не воздержится от своей политики, направленной против идеи сербской нации, предсказывал Харузин, вся Австро-Венгрия перестанет существовать как «государственный организм»¹⁵⁹.

¹⁵⁷ Харузин А.Н. Босния-Герцеговина. С. 11.

¹⁵⁸ Там же. С. 36.

¹⁵⁹ Там же. С. 37–38.

Босния и Герцеговина — часть Габсбургской монархии (1908-1914 гг.)

Начало столетия характеризовалось нарастанием напряженности в мире в целом и на Балканах в частности. Переориентация России на Дальний Восток привела к войне с Японией. Окончательные контуры обрела Антанта в противовес Тройственному союзу. Свержение династии Обреновичей превратило Сербию в центр притяжения югославян Габсбургской монархии. Восстание в Македонии напомнило о нерешенных национальных проблемах, назревал конфликт между балканскими странами и Турцией¹. Для решения этих проблем Россия и Австро-Венгрия в 1903 г. подписали Мюрцштегское соглашение. Таможенная война, так называемая свиная война между Сербией и Австро-Венгрией, привела к значительному укреплению политических и экономических позиций Белграда².

Заключительная глава посвящена периоду с 1908 по 1914 г. История международного кризиса, связанного с аннексией Боснии и Герцеговины, изучена довольно подробно. Нам бы хотелось уточнить некоторые моменты,

¹ *Виноградов В.Н.* Восточный вопрос в большой европейской политике // В «пороховом погребе Европы». 1878-1914 гг. / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.). М.: Индрик, 2003. С. 27-28.

² *Искендеров П.А.* Албания в международных отношениях 1878-1908 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878-1914 гг. / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.). М.: Индрик, 2003.

касающиеся кризиса не столько как пролога Первой мировой войны, сколько изменений в жизни боснийцев и герцеговинцев.

Присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии

В начале XX в. венский кабинет обсуждал строительство железной дороги в Новипазарском санджаке. Б. Каллай аргументировал строительство новой линии тем, что она способствовала бы дальнейшему разделению Сербии и Черногории, влиянию на отношения между Старой Сербией и Македонией. Помимо того, железная дорога имела экономическое значение для развития торговли на Балканах³. Долгое обсуждение строительства (стороны не могли договориться о том, в какую сторону строить — на юг или на запад, кто будет финансировать — государство или частные компании, какой будет колея) означало экономические противоречия между двумя частями монархии. В 1902 г., когда в монархии была достигнута договоренность о финансировании строительства линии Сараево — Увац, возникли противоречия между Берлином и Веной, а затем — между Веной и Петербургом⁴. Надо упомянуть, что опасения российского МИДа по поводу железной дороги по направлению к Новипазарскому санджаку появились сразу после начала дискуссии о ее строительстве: «Обладание важным стратегическим и торговым путем от границ оккупированных областей чрез турецкую территорию к берегам Эгейского моря значительно подрывало бы установившиеся равновесие, и притом в ущерб прямым экономическим интересам

³ Somogyi E. Einleitung // Die Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates der österreichisch-ungarischen Monarchie 1867–1918. Bd. 5. 1896–1907 / bearb. von E. Somogyi. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. S. LXV.

⁴ Ibid. S. LVIII–LXIX.

Сербии»⁵. В 1902 г. российский посол в Вене П. А. Капнист уверял МИД, что Австро-Венгрия не пойдет дальше на юг Балканского полуострова, так как она «не хочет и не может пойти и не пойдет ни в Албанию, ни в Салоники, как постоянно стараются инсинуировать ее противники», а направит все свои силы на удержание и инкорпорацию того, чем она уже владеет, — Боснии и Герцеговины⁶. Министр В. Н. Ламздорф на встрече с коллегой А. Голуховским не выразил протест по поводу новой линии⁷.

Петербургский кабинет после того, как сербы в Боснии и Герцеговине получили автономию, вероятно, отстранился от проблем оккупированных провинций Австро-Венгрии. У России было достаточно своих внутренних и внешних задач: она столкнулась с последствиями революции и войны с Японией.

После 1905 г. в Боснии и Герцеговине начался рост числа культурных и социально-политических объединений. Если в 1905 г. было 266 клубов и обществ, то в 1908 г. — 604, в которых состояло 79 тыс. человек⁸. Такая же активная общественная жизнь наблюдалась в Габсбургской монархии и других европейских странах в 1860-х – 1870-х гг.; тогда ассоциации делились по этническим «рубежам»⁹. По такому же принципу «этнически» разделенных сетей общественности¹⁰ возникли ор-

⁵ Секретная телеграмма министра В. Н. Ламздорфа послу в Вене П. А. Капнисту. Ялта, 22 октября 1900 г. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3201. Соглашение с Австрией. Весьма секретное дело. 1900–1910 гг. Л. 2.

⁶ Копия доверительного письма посла в Вене П. А. Капниста. Вена, 21 января 1902 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 432. Affaires politiques secrètes. 1897–1902. Л. 145об.

⁷ Wank S. Aehrenthal and the Sanjak of Novibazar Railway Project: A Reappraisal // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 42. No. 99 (Jun., 1964). P. 358.

⁸ Okey R. *Taming Balkan Nationalism. The Habsburg 'Civilizing Mission' in Bosnia, 1878–1914*. New York: Oxford University Press, 2007. P. 144.

⁹ Хоффманн Ш.-Л. Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914 / пер. с немецкого Ю. В. Коряков, Д. А. Сдвижков; ред. пер. Д. А. Сдвижков. М.: Новое литературное обозрение, 2017. (Серия STUDIA EUROPAE.) С. 78.

¹⁰ См. об этом: Хоффманн Ш.-Л. Социальное общение и демократия. С. 66–81.

ганизации и в Боснии и Герцеговине, затем на их основе оформились политические партии¹¹. Одними из самых активных деятелей, занимавшихся созданием социально-политических объединений, стали те, кто добивался церковно-школьной автономии.

Группа, которая вела борьбу за церковный устав, в том же, 1905 году основала газету *Српска ријеч* («Сербское слово»). Наиболее видными ее представителями были признанные лидеры Глигорие Евтанович и Воислав Шола — они представляли старшее поколение политических деятелей. Второй по численности была группа, выступавшая за идеи югославизма и издававшая в Мостаре газету *Народ*. В Баня-Луке действовали интеллектуалы во главе с Петаром Кочичем; их печатным органом была газета *Отаџбина* («Отечество»). Наименьшую по численности сербскую группу, чьим лидером был Лазар Димитриевич, поддерживали власти в Сараеве. Ее изданием был журнал *Дан* («День»), публиковавшийся с 1905 г. Группу Димитриевича иногда выделяют в отдельную Сербскую национальную независимую партию¹².

Человеком, который объединил два больших сербских лагеря, «отцов и детей» сербского движения Боснии и Герцеговины, считается Милан Сршкич¹³. Родившись в Белграде в семье торговцев, переселенцев из Боснии, после возвращения семьи в Сараево он отучился в православной церковной школе, а затем окончил юридический факультет Венского университета. В 1905 г., вернувшись в Боснию, женился на дочери Глигорие Евтановича и активно включился в борьбу за автономию. В мае 1907 г. при участии Сршкича лидеры двух самых многочисленных сербских групп,

¹¹ См. об этом на русском языке, например: Романенко С.А. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии. 1890–1918 гг.: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2013; Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг.: Очерки / отв. ред. О.В. Хаванова. М.: Индрик, 2018.

¹² Крестућ В., Љушић Р. Програми и статути српских политичких странака до 1918 године. Београд: Књижевне новине, 1991. С. 289–300, 381–384.

¹³ Donia R. Sarajevo. A Biography. London: Hurst & Company, 2006. P. 103–104.

объединившись во временный комитет, приняли в Сараеве резолюцию о необходимости создания на демократической основе политической и экономической организации, которая бы боролась за полную автономию, гражданские свободы и конституцию. Цель могла быть достигнута только посредством совместной работы с мусульманами. Такая организация должна была быть создана на съезде делегатов со всей Боснии и Герцеговины. Общеимперское министерство финансов, узнав о майской резолюции, потребовало от боснийского областного правительства принять меры против членов временного комитета. Местные власти не нашли подписание резолюции противоречащим ни уголовному праву, ни закону о печати.

В Сараеве 27–31 октября 1907 г. состоялся съезд сербов Боснии и Герцеговины, известный под названием «Митровданская скупщина». На заседаниях, проходивших в закрытом режиме, 71 делегат сформировал Сербскую национальную организацию (СНО) и принял ее программу. Наиболее дискуссионным был вопрос о сотрудничестве с мусульманами, однако в конце концов съезд решил заключить договор с исполнительным комитетом уже существовавшей на тот момент Мусульманской национальной организации и постараться «как можно дольше предотвращать разрыв с мусульманами»¹⁴. В том же 1907 году оформились две другие основные партии: Мусульманская национальная организация и Хорватский католический союз.

Общемперский министр, управлявший оккупированными провинциями, граф Иштван Буриан уже после объявления о формировании сербской партии отметил на заседании совета министров 1 декабря 1907 г., что это объединение не опасно для монархии и что в ее интересах сотрудничать с сербами, которых на долгое время упустили из виду и к которым относились с недоверием. По мнению Буриана, правительству следовало пропорционально выполнять требования всех трех групп, населявших

¹⁴ *Imamović M. Pravni položaj i unutrašnje-politički razvitak Bosne i Hercegovine: od 1878. do 1914. Sarajevo: Bosanski kulturni centar, 1997. S. 149–161.*

оккупированные территории, но сербам необходимо было создать противовес¹⁵.

Большая часть сербской интеллигенции в Боснии и Герцеговине поддерживала хорвато-сербскую коалицию в Хорватии и Славонии. Однако Евтанович полагал, что в Боснии невозможна поддержка сербов, участвовавших в коалиции. По мнению Евтановича, нужно было и дальше поддерживать Венгрию и венгров, потому что это соответствовало интересам боснийских сербов. Евтанович призывал не разводить полемику и сохранять единство. Он выступал за то, чтобы не переносить проблемы сербов Венгрии и Триединого королевства в боснийский дискурс¹⁶.

Эти важные изменения в политической жизни боснийцев были следствием политики министра финансов Иштвана Буриана. После назначения в 1903 г. он собирал данные об оккупированных территориях. Вся информация была опубликована в большом отчете 1906 г.¹⁷ После анализа материалов, в мае 1907 г. Буриан подал на имя Франца Иосифа памятную записку¹⁸. Вначале Буриан выражал мнение о раннем этапе управления оккупированными провинциями. Он считал большим достижением введение гражданской администрации, признавая, что режим управления мог быть только авторитарным. «Время, когда провинция была лишь объектом управления, монархия использовала весьма эффективно», — заключил министр¹⁹. Но пришла пора предпринять

¹⁵ *Imamović M. Pravni položaj i unutrašnje-politički razvitak Bosne i Hercegovine: od 1878. do 1914. Sarajevo: Bosanski kulturni centar, 1997. S. 163.*

¹⁶ *Ibid. S. 165–166.*

¹⁷ *Bericht über die Verwaltung von Bosnien und Herzegowina. 1906 /hrsg. von k. u. k. gemeinsamen Finanzministerim. Wien, 1906.*

¹⁸ *Памятная записка министра финансов Австро-Венгрии И. Буриана. Май 1907 г. ГАРФ. Ф. Р-8091. Оп. 53. Ед. хр. 17. Переписка ответственных лиц Австрии и Венгрии по вопросам усовершенствования австро-венгерского законодательства 1867 года, о ликвидации правительственного кризиса в Австро-Венгрии о положении в Хорватии и Боснии с Герцеговиной. Л. 426–458.*

¹⁹ Там же. Л. 434.

другие шаги. Он привел несколько аргументов в пользу изменений в управлении Боснией и Герцеговиной.

Буриан писал: «Уже через десять лет невозможно было скрывать, что посеянные семена культуры дали всходы, иногда медленно, но в некоторых случаях намного быстрее, чем планировалось; жизнь и работа в безопасности вернули в гражданах чувство собственного достоинства, объединения и конфессии стали развиваться, правящие классы стали искать политическую ориентацию». Триумфом австро-венгерского управления Буриан назвал начало политической жизни в провинции. Министр видел четкую связь между развитием культурной и экономической жизни и развитием национального самосознания жителей. Администрации, отмечал министр, все сложнее действовать только в культурной сфере и оставаться нейтральной в политическом плане. Общественная жизнь: образовательные и культурные учреждения, пресса, общественные организации, объединения рабочих, общины — будут только развиваться и желать большей свободы и широкого участия в управлении краем. Кроме того, Буриан высоко оценивал качество управления. По его мнению, администрация уже могла получить самостоятельность и не контролироваться из Вены.

Описывая состояние боснийско-герцеговинского общества, Буриан обращал внимание монарха на то, что, несмотря на конфессиональные различия, у жителей есть сильная региональная идентичность (*ein starkes Staatsangehörigkeit-Bewusstsein*). Причем она сформировалась у христиан давно, у мусульман — только с новым австро-венгерским порядком. Указав на это, Буриан раскритиковал предыдущую администрацию, то есть Каллая, за то, что он долго игнорировал национальное самосознание. «К началу моего назначения министром уже давно было совершенно ясно, что попытка ввести понятия “боснийская нация”, “боснийский язык” и тому подобного провалилась», — подчеркивал Буриан²⁰. С тече-

²⁰ Памятная записка министра финансов Австро-Венгрии И. Буриана. Май 1907 г. ГАРФ. Ф. Р-8091. Оп. 53. Ед. хр. 17. Переписка правительственных лиц Австрии и Венгрии по вопросам усовершенствования

нием времени боснийцы стали «достаточно взрослыми, чтобы понимать призывы» Сербии, Черногории, Хорватии и Далмации, которые сделали Боснию и Герцеговину объектом своих aspirations. Желание хорватов присоединить Боснию и Герцеговину не опасно для монархии. Сербское королевство же, писал Буриан, использует все средства, чтобы овладеть Боснией: деньги, эмиссаров, книги, ложь, клевету, обвинения, бесстыдные обещания. По мнению министра, надо было это все пресечь. Если же сотрудничество боснийцев с соседними государствами будет слишком активным и направленным против монархии Габсбургов, в оккупированных провинциях невозможно будет использовать австро-венгерский закон о предательстве.

Рано или поздно придется довести свою миссию по оккупации до конца и прекратить ее временный характер, отмечал Буриан. Министр опасался, что к этому могут подтолкнуть внутреннее развитие провинций или действия Сербии. Поэтому он предлагал, не дожидаясь наступления нежелательных событий, взять инициативу на себя: либо провести плебисцит, либо созвать новый конгресс²¹.

Кроме того, Буриан рекомендовал дать провинции в будущем автономию. «Это неизбежно», — подчеркивал министр. Пока авторитет монархии в Боснии высок, надо было успеть заинтересовать и вовлечь в государственное управление самих жителей.

Буриан признавал в записке, что в его компетенции не входит выражать мнение по поводу того, в какую часть монархии должны войти Босния и Герцеговина. Однако он отмечал, что это вопрос будущего дуалистической системы и решения югославянского вопроса. По мнению Буриана, если бы Хорватия и Далмация стали единым королевством, то отпала бы и проблема их притязаний к оккупированным территориям. Пока же министр просто констатировал,

австро-венгерского законодательства 1867 года, о ликвидации правительственного кризиса в Австро-Венгрии о положении в Хорватии и Боснии с Герцеговиной. Л. 434.

²¹ Там же. Л. 455–458.

что Босния и Герцеговина рассматриваются в качестве имперских владений (*Reichsland*)²².

Скоро представился случай объявить аннексию, тем более с 1905 г. министром иностранных дел стал энергичный Алоиз Эренталь, которого нередко называли «австрийским Бисмарком». При вступлении в должность он обвинил своего предшественника А. Голуховского в том, что тот ослабил позицию Австро-Венгрии на международной арене своей пассивностью и уступками венгерским сепаратистским требованиям²³.

Видя угрозу для целостности Османской империи после Ревельского свидания Николая II и Эдуарда VII в июне 1908 г., младотурецкий комитет «Единение и прогресс», установив контакты с македонской революционной организацией Яне Санданского и жителями албанских областей, поднял восстание в армейских частях в Македонии. Младотурки заявляли о либеральном, реформаторском плане модернизации и консолидации Османской империи. 24 июля султан Абдул Хамид подписал указ, восстанавливавший конституцию 1876 г., были приняты постановления, отменявшие цензуру и даровавшие политические права. Во главе правительства был поставлен англофил Кямиль-паша; новые власти провели выборы в парламент. Что касается внешнеполитической ориентации младотурецких лидеров, то они стремились наладить отношения со странами с либеральным и конституционным строем, прежде всего с Англией²⁴.

Младотурецкая революция была сигналом общеимперским министрам и императору-королю Австро-Венгрии Францу Иосифу, что пора менять правовое положение

²² Там же. Л. 446.

²³ Wank S. Aerenthal's "Holy Mission". Some Psychological Notes for a Biography // Brennpunkt Mitteleuropa: Festschrift für Helmut Rumpler zum 65. Geburtstag / U. Burz (Hrsg.). Klagenfurt: Carinthia, 2000. P. 408.

²⁴ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. Н.С. Киняпина. М.: Наука, 1978. С. 310–311. О Младотурецкой революции см. подробнее: Шпилькова В.М. Младотурецкая революция 1908–1909. М.: Наука, 1977.

Боснии-Герцеговины. Новое турецкое правительство было решительно настроено провести выборы в парламент и ввести конституцию, в том числе и в Новипазарском санджаке, занятом австро-венгерскими войсками и управляемом Стамбулом. Это обстоятельство должно было вызвать протест жителей Боснии и Герцеговины. Посол России в Вене Л.П. Урусов верно заметил, что «турецкие подданные двух оккупированных областей будут единственными гражданами Балканского полуострова, не пользующимися конституционным режимом». Хотя в венском правительстве считали, что оккупированные провинции «еще не дозрели до введения конституционного образа правления», и как бы «справедливо ни было», по мнению Урусова, такое отношение австро-венгерских государственных деятелей, «незрелость населения никогда и нигде не послужила препятствием к введению конституции». По прогнозам дипломата, Австро-Венгрия в случае аннексии ограничится учреждением местного сейма и административных советов и не будет вводить реальный представительный орган²⁵.

Венскому правительству нужно было договориться об изменении статуса Боснии и Герцеговины со странами — участницами Берлинского конгресса 1878 г., предоставившими двуединой монархии мандат на оккупацию и управление. Главной задачей было получение согласия стамбульского и петербургского кабинетов на аннексию оккупированных территорий, несмотря на то что Эренталь назвал в парламенте уже 24 января 1908 г. Боснию и Герцеговину владениями Австро-Венгерской империи²⁶. Как сказал министр в своей

²⁵ Дешеша посла в Вене Л.П. Урусова. Вена, 23 июля (5 августа) 1908 г. № 56. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3172. Вопрос о правовом положении босно-герцеговинцев вне пределов Турции и Австро-Венгрии и о юридическом положении иностранцев в пределах Боснии и Герцеговины. 1904–1908 гг. Л. 8.

²⁶ Секретный рапорт военного агента полковника Марченко в Главное управление Генерального штаба от 30 января 1908 г. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 670. Донесения русских военных агентов в Австро-Венгрии и Сербии о Боснии и Герцеговине и взаимоотношениях Австро-Венгрии с Сербией. 30 января 1908 г. – 27 октября 1909 г. Л. 1.

речи, основанием для присоединения провинций является то, что жители Боснии и Герцеговины «уже годами привлекаются Австрией к несению воинской повинности»²⁷, хотя христианские подданные османского султана не должны были нести службу.

В августе 1908 г. австро-венгерские министры на общемперском совете уже обсуждали юридическую часть аннексии — изменения в существующие акты, а также новые законы. На одном из заседаний венгерский министр-президент Шандор Векерле подчеркнул, что аннексия не будет удачной, пока не прекратится подрывающее движение в южнославянских землях, особенно в Сербии. При этом Векерле настаивал на том, что аннексия должна пройти в рамках дуалистической системы и что вопрос о триализме не должен подниматься. Он предположил, что аннексия может быть объявлена на основании права святой венгерской короны на свои бывшие территории²⁸. Австрийский министр-президент Макс Владимир фон Бек признавал, что вопрос об аннексии серьезнейший — означающий нарушение (*Zerreiung*) Берлинского трактата. Чтобы не возникло никаких осложнений, для избавления от которых надо будет принять финансовые и военные меры, по мнению Бека, надо было без долгих дипломатических приготовлений объявить аннексию. Однако он воспротивился аргументу венгерской стороны о праве включать провинции в земли короны святого Стефана: они принадлежали ей очень давно и очень короткое время, а Австрия не может так просто отказаться от провинций, потому что она приобретала их жизнью и кровью своих граждан (*Staatsburger*)²⁹.

²⁷ Там же. Л. 16–16об.

²⁸ Die Protokolle Nr. 3. Wien, 19.08.1908 // Die Protokolle des gemeinsamen Ministerrates der sterreichisch-ungarischen Monarchie 1867–1918. Bd. 6. 1908–1914 / bearb. von A. Schmied-Kowarzik. Budapest: Akademiai Kiad, 2011. S. 184–185.

²⁹ Die Protokolle Nr. 3. Wien, 19.08.1908 // Die Protokolle des gemeinsamen Ministerrates der sterreichisch-ungarischen Monarchie 1867–1918. Bd. 6. 1908–1914. S. 184–188.

Затем началась подготовка к дипломатическим переговорам об изменении статуса Боснии и Герцеговины³⁰. Отпуск, предоставленный главой Балхаусплатца австро-венгерскому послу в Петербурге графу Леопольду фон Берхтольду, «совпал» с лечением в Карлсбаде русского министра графа Александра Петровича Извольского в августе 1908 г., когда Эренталь через своего посла мог переговорить о важных изменениях на Балканском полуострове. На водах Извольский убедился: памятная записка Эренталья от 22 августа 1908 г. означала, что Вена решила объявить об аннексии. Еще более важным министр считал, что Австро-Венгрия решила эвакуировать оккупационный корпус из Новипазарского санджака, желая избежать «бесчисленных затруднений, которые [...] предвидит для себя в этой стране»³¹.

Управляющий МИДом Н.В. Чарыков писал Извольскому: план Эренталья по аннексии Боснии и Герцеговины не «затрагивает ни стратегических, ни экономических наших интересов».

³⁰ Об аннексионном кризисе см. подробнее: *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис: пролог первой мировой войны. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964; *Лунева Ю.В.* Боснийский кризис 1908–1909 годов: провал тайной сделки Извольского и Эренталья // Новая и новейшая история. 2009. № 2; *Лунева Ю.В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М.: Квадрига, 2010; *Агансон О.И.* Политика Великобритании в Юго-Восточной Европе в условиях кризиса Балканской подсистемы международных отношений: 1903–1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; *Вишняков Я.В.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. и славянский вопрос // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 1 (16); *Bridge F.R.* From Sadowa to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary. 1866–1914. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1972; *Adam K.* Großbritanniens Balkandilemma: die britische Balkanpolitik von der Bosnischen Krise bis zu den Balkankriegen 1908–1913. Hamburg: Kovač, 2009; *Wank S.* In the Twilight of Empire. Count Alois Aerenenthal (1852–1912). Imperial Habsburg Patriot and Statesman. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2009; *Rauscher W.* Die fragile Großmacht: Die Donaumonarchie und die europäische Staatenwelt 1866–1914. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. Teil 2; и др.

³¹ Письмо министра А.П. Извольского товарищу министра Н.В. Чарыкову. Карлсбад, 20 августа (2 сентября) 1908 г. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3201. Соглашение с Австрией. Весьма секретное дело. 1900–1910 гг. Л. 79–79об., 84об. Документ опубликован: Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики во время Боснийского кризиса // Исторический архив. 1962. № 5.

Что касается значения для провинций, Чарыков был уверен, что положение ее населения «не ухудшится от формального присоединения: даже, наоборот, ему так или иначе прибавится гражданских или политических прав, а германизация или мадьяризация для него нынче уже не страшна»³².

Изучив подготовленные архивные документы, касающиеся боснийской проблемы в русско-австрийских отношениях, глава российской дипломатии Извольский составил встречный план требований компенсаций и гарантий. Он полагал, что это эффективнее, чем «ограничиться бесплодным протестом или прибегнуть к угрозам, что может повести затем и к враждебным действиям». Дипломаты обсуждали на водах предстоящие условия провозглашения присоединения. Русский министр узнал, что венский кабинет согласен связать вопрос об аннексии с проблемой проливов. Так как вопрос о проливах отдельный и секретный, надо было, по мнению министра, найти более очевидное последствие: «У меня явилась такая мысль: помимо соглашения о проливах можно было бы в этой или другой форме заручиться согласием Австро-Венгрии на провозглашение независимости Болгарии и королевского титула для князя Фердинанда. Это послужило бы, так сказать, осязаемым эквивалентом, подтвердило бы отсутствие у нас эгоистических целей»³³. Таким образом, предложение Извольского было реализацией идеи, которая появилась еще в 1880-х гг.³⁴

³² Копия письма товарища министра Н.В. Чарыкова министру А.П. Извольскому. 28 августа 1908 г. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3201. Соглашение с Австрией. Весьма секретное дело. 1900–1910 гг. Л. 113–114. Документ опубликован: Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики во время Боснийского кризиса // Исторический архив. 1962. № 5.

³³ Письмо министра А.П. Извольского товарищу министра Н.В. Чарыкову. Карлсбад, 20 августа (2 сентября) 1908 г. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3201. Соглашение с Австрией. Весьма секретное дело. 1900–1910 гг. Л. 82. Документ опубликован: Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики во время Боснийского кризиса // Исторический архив. 1962. № 5.

³⁴ О Болгарии см., например: Марков Г. Возникновение независимого Царства Болгария в ходе балканского кризиса 1908–1909 годов // Славяноведение. 2009. № 3.

На чешском курорте русский дипломат договорился о личной встрече с А. Эренталем — свидание состоялось в замке Бухлау 15 сентября. Австро-венгерский министр сообщил своему российскому коллеге, что объявление аннексии оккупированных областей состоится в Делегациях, которые откроются примерно 6 октября. Окончательное решение должно было быть принято после инспекционной поездки в Боснию-Герцеговину общеимперского министра финансов Иштвана Буриана.

На основе консульских донесений из Фиуме и Сараева в министерстве иностранных дел пришли к выводу, что сложное положение, в котором оказывалась дунайская монархия вследствие аннексии, было выгодно для Петербурга. Для всех был очевидным глубокий кризис дуалистической системы Австро-Венгрии. Например, Чарыков рассуждал следующим образом: «Вена допускает издание в Венгрии избирательного закона, благоприятного мадьярам, и отдать последним на съедение Кроацию, Пешт согласен на окончательное присоединение Далмации к Австрии и Боснии и Герцеговины к Далмации. Признаюсь, эта комбинация меня мало печалит: слияние Боснии и Герцеговины с Далмацией дает в последней окончательный перевес славянскому, и притом православно-сербскому, элементу; оно уничтожит легендарное триединое кроато-католическое царство — “Царство Звонимира”, оно дает в венском рейхсрате голосов 20 новых славян, и притом православных, и тем закрепит там уже теоретически существующее славянское большинство на благо Крамаржу и его, и нашим политическим друзьям. В Загребе сербско-кроатская коалиция не распадется, а еще теснее сплотится под мадьярским напором, а съесть Кроацию нелегко и скоро нельзя»³⁵.

В российском МИДе анализировали ситуацию и в самой Боснии и Герцеговине. Дипломаты понимали,

³⁵ Копия письма управляющего делами МИД Н.В. Чарыкова министру А.П. Извольскому. Рейд «Штандарт», 8–9 сентября 1908 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 204. Секретные переговоры с Австрией. 1908 г. Л. 6. Документ опубликован: Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики во время Боснийского кризиса // Исторический архив. 1962. № 5.

что аннексия может вызвать недовольство мусульманского населения Боснии и Герцеговины, возможно даже совместное мусульманско-христианское вооруженное восстание. Такой вариант развития событий допускался только в том случае, если бы у Вены не было договоренности с Портой о передаче оккупированных областей³⁶. Однако даже в случае конфликта между армией дуалистической монархии и мусульманскими жителями оккупированных территорий петербургские дипломаты не увидели «опасности или вреда для русских интересов»³⁷.

По данным российских военных агентов, изучавших настроения в Боснии и Герцеговине, население разделилось на четыре части, которые были условно названы партиями:

- 1) австрийская: чиновники, купцы, банкиры, ремесленники — те, кто сам приехал из империи;
- 2) хорватская (католики) во главе с епископом Йосипом Штадлером — выступала за присоединение к Австро-Венгрии;
- 3) сербская (православные) вместе с лидером Глигорием Евтановичем — стремилась к полной внутренней автономии, требуя, чтобы все гражданские власти были выборными от местного населения. Агент приписал комментарий: «Самая сильная партия»;
- 4) мусульманская, которая, в свою очередь, делилась на тех, кто:
 - а) был сторонником присоединения к монархии. Русский военный агент указал: «партия, купленная австрийским правительством»;

³⁶ Копия письма управляющего делами МИД Н.В. Чарыкова министру А.П. Извольскому. 28 августа 1908 г. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3201. Соглашение с Австрией. Весьма секретное дело. 1900–1910 гг. Л. 117–117об. Документ опубликован: Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики во время Боснийского кризиса // Исторический архив. 1962. № 5.

³⁷ Доклад управляющего делами МИД Н.В. Чарыкова императору Николаю II. Яхта «Штандарт», 29 августа (9 сентября) 1908 г. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3201. Соглашение с Австрией. Весьма секретное дело. 1900–1910 гг. Л. 93об.

- б) поддерживал партию Г. Евтановича;
- в) был за возвращение в Османскую империю и выступил «на второй день после объявления конституции в Турции с манифестом к народу о возвращении под державу султана»³⁸.

Таким образом, российское правительство было сформировано, что жители оккупированных территорий не собираются выступать с широкими антиавстрийскими лозунгами.

Относительно перспектив Сербии и Черногории русские дипломаты летом 1908 г. понимали, что эти балканские государства утратили шансы на присоединение Боснии и Герцеговины. Н.В. Чарыков писал: «От притязаний на эти области обоим государствам придется отказаться надолго, если не навсегда». Правда, в случае распада Османской империи вывод войск из Новипазарского санджака давал им шанс увеличения территорий — при благоприятных обстоятельствах³⁹.

В австро-венгерской печати еще в августе начали усиленно обсуждать боснийский вопрос. После встречи Франца Иосифа с английским королем Эдуардом 12–13 августа в *Agramer Zeitung* со ссылкой на лидера Хорватской партии права Миле Старчевича появилась новость, что монархи договорились об аннексии⁴⁰. Пресса действительно все чаще стала писать о слухах об аннексии, но никто не мог подтвердить их. 20 августа *Illustrierte Kronen Zeitung* напечатала сообщение,

³⁸ Копия рапорта военного агента в Вене в Главное управление Генерального штаба. Вена, 28 августа 1908 г. № 267. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3176. Австрия на Балканах. Отношение Австрии и Венгрии к вопросу о политическом положении Боснии и Герцеговины и присоединении их к составу. Л. 37об.

³⁹ Копия частного письма управляющего делами МИД Н.В. Чарыкова министру А.П. Извольскому в Карлсбад. Петербург, 20 августа (1 сентября) 1908 г. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3201. Соглашение с Австрией. Весьма секретное дело. 1900–1910 гг. Л. 114. Документ опубликован: Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики во время Боснийского кризиса // Исторический архив. 1962. № 5.

⁴⁰ *Agramer Zeitung*. 17.08.1908. S. 1.

что, по слухам, на заседании совета министров 19 августа решено объявить аннексию, а совет министров резко отрицает принятие такого решения⁴¹.

20–21 августа газеты опубликовали речь вице-бургомистра Сараева Николы Мандича, адресованную императору-королю. Чиновник обратился к монарху во время празднования дня рождения Франца Иосифа (18 августа) в резиденции генерал-губернатора Боснии (в то время им был Антон фон Винзор). Мандич попросил даровать Боснии конституцию и государственный статус для провинций, говоря об узах, крепко и неразделимо связывающих вот уже 30 лет провинции и монархию. Вице-бургомистр отмечал: «Миллионы подданных разных религий, национальностей, статуса, профессий отмечают Ваш день рождения как национальный праздник» (*Fest der Völker*)⁴².

Журналисты и редакторы многих газет, не только центральных, но и местных, думали о перспективах, которые должна принести аннексия. В Богемии *Prager Tagblatt*, с одной стороны, со скепсисом отнеслась к идее: «Призыв к аннексии и конституции, сделанный на дне рождения императора, вряд ли найдет сейчас отклик в официальных кругах. За 30 лет было достаточно поводов объявлять аннексию». С другой стороны, автор статьи осознавал, что провозглашение аннексии не за горами: «Делегации встретят пожелания вице-бургомистра Сараева с симпатией. С таким мнением большинства австрийских и венгерских политиков правительство должно считаться»⁴³.

Еженедельная леволиберальная газета *Wiener Sonn- und Montagszeitung* писала о компенсации, которую монархии придется заплатить Турции, и о будущем сложном государственно-правовом положении провинций. Примечательно, что при этом издание не допускало даже мысли, что Босния может быть присоединена к Цислейтании, задавая вопрос:

⁴¹ Illustrierte Kronen Zeitung. 20.08.1908. S. 2.

⁴² Neue Freie Presse. 21.08.1908. S. 3.

⁴³ Prager Tagblatt. 23.08.1908. S. 3.

«Босния должна принадлежать Венгрии или быть третьей составной частью монархии?»⁴⁴

Перед объявлением аннексии, в начале сентября 1908 г., в провинциях побывал министр финансов И. Буриан. На заседании общеимперского совета 10 сентября он поделился впечатлениями от своей шестидневной поездки по Боснии и Герцеговине: там царит настроение ожидания и возбуждения, но не тревоги, интеллигенция лелеет мечту участия в управлении и не выказывает стремления бороться нелегальными методами. «В стране царит спокойствие», — заключил министр. Он передал содержание своих бесед с представителями разных партий: Лазарем Димитриевичем из Сербской национальной независимой партии и Николой Мандичем из Хорватского национального союза, поддерживавшими монархию, и отметил, что «сербско-радикальный комитет» (*serbisch-radikaler Ausschuß*) и мусульмане подали прошение о предоставлении провинциям конституции. Буриан полагал, что самое ужасное, чего можно ожидать от мусульман, — их эмиграция, но «для страны это вряд ли означает большую потерю». По его мнению, при объявлении аннексии сербы и мусульмане ограничатся более-менее громкими протестами и не стоит ожидать серьезных манифестаций. Он прогнозировал, что массы не возбудятся, поскольку не знают, что такое конституция, и понимают только экономический аспект: «Отмена рабства произвела значительное впечатление на широкие слои населения». Поскольку Буриан был сторонником того, чтобы жители Боснии и Герцеговины активнее участвовали в жизни империи, он предложил в будущем вовлечь их в работу Делегаций. Идее резко воспротивились министры-президенты обеих частей монархии⁴⁵. Агитация с сербской стороны продолжится, но при удачной аннексии можно будет

⁴⁴ Wiener Sonn- und Montags-Zeitung. 24.08.1908. S. 2.

⁴⁵ Die Protokolle Nr. 4. Wien, 10.09.1908 // Die Protokolle des gemeinsamen Ministerrates der österreichisch-ungarischen Monarchie 1867–1918. Bd. 6. 1908–1914 / bearb. von A. Schmied-Kowarzik. Budapest: Akademiai Kiadó, 2011. S. 209.

успешно сопротивляться ей, считал министр⁴⁶. Буриан предложил в прокламации об аннексии не называть Франца Иосифа королем Боснии, а также не объявлять военную мобилизацию: по его убеждению, она плохо повлияет на отношение местных жителей и будет означать недоверие к ним. Министр финансов рекомендовал объявить мобилизацию только после объявления аннексии и лишь в том случае, если будет беспокойно в провинции. С Бурианом согласился военный министр монархии Франц Шёнайх⁴⁷.

Слухи и разные аналитические материалы продолжали публиковаться вплоть до октября. 1 октября газета, поддерживающая католичество и монархию, *Das Vaterland*, со ссылкой на венские информированные источники берлинских газет написала, что 8 октября Франц Иосиф на открытии Делегаций провозгласит присоединение Боснии и Герцеговины к монархии⁴⁸.

Четвертого октября было тезоименитство Франца Иосифа, и газеты на следующий день опубликовали заметку, что во всех частях монархии прошли церковные службы по этому случаю. 5 октября будапештская *Pester Lloyd* написала о письмах Франца Иосифа итальянскому королю Виктору Эммануилу и французскому президенту Арману Фальеру⁴⁹. Эти письма стали достоянием общественности по ошибке австро-венгерского посла в Париже Рудольфа Кевенхюллера, который доставил Фальеру письмо Франца Иосифа с сообщением о присоединении Боснии и Герцеговины на три дня раньше положенного срока⁵⁰.

Утром 7 октября, как и планировали центральные власти, главная австрийская *Wiener Zeitung* и главная венгерская

⁴⁶ Ibid. S. 195–197.

⁴⁷ Ibid. S. 208–211.

⁴⁸ *Das Vaterland*. 01.10.1908. S. 2.

⁴⁹ *Pester Lloyd*. 05.10.1908.

⁵⁰ *Rauscher W. Die fragile Großmacht: Die Donaumonarchie und die europäische Staatenwelt 1866–1914*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. Teil 2. S. 647.

немецкоязычная газета *Pester Lloyd* на своих первых страницах опубликовали четыре письма Франца Иосифа, подписанные 5 октября в Будапеште. Адресатами были министры-президенты Венгрии и Австрии, общеимперские министры иностранных дел и финансов. Император-король писал: «Я решил распространить свою власть на Боснию и Герцеговину». При этом венская газета опубликовала письмо только австрийскому министру-президенту, а венгерское издание — все четыре письма. После писем обе газеты поместили прокламацию — обращение к боснийско-герцеговинскому народу. Таким образом, Эренталь выполнил свою «священную» миссию⁵¹.

В дни аннексии центральные власти полностью изолировали Боснию и Герцеговину: были закрыты границы, остановлен железнодорожный транспорт, прекращено телеграфное сообщение. 7 октября солдаты расклеили по всей провинции прокламации на сербскохорватском языке. Об особых торжествах в империи газеты Цислейтании и Транслейтании не упоминали. Однако *Bosnische Post* писала, что в Сараеве была иллюминация, состоялся концерт, ровно в семь часов вечера на всех церквах звонили колокола, проходили торжественные церковные службы по случаю распространения суверенитета императора-короля на оккупированные земли⁵².

Тронную речь о присоединении провинций Франц Иосиф произнес, как и прогнозировалось, на открытии Делегаций 8 октября в Будапеште. Через два дня там начались дебаты по вопросу об аннексии. В Вену из Боснии и Герцеговины депутаты сразу отправились на аудиенцию к императору-королю. *Bosnische Post* следила за приемами,

⁵¹ Wank S. Aerenthal's "Holy Mission". P. 410.

⁵² *Bosnische Post*. 08.10.1908. S. 4; *Bosnische Post*. 09.10.1908. S. 3. О дне присоединения Боснии и Герцеговины в периодической печати Австро-Венгрии см.: Пахомова Л.Ю. День присоединения Боснии и Герцеговины (1908) в периодической печати Австро-Венгрии // Центрально-европейские исследования. 2018. Выпуск 1 (10). День в календаре. Праздники и памятные даты как инструмент национальной консолидации в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XIX–XXI вв.

которые в октябре — ноябре 1908 г. давал в Вене Франц Иосиф католическим, мусульманским, еврейским представителям из Боснии и Герцеговины.

После объявления аннексии, нарушая договоренности, общеимперский министр иностранных дел Эренталь во всеуслышание сказал, что на передачу Боснии и Герцеговины свое согласие дал его коллега, А.П. Извольский⁵³. Это известие вызвало бурную реакцию в России, что не входило в планы министра Извольского. Вена подтвердила опасения Николая II, которые он выразил на полях записки Н.В. Чарыкова: «Нужно всегда иметь в виду вековое двуличие австрийской политики» (подчеркнуто в документе. — Л.П.)⁵⁴. В «Московских ведомостях» была опубликована статья восстановленного в 1907 г. Славянского благотворительного общества, где выражалось его резко отрицательное отношение и осуждение аннексии Боснии и Герцеговины. Новые славянофилы вспомнили о помощи, которые Россия оказывала балканским народам во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. Автор публикации писал в частности: «Не для того лилась русская кровь, чтобы увеличить число славянских рабов в Австро-Венгрии, не для того русский царь поднимал в пору славянского движения в России свой мощный голос в защиту славян, не для того русская жертва обильно текла к сербам!»⁵⁵

Масла в огонь общественного негодования подливал приезд в Россию сразу после объявления аннексии сербского принца Георгия Карагеоргиевича, а вслед за ним – сербской и черногорской делегаций во главе с премьер-министрами Николой Пашичем и Лазарем Миушковичем.

⁵³ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. Н.С. Киняпина. М.: Наука, 1978. С. 324.

⁵⁴ Записка управляющего делами МИД Н.В. Чарыкова Императору. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3201. Соглашение с Австрией. Весьма секретное дело. 1900–1910 гг. Л. 92.

⁵⁵ По вопросу об аннексии от С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества // Московские ведомости. 1908. 29 октября (11 ноября). № 251. С. 2.

Аннексия Боснии и Герцеговины должна была стать для России удачным поводом, чтобы пересмотреть режим проливов на международном уровне. Однако, как известно, Извольскому не удалось договориться о созыве конференции великих держав⁵⁶. В феврале 1909 г. Вене удалось склонить Порту к подписанию конвенции, по которой Османская империя соглашалась на отторжение Боснии и Герцеговины с выплатой денежной компенсации в 2,5 млн турецких лир золотом.

В самой аннексированной провинции практически все получилось так, как предсказывал Буриан: жители довольно спокойно восприняли прокламацию. Однако последующая история показала, что министр недооценил сербскую интеллигенцию, часть которой встала на нелегальный путь борьбы с монархией. После аннексии в борьбу за права вступили молодые люди, применявшие насильственные методы⁵⁷.

Подданные Франца Иосифа

В прокламации о присоединении Боснии и Герцеговины император-король Франц Иосиф пообещал, что им будет дарована конституция. В феврале 1909 г. в Сараеве была создана специальная комиссия по выработке документа. Проекты представили все политические партии, кроме Сербской национальной организации, которая предложила создать

⁵⁶ О переговорах А.П. Извольского по созыву конференции см.: Виноградов К.Б. Боснийский кризис: пролог первой мировой войны. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964.

⁵⁷ О движении «Молодая Босния» см.: *Ljubibratić D. Mlada Bosna i Sarajevski atentat. Sarajevo: Muzej grada Sarajeva, 1964; Hengel G. We, of tomorrow. A history of the young Bosnian student networks. Dissertation. Groningen, 2016.* Как оценивал австро-венгерское управление один из участников убийства Франца Фердинанда — В. Чубрилович, см.: Кузьмичева Л.В. Конец империи. Сараевское убийство в исторических исследованиях и размышлениях его участника академика Васы Чубриловича // Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв.: Материалы Международной конференции. Москва, 15–18 мая 2007 г. / под общ. ред. Е.И. Пивовара. М.: РГГУ, 2009.

расширенный комитет, а после отказа властей вышла из комиссии. Под руководством гражданского управляющего барона Исидора Бенко проект был представлен на утверждение Францу Иосифу. В феврале 1910 г. конституция и связанные с ней законы были санкционированы императором-королем. Кроме статута, закона о выборах и регламента работы, были дарованы законы об общественных организациях, о собраниях и об округах (котар — на хорватском, срез — сербском). Наряду с исполнительной властью появился представительный орган (сабор на хорватском, или скупщина на сербском); у него не было права законодательной инициативы и контроля над исполнительной властью. Законодательная же власть продолжала оставаться у центральных властей. В компетенцию сабора (скупщины) входили вопросы, касающиеся самой Боснии-Герцеговины. Согласно 37-й статье статута, законопроекты должны были одобрить кабинеты обеих частей Австро-Венгрии⁵⁸. Несмотря на это, круг вопросов, находившихся в компетенции представительного органа, был довольно широким — шире, чем у представительств в провинциях Цислейтании и чем у сабора королевства Хорватии и Славонии. Однако у жителей Боснии и Герцеговины не было никакого представительства ни в Австрии, ни в Венгрии, в отличие от остальных подданных императора-короля⁵⁹.

Важнейшей задачей боснийско-герцеговинского сабора было принятие годовых бюджетов провинции. Администрация стремилась избежать потенциальных конфликтов, если сабор не одобрит бюджет. Для такого случая общеимперское министерство финансов дало областному правительству инструкцию о том, что бюджет не должен

⁵⁸ *Imamović M. Pravni položaj i unutrašnje-politički razvitak Bosne i Hercegovine: od 1878. do 1914.* Sarajevo: Bosanski kulturni centar, 1997. S. 202–220; Романенко С.А. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии. 1890–1918 гг.: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2013. С. 234–238.

⁵⁹ *Juzbašić D. Nacionalno-politički odnosi u Bosanskohercegovačkom saboru i jezičko pitanje (1910–1914).* Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1999. S. 50.

быть подробно расписан⁶⁰. Законы, принятые сабором, поступали на утверждение императору после ходатайства общеимперского министра финансов и предварительного согласия обоих государств монархии⁶¹.

Состав сабора формировался путем комбинации социальной, конфессиональной и «вирилистской» куриальной систем. Эта система была взята из статута Моравии 1905 г.⁶² Подданные в Боснии и Герцеговине, исходя из их конфессиональной принадлежности, были разделены на несколько курий. Затем эти избиратели были распределены по куриям по социальному принципу: городская, сельская, крупных землевладельцев, чиновников и интеллигенции. Всего в саборе заседали 72 избранных депутата. При этом католикам отдавались 16 мандатов, мусульманам — 24, православным — 31 и иудеям — 1.

Активное избирательное право имели все жители мужского пола, которым на день выборов исполнилось 24 года, владевшие собственностью, прожившие в провинции не менее одного года. Правом выбирать депутатов обладали и женщины — крупные землевладельцы, выплачивавшие земельный налог в 140 крон; тогда они могли голосовать в курии землевладельцев. Пассивным избирательным правом пользовались мужчины в возрасте полных 30 лет, сами имевшие возможность избирать. Срок депутатского мандата составлял пять лет без права избирателей на отзыв. Председатель и вице-председатель сабора выбирались не голосованием депутатов, а в начале каждой сессии их назначал император-король, основываясь на необходимости соблюдать конфессиональное равновесие и очередность.

Наряду с избранными депутатами в сабор входили и «вирилисты» — лица, которых назначали исходя из занимаемого ими положения и должности. Всего таких депутатов

⁶⁰ Juzbašić D. Nacionalno-politički odnosi... S. 50

⁶¹ Романенко С.А. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии. С. 234–238.

⁶² Juzbašić D. Nacionalno-politički odnosi... S. 40.

насчитывалось 20: реис-уль-улема, вакуфско-меарифский директор, сараевский и мостарский муфтий, а также по назначению самый старший муфтий; четыре сербско-православных митрополита и заместитель главы (председателя) Большого административного и образовательного совета православной церкви; римско-католический архиепископ, провинциалы францисканского монастыря; сефардский надраввин, председатель верховного суда; председатель адвокатской палаты в Сараеве; сараевский градоначальник, председатели торговой и ремесленной палат⁶³.

Партией, которой не соответствовала предложенная избирательная система, была социал-демократическая партия, так как она была многонациональной. На первых выборах, проходивших в Боснии и Герцеговине в мае 1910 г., социал-демократам удалось провести в сабор двух депутатов. Все сербские мандаты получила Сербская национальная организация (СНО) — 31, все мусульманские — Мусульманская национальная организация (МНС) — 24, большинство хорватских мест достались Хорватскому национальному союзу (ХНС) — 12, у Хорватской католической унии (ХКУ) было четыре депутата. В социальном плане: из 72 депутатов 45 относились к интеллигенции, в том числе духовной. Среди 92 членов сабора (72 избранных и 20 вирилистов) были 24 землевладельца (17 мусульман, пять сербов и два хорвата)⁶⁴.

В короткий период существования боснийско-герцеговинского сабора его возглавляли мусульмане: Али-бег Фирдус (скончался в первый год работы сабора) и Сафвет-бег Башагич (до роспуска сабора в 1915 г.). Заместителем председателя был Воислав Шола, бывший глава мостарской православной общины, подавший первый меморандум Францу Иосифу в 1896 г.

Председатель сабора одновременно занимал пост председателя областного совета. Девять членов совета (четверо православных, три мусульманина и два католика) избирались

⁶³ Романенко С.А. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии. С. 234–238.

⁶⁴ Juzbašić D. Nacionalno-politički odnosi... S. 43–44.

сабором из числа самих депутатов. Совет обладал правом по требованию австрийского и венгерского правительств или общеимперского министра финансов выступать с заявлениями или высказывать мнение относительно общественных дел, в которых провинция принимает участие⁶⁵.

В самом начале первой сессии, в июне 1910 г., депутаты сабора приняли резолюцию, в которой заявили, что статут Боснии и Герцеговины «не предоставляет основы для полезной деятельности» сабора и что связанные с ним ожидания остались неисполненными. Об этой резолюции корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене и информатор российского министерства иностранных дел Всеволод Павлович Сватковский отметил: «Несмотря на уничтожающий приговор, объявленный самому себе сеймом (сабором. — Л.П.) в его резолюции [...] боснийский сейм работает на славу и с честью отстаивает народные позиции. Военная диктатура где-то притаилась, гражданские же помощники военного губернатора очень мягко отстаивают точки зрения правительства и во многом весьма предупредительно идут навстречу пожеланиям народных представителей»⁶⁶. Местное правительство не стало сопротивляться учреждению воскресных курсов для безграмотных под руководством духовенства, чего добивались сербы. Постановление комиссии сабора по народному просвещению выделять средства только школам, где преподавание ведется на сербском или хорватском языке, также не встретило отпора со стороны властей. Когда сабор отказал в субсидиях просветительским организациям ХКУ, правительство «выставило лишь слабые возражения». Рекомендацию депутатов упразднить окружные администрации официозная печать обсуждала в позитивном ключе, писал Сватковский. Он отметил, что случаи нарушения депутатами устава сабора, как, например, игнорирование депутатами заявлений правительственного представителя

⁶⁵ Романенко С.А. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии. С. 234–238.

⁶⁶ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. 1910. Д. 296. Записка Сватковского «Босния» (литография). Л. 2об.

или назначение некоторых чиновников с одобрения сабора, «встречают очень мягкий отпор». Кроме того, в ответ на резолюцию о том, что отныне сабор распоряжается государственными лесами, власти лишь указали на необходимость ее оформления в виде закона⁶⁷.

Такое согласие в работе в последующем уступило место партийным спорам и национальным конфликтам в представительном органе Боснии и Герцеговины. Депутаты наряду с традиционным вопросом, обсуждаемым в парламенте, — бюджетом, много говорили о политическом будущем провинций. Еще одним камнем преткновения в отношениях партий был аграрный вопрос. Однако сабору в течение первого лета своей работы удалось принять бюджеты комитета юстиции, финансового управления, ведомства духовных дел и народного просвещения. Сватковский считал, что если внимательно присмотреться «к гладкому и остроумному ходу» прений даже после внесения законопроекта об откупе земель кметами, то можно было «констатировать, что стремления к единению национально-вероисповедных групп остаются пока, невзирая на расчеты врагов Боснии, достаточно сильными». Единственная партия, к которой относились все отрицательно, была ХКУ: ее член епископ Иван Шарич заявил с трибуны сабора о существовании одной нации в Боснии и Герцеговине — хорватской⁶⁸. Дебаты на первой сессии, судя по описаниям Сватковского, депутаты вели соответственно парламентскому духу: «бурные протесты сербов и мусульман», «громкие рукоплескания на хорватских скамьях и галерее», «сербы, хорваты партии Мандича и мусульмане демонстративно покинули зал заседания». Это было лишь начало парламентской жизни боснийцев, впереди было еще четыре года работы, в течение которых депутаты дискутировали о многих насущных вопросах⁶⁹.

⁶⁷ Там же. Л. 2об.-3.

⁶⁸ Там же. Л. 2-9об.

⁶⁹ См., например: *Juzbašić D. Nacionalno-politički odnosi u bosanskohercegovačkom saboru i jezičko pitanje (1910-1914)*. Sarajevo, 1999.

В марте 1914 г. русский консул в Сараеве Г.В. Игельстрём с удовлетворением отмечал: «Наконец Боснийское народное собрание стало работоспособным. [...] По-видимому, страна желает положительной работы, а не оппозиционных рассуждений на теоретические темы». Сабор планировал обсудить целую серию законопроектов в экономической сфере. Как свидетельствовал дипломат, система управления, введенная министром финансов Леоном Билинским в 1912 г., начала давать плоды: он предоставил генерал-губернатору Оскару Потioreку фактическую власть и разрешил самостоятельно решать боснийские дела⁷⁰. По характеристике Игельстрёма, генерал Потioreк был «суровым начальником и деятельным работником», который лично руководил делами, каждый месяц ездил в Вену для совещаний с Билинским и для доклада императору-королю. Большая самостоятельность местного правительства привела к тому, что провинция управлялась соответственно местным условиям, а не по указанию центра⁷¹. К тому же правительство еще в 1911 г. привлекло к работе на одну из высших должностей боснийца: заместителем генерал-губернатора был назначен бывший вице-бургомистр Сараева Никола Мандич. Это назначение произвело, как писал Игельстрём, «весьма благоприятное впечатление во всех слоях общества без различий национальностей и партий». «Несмотря на полувоенный характер управления, настоящий режим начинает пользоваться большими симпатиями в стране, нежели предыдущий», — резюмировал русский консул⁷².

Российское дипломатическое представительство вплоть до объявления войны продолжало действовать

⁷⁰ О генерале Оскаре Потioreке см.: *Jeřábek R. Potiorek: General im Schatzen von Sarajevo*. Graz: Verlag Styria, 1991; *Lične zabilješke generala Oskara Potioreka o unutrašnjopolitičkoj situaciji u Bosni i Hercegovini / ur. Dž. Juzbašić, Z. Šehić*. Sarajevo: ANU BiH, 2015.

⁷¹ Донесение консула в Сараеве Г.В. Игельстрёма. Сараево, 15 марта 1914 г. № 1. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 636а. Консульство в Сараево. 1914–1916. Л. 3–4об.

⁷² Черновик донесения консула в Сараеве Г.В. Игельстрёма. Б.д. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 636а. Консульство в Сараево. 1914–1916. Л. 10–11об.

в обычном режиме: передавало доход с капитала архимандрита И. Памучины мостарской общине⁷³ и деньги от Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества на строительство церкви езерской общине⁷⁴, выдавало визы, заверяло документы⁷⁵, сообщало сведения об эпидемиологической ситуации. В январе 1914 г. из-за распространения холеры были закрыты границы с Сербией и Черногорией, всех, кто возвращался, отправляли на пятидневный карантин по месту жительства⁷⁶. Инструкцию наблюдать за ситуацией в крае Игельстрём исправно выполнял до начала войны. Он не мог не проинформировать российское посольство в Вене о настроениях в Боснии и Герцеговине после убийства Франца Фердинанда и его жены. Два документа мы приведем полностью в конце главы.

После начала войны в провинции была остановлена деятельность парламента, закрыты многие газеты и журналы⁷⁷.

Уезжая из Сараева, русский консул Г.В. Игельстрём, равно как и министерство иностранных дел, не думал, что покидает Австро-Венгрию навсегда. В декабре 1916 г. Игельстрём сообщил, что с 1 июля 1917 г. российский МИД прекратит оплачивать аренду его квартиры в Сараеве. Консул ответил, что готов оплачивать сам. Что случилось с домом дипломата, неизвестно.

⁷³ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 636а. Консульство в Сараево. 1914–1916. Л. 53–57.

⁷⁴ Письмо председателя С.-Петербургского Славянского Благотворительного общества П. Наренсова в Императорское Российское консульство в Боснии-Герцеговине. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 636а. Консульство в Сараево. 1914–1916. Л. 2.

⁷⁵ Отчетные ведомости консульства в Сараеве. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 636а. Консульство в Сараево. 1914–1916. Л. 12–24, 30–34об.

⁷⁶ *Aufhebung der sanitären Grenzsperrre gegenüber Serbien und Montenegro. Sarajevo, am 12. Jänner 1914. Nr. 4649.* АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 636а. Консульство в Сараево. 1914–1916. Л. 56–56об.

⁷⁷ Вяземская Е.К., Искендеров П.А., Карасев А.В. Босния и Герцеговина в 60–70-е годы XIX века // История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: КРАСАНД, 2013. С. 187.

**Донесение консула в Сараеве Г.В. Игельстрёма
послу в Вене Н.Н. Шебеко. 23 июня 1914 г. Черновик**

Е[го] П[ревосходительству] Н.Н. Шебеко

23 июня 1914

№ 5

М[илостивый] Г[осударь]

Ник[олай] Ник[олаевич]

Имею честь донести В[ашему] П[ревосходительству] подробности о злодейском убийстве Е[го] И[мператорского] и К[оролевского] В[ысочества] эрцгерцога наследника Франца Фердинанда и супруги его, герцогини Гогенберг.

Еще в прошлую субботу в Илидже, где была главная квартира, эрцгерцог дал обед военным чинам. Е[го] В[ысочество] был очень весел и доволен маневрами, и герцогиня очаровывала всех, в особенности босняков, своей любезностью. В воскресенье предполагались посещение ратуши, прием в конаке и обед у начальника края. В 10 часов утра автомобиль с наследником престола, герцогиней, с генералом Поттиорекком направлялся к ратуше. Путь охранялся только полицейскими. Никаких особых мер охраны принято не было. На набережной была брошена бомба, которая попала в кузов автомобиля. Эрцгерцог отстранил ее рукой. Бомба разорвалась некоторое время спустя и ранила <нрзб.> в другом автомобиле флигель-адъютанта генерала Поттиорека подполковника Мерицци. Эрцгерцог и герцогиня остались невредимы. В ратуше эрцгерцог и герцогиня были несколько взволнованы. Начавшего говорить речь бургомистра эрцгерцог прервал словами: «Я приехал к вам как гость, а вы встречаете меня бомбами. Теперь продолжайте». Из ратуши Е[го] В[ысочество] пожелал поехать в госпиталь повидать Морецци. Мерк к охране и теперь не было принято, как говорят, по приказанию эрцгерцога. На повороте к Франц-Иосифу улице молодой человек на близком расстоянии сделал выстрелы. Генерал Поттиорек приказал шоферу повернуть в конак. Генерал не предполагал ничего серьезного. Эрцгерцог и герцогиня сидели неподвижно. Вскоре, однако, заметил, что у Его Высочества из рта текла кровь.

Вскоре Их Высочества потеряли сознание, и через четверть часа по приезде в конак наступила смерть. У эрцгерцога оказалась порванной шейная артерия, а герцогиня ранена в живот. Оба преступника задержаны. Один — бросивший бомбу типограф Чабринович 21 года. Другой — гимназист 4 класса Принцип 19 л[ет]. Оба уроженцы Боснии и сербы.

Убийство произвело необычайное смятение в городе, антисербские демонстрации и беспорядки, о котор[ых] я буду иметь честь донести В[ашему] П[ревосходительству] отдельным донесением. Во вторник в Сараеве и окрестностях установлено осадное положение. В среду тела усопшей эрцгерцогской четы были перевезены в Меткович на корабль *Viribus unitis* для следования в Триест и Вену.

АВПРИ. Ф. 172. Посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 636а. Консульство в Сараеве. 1914–1916. Л. 8–9об.

**Донесение консула в Сараеве Г.В. Игельстрёма
послу в Вене Н.Н. Шебеко. 24 июня 1914 г. Черновик**

Е[го] П[ревосходительству] Н.Н. Шебеко
24 июня 1914
№ 6

То обстоятельство, что преступники, совершившие злодейское убийство наследника престола и его супруги, оказались уроженцами Боснии и сербами и что преступление носило не вполне анархический характер, по городу распространились слухи об организованном сербском заговоре, подготовленном в Белграде, в котором будто участвуют и многие здешние выдающиеся оппозиционные сербы. К сожалению, и местные официальные газеты поддерживали это мнение. Возбуждение среди хорватов было громадное. На другой день убийства, 29 июня н.с., вечером начались демонстрации и беспорядки. Толпа хорватов и мусульманской черни, предводимая молодежью, с пением гимна начала забрасывать камнями и разбивать дома с магазинами, где жили сербы. Все имущество выкидывалось и ломалось,

особенно пострадал Григорий Евтанович, председатель православной общины, у которого разбиты квартира, экипаж и принадлежащее ему кафе в Европ[ейской] гостинице; фирмы Шантича и Зогораца, у котор[ых] разбиты 3 магазина, Векич и пр. Более других пострадали маленькие торговцы, котор[ые] лишились почти всего своего имущества. Полиция отсутствовала. Вскоре прибывшие войска прекратили беспорядки — 30 июня было объявлено осадное положение в Сараеве и окрестностях и вскоре во всей Боснии и Герцеговине. Число жертв в Сараеве еще в точности не выяснено, но <нрзб.> слышно было до 70 заявлений. В провинции также происходили погромы. В Мостаре, Травнике, Броде, городах с хорватским населением.

Сербские газеты прекратили издание. Редакторы их высланы за пределы Боснии.

Следствие над преступниками ведется в строгом секрете, но в обществе все упорнее высказывается убеждение, что ужасное преступление Чабриновича и Принципа наводит следствие к заговору националистического характера. К следствию привлекаются много лиц из разных концов провинции.

АВПРИ. Ф. 172. Посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 636а. Консульство в Сараеве. 1914–1916. Л. 6–7об.

Заключение

Во время Восточного кризиса 1875–1878 гг., после нескольких попыток добиться автономии для Боснии и Герцеговины в составе Османской империи, Россия согласилась на австро-венгерскую оккупацию края. Анализ дипломатических и военных документов показывает, что в 1878 г., после Сан-Стефано, но до вступления оккупационного корпуса, часть петербургского кабинета, а именно военное министерство, еще не совсем отказалась от идеи подкорректировать статус османских провинций. Поэтому в область был командирован генерал в отставке Р.А. Фадеев. Его миссия завершилась неудачей: дипломаты на Берлинском конгрессе и новые южнославянские государства не могли допустить еще одну военную кампанию.

Австро-Венгрия, оккупировав Боснию и Герцеговину, начала вводить свою систему управления — сначала военную, затем параллельно гражданскую. Вена имела цель приблизить уровень развития оккупированных территорий к общеимперскому путем секуляризации и унификации системы образования, налогов, экономики, церковных отношений. Трудности были прогнозируемы: Блистательной Порте лишь большими усилиями удавалось удерживать фактически автономный Боснийский вилайет. Габсбургская монархия также силой оружия успокоила мятежный край. Важным временем для оформления системы управления оккупированными территориями стали 1878–1882 годы. Империя выстраивала такую систему, которая отнимала самостоятельность у жителей практически во всех сферах. Население, не знавшее особого контроля со стороны османских властей, в первую очередь герцеговинцы, сначала взялось за оружие, а после подавления восстания перешло к мирным — переговорным — средствам борьбы, которая вылилась в движение за самостоятельность

в церковных и школьных делах. В начале – середине 1880-х гг. православные жители Боснии и Герцеговины боролись за то, чтобы митрополит был местным уроженцем, в 1890-х — за возвращение церковно-школьной автономии.

В диалогах со Вселенским патриархом и австро-венгерским правительством точку зрения православных (сербских) общин Боснии и Герцеговины представляли российские послы в Константинополе А.И. Нелидов и И.А. Зиновьев, в Вене — А.Б. Лобанов-Ростовский и П.А. Капнист. Информацию для успешных переговоров давали консулы в Сараеве М.М. Бакунин и Г.В. Игельстрём.

В работе российского представительства в Боснии и Герцеговине четко выделяются два этапа, связанных с именами М.М. Бакунина и Г.В. Игельстрёма, проработавших там 13 и 21 год соответственно. Первый, помня свою службу в крае еще в османское время, в такой решающий момент, как Великий восточный кризис, пытался продолжить действовать теми же методами, что и тогда, — тесно общаться с местным населением, пытаться на него влиять и держаться независимо с властями провинции. Однако австро-венгерская администрация не позволила работать в этом стиле: она стремилась контролировать контакты боснийцев с русским дипломатом и пресекать их, считая опасными. Игельстрём после фактической высылки Бакунина сосредоточился на наблюдении за ситуацией, не пытаясь вмешиваться в управление Боснией и Герцеговиной. Таким образом, с одной стороны, дипломаты на месте потеряли самостоятельность в своих действиях, а с другой — возросла роль посольств в главных городах. Вместе с тем у консула появились новые объекты для мониторинга, такие как эпидемиологическая ситуация, что свидетельствовало о вовлечении жителей Габсбургской монархии и Российской империи в миграционные процессы. Однако прежняя главная функция консулов — следить за православным (сербским) населением — сохранилась.

Боснийско-герцеговинское общество активно развивалось в австро-венгерский период. Весьма деятельными были представители православных общин, боровшиеся против правительства и церковных иерархов за свою автономию,

хотя массы относились к этому вопросу в основном индифферентно. Многолетнее упорство сербской интеллигенции, обращавшейся к разным институциям: монарху, министру финансов, управляющему оккупированными провинциями, венгерским политикам, Константинопольскому патриарху, османскому султану, сербскому правительству, российским дипломатам, — а также работа всех перечисленных институций, которая включала переговоры, разногласия и компромиссы, привели к решению вопроса.

В борьбе за права четче проступали контуры национального самосознания, шло формирование сербской нации. Таким образом, вероятно, можно говорить о роли российского МИДа в этом сложном процессе. В 1905 г. боснийско-герцеговинским общинам с помощью российских дипломатов удалось добиться церковно-школьной автономии. Далее политическая жизнь развивалась без участия петербургского МИДа — учреждались культурные и социально-политические объединения, на их основе — политические партии.

Обсуждение аннексии и ее последующее объявление в 1908 г. стали значительными событиями для самой Боснии и Герцеговины, Австро-Венгрии, соседних государств, России и сербской, хорватской, югославянской и мусульманской идей. После окончательного присоединения оккупированных провинций была дарована конституция, основан представительный орган. В этот период петербургскому кабинету оставалось только наблюдать.

Деятельность российских дипломатов стала частью — весьма важной и сложной — истории Боснии и Герцеговины. Однако ее жители самостоятельно выбрали путь борьбы за право участвовать в управлении своим краем. Великая православная держава поддерживала своих единоверцев и иногда направляла их. Во второй половине XIX в. задачи петербургского МИДа и цели православных жителей совпали. Россия помогала им исходя из своих интересов: для ее политики на Балканах религия играла ведущую роль. Православные боснийцы и герцеговинцы стремились добиться реализации своих прав, предоставленных Портой и гарантированных великими державами. Насколько эффективными будут защита

и поддержка российскими дипломатами жителей Боснии и Герцеговины, зависело прежде всего от международной обстановки и позиции России на мировой арене.

Не стоит забывать и о вызовах, на которые предстояло отвечать австро-венгерским властям с учетом проблем дуалистической системы и развития национального самосознания у разных народов Габсбургской монархии. Из-за того что этнические группы проживали в Австро-Венгрии вперемешку, ее распад поднял бы, по выражению П.А. Капниста, «ряд трудно-разрешимых вопросов, что и служит главной причиной продолжения ее существования, скорее вследствие европейской необходимости, чем в силу внутренней устойчивости»¹.

Состав лакмуса много веков был тайной для ученых, хотя всем было очевидно, что он работает. Индикатор, который использовали Вена и Петербург для измерения своих отношений, — Босния и Герцеговина — исправно показывал их состояние. Однако дипломаты так и не смогли разгадать, что же представляет собой их «балканский лакмус». Возможно, им просто не хватило времени. Это предстоит выяснить уже в других работах.

К сожалению, в поле нашего зрения не попали или лишь вскользь были упомянуты многие аспекты истории Боснии и Герцеговины, австро-венгерской и российской политики. Надеемся, такие вопросы, как русско-австрийские отношения, связи правящих дворов, обмен опытом в управлении окраинами, столкновение западной и восточной цивилизаций, развитие югославянской, сербской, хорватской и мусульманской идей и т. д., будут рассмотрены в дальнейших исследованиях. Весьма перспективным считаем применение (пост)колониальных и гендерных теорий, а также подходов социальной и культурной антропологии, социологии, экономики и других общественных наук в изучении проблем истории Боснии и Герцеговины.

¹ Проект записки (письма) П.А. Капниста М.Н. Муравьеву. 3 (15) января 1899 г. АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 432. Affaires politiques secrètes. 1897–1902. Л. 102об.

Список сокращений

РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома)
АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
АВН. ZMF	Arhiv Bosne i Hercegovine. Zajedničko ministarstvo finansije

Источники и литература

Архивные материалы

**Рукописный отдел Института русской литературы
(Пушкинского Дома)**

Ф. 377. Архив С.А. Венгерова.

Архив внешней политики Российской империи

Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел.

Ф. 135. Особый политический отдел.

Ф. 138. Секретный архив министра иностранных дел.

Ф. 146. Славянский стол.

Ф. 149. Турецкий стол.

Ф. 151. Главархив.

Ф. 159. Департамент личного состава и хозяйственных дел (ДЛС и ХД)

Ф. 161/1. Политические донесения по Ближнему и Среднему Востоку
(СПб. Главный архив. V-A2).

Ф. 161/2. СПб. Главный архив. V-A2.

Ф. 161/3. Политический отдел СПб. Главного архива.

Ф. 166. Миссия в Белграде.

Ф. 172. Посольство в Вене.

Ф. 180. Посольство в Константинополе.

Государственный архив Российской Федерации

Ф. 109 с/а. Секретный архив III отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Ф. 730. Игнатъев Н.П.

Ф. Р-8091. Коллекция микрофотокопий документов зарубежных архивов.

Российский государственный военно-исторический архив

Ф. 400. Послужные списки.

Ф. 428. Австрия.

Ф. 846. Военно-ученый архив.

Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба.

Российский государственный исторический архив

Ф. 934. Дурново П.А.

Российский государственный архив литературы и искусства

Ф. 459. Суворин А.С.

Arhiv Bosne i Hercegovine

F. Zajedničko ministarstvo finansije.

Пресса

Московские ведомости

Новое время

Agramer Zeitung

Bosnische Post

Das Vaterland

Illustrierte Kronen Zeitung

Neue Freie Presse

Pester Lloyd

Prager Tagblatt

Wiener Sonn- und Montags-Zeitung

Wiener Zeitung

Сборники документов

Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903) / прир. Љ.В. Кузмичева, Д.М. Ковачевић; ред. Ч. Попов. Нови Сад: Српска академија наука и уметности, Огранак у Новом Саду, 1996.

Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864 / отв. ред. Ю.А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1985.

- Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875 / отв. ред. Ю.А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1988.
- Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1–3. М.: Издательство АН СССР, 1961–1967.
- Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 1–6. СПб., 1899–1911.
- Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878: Документы / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2008.
- Россия и национально-освободительная борьба на Балканах, 1875–1878 / отв. ред. А.Д. Нарочницкий. М., 1978.
- Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е.А. Адамова, сост. И.В. Козьменко. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.
- Србија 1878. Документи / прир. М. Војводић и др. Београд: Српска књижевна задруга, 1978.
- Bericht über die Verwaltung von Bosnien und Herzegowina. 1906 / hrsg. von k. u. k. gemeinsamen Finanzministerium. Wien, 1906.
- Borba muslimana Bosne i Hercegovine za vjersku i vakufsko-mearifsku autonomiju / sabrao i uredio F. Hauptmann. Sarajevo: Arhiv Socijalističke Republike Bosne i Hercegovine, 1967.
- Die Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates der österreichisch-ungarischen Monarchie 1867–1918. Bd. 4. 1883–1895 / bearb. von I. Diószegi. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.
- Die Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates der österreichisch-ungarischen Monarchie 1867–1918. Bd. 5. 1896–1907 / bearb. von E. Somogyi. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991.
- Die Protokolle des gemeinsamen Ministerrates der österreichisch-ungarischen Monarchie 1867–1918. Bd. 6. 1908–1914 / bearb. von A. Schmied-Kowarzik. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2011.
- Kultura i umjetnost u Bosni i Hercegovini pod austrougarskim upravom / red. R. Besarović. Sarajevo: Arhiv Bosne i Hercegovine, 1958.

Источники личного происхождения

- Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. М.: Скиф Алекс, 1994. Т. 1.
- Игнатьев Н.П. После Сан-Стефано. Пг., 1916.

- Калај Б. Дневник Бењамина Калаја / обрада и коментар А. Раденић. Београд: Историјски институт; Нови Сад: Институт за историју Војводине, 1976.
- Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютина / ред. и примеч. П.А. Зайончковского: В 4 т. М., 1947–1950.
- Ровинский П.А. Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Март.
- Харузин А.Н. Босния-Герцеговина: Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. СПб.: Государственная типография, 1901.
- Эпизоды из политической жизни Боснии и Герцеговины в последние тридцать лет // Исторический вестник. 1887. № 3, 5.
- Capus G. A Travers la Bosnie et l'Herzégovine. Paris: Librairie Hachette, 1896.
- Lične zabilješke generala Oskara Potioreka o unutrašnjopolitičkoj situaciji u Bosni i Hercegovini / ur. Dž. Juzbašić, Z. Šehić. Sarajevo: ANU BiH, 2015.
- Renner H. Durch Bosnien und die Herzegovina kreuz und quer. Berlin: Dietrich Reimer (E. Vohsen), 1897.
- Sainte-Marie E., De. L'Hercegovine. Etude de géographie et statistique. Paris, 1875.
- Thomson H.C. The Outgoing Turk. London, 1897.

Публицистика

- Cvijić J. L'annexion de la Bosnie et la question Serbe. Paris, 1909.
- Јоксимович Ч. Аннексија Босније и Герцеговине. М., 1909.
- Барр А. Боснија и Герцеговина под австрijским владањем. М., 1909.
- Бутковски Ј.Н. Сто лет австрijске политике в Восточном вопросе. Т. 1, 2. СПб., 1888.
- Васильев А.В. Среди народных страданий. Пг., 1905.
- Веселитский-Божидарович Г.С. Публичное чтение Г.С. Веселитского-Божидаровича о положении славянских семейств Боснии и Герцеговины, бежавших по случаю восстания. СПб., 1876.
- Витте Е., де. Босния и Герцеговина. Берлинский договор. Культурная миссия Австрии на Балканах. Мюрциштегское соглашение. Кременец, 1908.
- Вульфсон Э.С. Босния и Герцеговина. М., б.г.
- Герцеговина в историческом, географическом и экономическом отношениях. СПб., 1875.

- Герцеговинское восстание и Восточный вопрос: Исторический очерк. СПб., 1876.
- Калај Б. Историја српског народа. Београд, 1882.
- Калај Б. Русија на Истоку. Нови Сад, 1885.
- Кораблев В.Н. Босния и Герцеговина. Их прошлое и настоящее. СПб., 1908.
- Коцебу П.Е. Политическое, экономическое и военное значение присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии. Екатеринбург, 1911.
- Кошутич Р. Сербский народ и аннексия Боснии и Герцеговины: Публичная лекция. СПб., 1908.
- Лавров П.А. Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славянства. СПб., 1909.
- Никшич. Лука Вукалович (Первое Герцеговинское восстание). М., 1875.
- Попов Н.А. Герцеговина и нынешнее восстание в ней. М., 1876.
- Чериковер С. Сербия. Босния и Герцеговина. М., 1910.

Литература

- Авдеев В.Е. А.П. Извольский — глава внешнеполитического ведомства России: 1906–1910 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства / отв. ред.: Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / редколл.: Т.М. Исламов, Е.Н. Масленникова, И.В. Попова, О.В. Хаванова (отв. ред.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997.
- Агансон О.И. Политика Великобритании в Юго-Восточной Европе в условиях кризиса Балканской подсистемы международных отношений: 1903–1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
- Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). М.: Алетейя, 1998.
- Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. В 4 т. М.: Кучково поле, 2018.
- Анисимов М.Ю. Первые годы австрийской оккупации Боснии и Герцеговины в донесениях русского консула в Сараево Н.Н. Лодыженского (1878–1880) // Вопросы истории славян. Вып. 19. Воронеж, 2009.

- Арапов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.). М.: Наталис, 2006.
- Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена / ур. С. Терзић. Београд: САНУ, 1995.
- Бронза Б. Аустријска политика према простору Босне и Херцеговине: 1699–1788. Бања Лука: Филозофски факултет, 2012.
- В «пороховом погребу Европе». 1878–1914 г. / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.). М.: Индрик, 2003.
- Васин Г. Српска елита у Босни и Херцеговини у освит Великог рата // Српска национална и државна идеја у Босни и Херцеговини. Петар Кочић и Гаврило Принцип / Г. Васин, Д. Микавица. Нови Сад: Прометеј; РТВ, 2018. С. 12.
- Век Екатерины. Дела балканские / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 2000.
- Виноградов В.Н. Восточный вопрос в большой европейской политике // В «пороховом погребу Европы». 1878–1914 г. / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.). М.: Индрик, 2003.
- Виноградов В.Н. Официальная Россия, балканские христиане и Восточный вопрос // Церковь в истории славянских народов / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Институт славяноведения РАН, 1997. (Балканские исследования. Вып. 17.)
- Виноградов К.Б. Боснийский кризис: пролог первой мировой войны. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964.
- Вишняков Я.В. Боснийский кризис 1908–1909 гг. и славянский вопрос // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 1 (16).
- Војводић М. Путеви српске дипломатије. Огледи о спољној политици Србије у XIX и XX веку. Београд: Clío, 1999.
- Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. Н.С. Киняпина. М.: Наука, 1978.
- Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX в. // В «пороховом погребу Европы». 1878–1914 г. / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.). М.: Индрик, 2003.
- Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: между Западом и Востоком (начало XIX в. – 1878 г.) // На путях к Югославии: за и против: Очерки

- истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Индрик, 1997.
- Вяземская Е.К. Государственно-правовое положение и политическое развитие Боснии и Герцеговины в 1878–1918 гг. // Балканы в конце XIX – начале XX века: Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе / отв. ред. Ю.А. Писарев. М.: Наука, 1991.
- Вяземская Е.К. Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании югославянских наций / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Вяземская Е.К. Пороховой погреб на Балканах — Босния и Герцеговина 1878–1918 гг. // На путях к Югославии: за и против: Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Индрик, 1997.
- Вяземская Е.К., Искендеров П.А., Карасев А.В. Босния и Герцеговина в 60–70-е годы XIX века // История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: КРАСАНД, 2013.
- Галкин И.С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905–1912 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960.
- Герд Л.А. Константинополь и Петербург. Церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М.: Индрик, 2006.
- Герд Л.А. Константинопольский патриархат и Россия. 1901–1914. М.: Индрик, 2012.
- Дюлгерова Н. Българският национален въпрос в политиката на Русия и Австро-Унгария. 1894–1903. София: Издателство на БАН, 1994.
- Екмечић М. Друштво, привреда и социјални немири у Босни и Херцеговини // Историја српског народа. Књ. 6. Св. 1. Београд: Српска књижевна задруга, 1983.
- Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд: Завод за уџбенике, 2007.
- Екмечић М. Стварање Југославије. Београд: Просвета, 1989.
- Жигарев С.А. Русская политика в Восточном вопросе. Т. 1, 2. М., 1896.
- Зобнин Ю.В. Вяч. Иванов. «Берлинские письма» (Вступительная статья, подготовка текстов и примечания Ю.В. Зобнина) // История и культура. 2012. № 9 (9).

- Золотухин М.Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888 гг.). М.: Наука, 1993.
- Игнатъев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914. Тенденции, люди, события. М.: Наука, 2000.
- Игнатъев А.В. Внешняя политика России в конце XIX – начале XX в. Россия перед вызовами новой эпохи. М.: Геос, 2011.
- Искендеров П.А. Албания в международных отношениях 1878–1908 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.). М.: Индрик, 2003.
- Ислам, Балкан и велике силе (XIV–XX век): Међународни научни скуп 11–13. децембар 1996 / одг. ур. С. Терзић. Београд: Историјски институт САНУ, 1997.
- Исламов Т.М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1972.
- История Балкан. На переломе эпох (1878–1914) / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2017.
- Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения / ред. Е.М. Примаков. М.: Международные отношения, 1998.
- Капцић Х. Један докуменат из 1880. године // Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине. Година 2. Сарајево, 1950.
- Керимова М.М. Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных. М.: Восточная литература, 2011.
- Керимова М.М., Наумова О.Б. Алексей Николаевич Харузин — этнограф и антрополог // Репрессированные этнографы. М.: Восточная литература, 2002.
- Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. (1878–1898 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Ковачевич Т. Опис Босне и Херцеговине. Београд, 1865.
- Кондратьева В.Н. К истории первых лет оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878–1889) // Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX в. (Документы и исследования) / отв. ред. Д.Ф. Поплыко. М.: Наука, 1982.
- Косик В.И. Австрийская политика в Боснии и Герцеговине // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия: Материалы «круглого стола» советских и югославских историков (Москва, апрель 1990 г.) / редколл.: Ю.А. Писарев, В.И. Шеремет,

- В.Г. Карасев, В.М. Хевролина, В.И. Косик, Н.В. Кабакова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. (Балканские исследования. Вып. 13.)
- Кострикова Е.Г. Реформа Министерства иностранных дел России в начале XX века // Вестник университета. Государственный университет управления. 2011. № 14.
- Кострикова Е.Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. 1907–1914. М.: ИРИ РАН, 1997.
- Крестић В., Љушић Р. Програми и статуту српских политичких странака до 1918 године. Београд: Књижевне новине, 1991.
- Крушевац Т. Сарајево под аустро-угарском управом 1878–1918. Сарајево: Издање Музеја града Сарајева, 1960.
- Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1998.
- Кузьмичева Л.В. Конец империи. Сараевское убийство в исторических исследованиях и размышлениях его участника академика Васы Чубриловича // Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв.: Материалы международной конференции. Москва, 15–18 мая 2007 г. / под общ. ред. Е.И. Пивовара. М.: РГУ, 2009.
- Леовац Д. Србија и Русија за време друге владавине кнеза Михаила (1860–1868). Београд: Службени гласник, 2015.
- Лошаков А.Ю. Граф В.Н. Ламздорф — государственный деятель и дипломат: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.
- Лунева Ю.В. Боснийский кризис 1908–1909 годов: провал тайной сделки Извольского и Эренталя // Новая и новейшая история. 2009. № 2.
- Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М.: Квадрига, 2010.
- Максимовић В. Митрополит Сава Косановић (1839–1903). Добрун; Сарајево: Штампарија “Мићо Соколовић”, 2003.
- Марков Г. Возникновение независимого Царства Болгария в ходе балканского кризиса 1908–1909 годов // Славяноведение. 2009. № 3.
- Маџар Б. Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. Сарајево: Веселин Маслеша, 1982.
- Медяков А.С. Между Востоком и Западом: внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М.: Русское слово, 2010.

- Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 1986.
- Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.
- Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв.: Материалы международной конференции. Москва, 15–18 мая 2007 г. / под общ. ред. Е.И. Пивовара. М.: РГГУ, 2009.
- Миллер А.И. Западные окраины Российской империи. М.: НЛО, 2006.
- Никитин С.А. Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50–70-е годы XIX в. // Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-х гг. XIX в. М.: Наука, 1970.
- Новикова О.Н. Боснийско-герцеговинская политика Австро-Венгрии последней трети XIX – начала XX в. и ее роль в развитии международных отношений на Балканах. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006.
- Олюнин С.В. Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006.
- П.А. Ровинский (1831–1916) и его время: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин: Калининский гос. университет, 1988.
- Пахомова Л.Ю. День присоединения Боснии и Герцеговины (1908) в периодической печати Австро-Венгрии // Центрально-европейские исследования. 2018. Вып. 1 (10).
- Пахомова Л.Ю. К вопросу об австро-венгерском управлении в Боснии и Герцеговине // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной и Восточной Европе в XVIII–XX вв. / редколл.: М.Ю. Дронов, А.А. Леонтьева, О.В. Хаванова (отв. ред.) М.; СПб.: Нестор-История, 2017. (Центральноевропейские исследования. Вып. 9.)
- Пахомова Л.Ю. П.А. Ровинский о мусульманском обществе на начальном этапе австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины // Славянский мир в третьем тысячелетии. Вып. 12. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Е.С. Узенева. М.: Институт славяноведения РАН, 2017.
- Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М.: КДУ, 2010.

- Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1985.
- Писарев Ю.А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг.: Очерки / отв. ред. О.В. Хаванова. М.: Индрик, 2018.
- Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: Росспэн, 2010.
- Прешленова Р. Австро-Унгария и Балканите (1878–1912). София: Университетско издателство “Св. Климент Охридски”, 2017.
- Пыпин А.Н. [Рец. на:] Харузин А.Н. Босния-Герцеговина: Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. М., 1901 // Вестник Европы. СПб., 1901. Т. 2.
- Раденић А. Предговор // Калај Б. Дневник Беџамина Калаја / обрада и коментар А. Раденић. Београд: Историјски институт; Нови Сад: Институт за историју Војводине, 1976.
- Рајић С. Спољна политика Србије. Између очекивања и реалности. 1868–1878. Београд: Српска књижевна задруга, 2015.
- Ровинский П.А. [Рец. на:] Харузин А.Н. Босния-Герцеговина: Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. М., 1901. СПб., 1902.
- Романенко С.А. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии. 1890–1918 гг.: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2013.
- Россия и восточный кризис 70-х гг. XIX в. / под ред. И. А. Федосова и др. М.: Изд-во МГУ, 1981.
- Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского) / сост., введ. А.Л. Шемякин. СПб.; М.: Нестор-История, 2019.
- Рыбаченок И.С. А.Б. Лобанов-Ростовский во главе российского МИД. М.: Институт истории СССР, 1991.
- Рыбаченок И.С. Коренные интересы России в представлениях ее государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX – начале XX века // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века / С. Л. Тихвинский (отв. ред.). М.: Наука, 2007.
- Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века. М.: ИРИ РАН, 1993.
- Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М.: Наука, 1974.
- Скарић В., Нури-Хаџић О., Стојановић Н. Босна и Херцеговина под аустро-угарском управом. Београд, б/д. (Српски народ у XIX веку. Књ. 15.)

- Сквозников А.Н. Македония в конце XIX – начале XX века — яблоко раздора на Балканах. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2010.
- Српска национална и државна идеја у Босни и Херцеговини. Петар Кочић и Гаврило Принцип / Г. Васин, Д. Микавица. Нови Сад: Прометеј; РТВ, 2018.
- Српск народ у XIX веку. Књ. 3–10, 15, 19. Београд, 1938–1940.
- Станоевић С. Историја Босне и Херцеговине. Београд, 1909.
- Струнина-Бородина Н.Г. К вопросу о влиянии России на систему образования в Черногории в конце XIX – начале XX в. // К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина. М.: Тезаурус, 2013.
- Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения / Л.П. Колодникова (ред.-сост.). М.: ИЦ Института российской истории РАН, 2006.
- Тепић И. Босна и Херцеговина у руским изворима, 1856–1878. Сарајево: Веселин Маслеша, 1988.
- Терзић С. Идејни садржај и стратегија руске балканске политике (1856–1914) // Руска политика на Балкану / ур. Ј. Курјак. Београд: Институт за међународну политику и привреду, 1999.
- Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг. / научный редактор перевода В.В. Анашвили. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2010.
- Трубачев С. Фадеев Ростислав Андреевич // Русский биографический словарь. Т. 21. СПб., 1901.
- Туполев Б.М. «Дранг нах Зюд-Остен» // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 / редколл.: В.Н. Виноградов (отв. ред.), В.И. Косик (отв. ред.), Г.Л. Арш, П.А. Искендеров, О.В. Соколовская (отв. ред.). М.: Индрик, 2003.
- Ђоровић В. Историја Југославије. Београд: Народно дело, 1933.
- Ђоровић В. Политичке прилике у Босни и Херцеговини. Београд: Политика, 1939.
- Фрејдзон В.И. К истории боснийско-мусульманского этноса // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе / И.С. Миллер, В.И. Фрейдзон (отв. ред.). М.: Наука, 1981.
- Фрејдзон В.И. Отклики в России на борьбу в Боснии и Герцеговине против оккупации в 1878 г. // Отпор austrougarskoj окупацији 1878. godine u i Hercegovini / ур. М. Екмеčić. Sarajevo: ANU BiH, 1979.
- Хвостов В.М. История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время, 1871–1914. М.: Госполитиздат, 1963.

- Хевролина В.М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консульств) // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М., 2007.
- Хевролина В.М. Босния и Герцеговина в балканской политике России (1865–1874 гг.) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия: Материалы «круглого стола» советских и югославских историков (Москва, апрель 1990 г.) / редколл.: Ю.А. Писарев, В.И. Шеремет, В.Г. Карасев, В.М. Хевролина, В.И. Косик, Н.В. Кабакова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1991. (Балканские исследования. Вып. 13.)
- Хевролина В.М. А.М. Горчаков и национально-освободительная борьба южнославянских народов в 60–70-е гг. XIX в. // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения / ред. Е.М. Примаков. М.: Международные отношения, 1998.
- Хевролина В.М. Православная церковь в Боснии и Герцеговине в 50–70-х гг. XIX в. и Россия // Церковь в истории славянских народов / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Институт славяноведения РАН, 1997. (Балканские исследования. Вып. 17.)
- Хевролина В.М. Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях (конец 60-х – начало 80-х гг. XIX в.). М.: Наука, 1986.
- Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатъев. М.: Изд. центр Ин-та рос. истории, 2004.
- Хитрова Н.И. Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 гг. М.: Российская академия наук, Ин-т российской истории, 1993.
- Хитрова Н.И. «Россия сосредоточивается» // История внешней политики России. Вторая половина XIX века / под ред. В.М. Хевролиной. М.: Международные отношения, 1997.
- Хлебникова В.Б. П.А. Ровинский как исследователь Черногории: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986.
- Хлебникова В.Б. Педагогическая деятельность Софьи Петровны Мертваго // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2.
- Хлебникова В.Б. «Русский черногорец» Павел Ровинский // Родина. 2006. № 4.

- Хлебникова В.Б. Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.
- Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914 / пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
- Хойбергер В. Вена и Сараево: австро-венгерская политика по отношению к боснийским мусульманам // Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства / Т.М. Исламов, А.И. Миллер (отв. ред.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995.
- Хоффманн Ш.-Л. Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914 / пер. с немецкого Ю.В. Коряков, Д.А. Сдвижков, ред. перевода — Д.А. Сдвижков. М.: Новое литературное обозрение, 2017. (Серия STUDIA EUROPAE.) С. 78.
- Чернов А.О. Деятельность Н.В. Чарыкова по реформированию министерства иностранных дел России // Самарский научный вестник. 2016. № 2 (15).
- Чернов О.А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2010.
- Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875–1878 гг. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
- Чубриловић В. Босански устанак. 1875–1878. Београд: Српска краљевска академија наука, 1930.
- Чуркина И.В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне: Очерки истории. М.: Индрик, 2020.
- Шемякин А.Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М.: Индрик, 1998.
- Шолохов А. Генерал от инфантерии Скобелев // Герои и антигерои Отечества / сост. В.М. Забродин. М.: Информэкспресс; Российская газета; Практика, 1992.
- Шпилькова В.М. Младотурецкая революция. 1908–1909. М.: Наука, 1977.
- 1908, l'annexion de la Bosnie-Herzégovine, cent ans apres / С. Horel (dir.). Bruxelles: Peter Lang, 2011.
- Adam K. Großbritanniens Balkandilemma: die britische Balkanpolitik von der Bosnischen Krise bis zu den Balkankriegen 1908–1913. Hamburg: Kovač, 2009.

- Aleksov B. Habsburg Confessionalism and Confessional Policies in Bosnia and Herzegovina // *Wechselwirkungen: Austria-Hungary, Bosnia-Herzegovina, and the Western Balkans, 1878–1918* / ed. by C. Ruthner, D. Reynolds Cordileone, U. Reber, R. Detrez. New York: Peter Lang, 2015.
- Anderson M. *The Eastern Question. 1774–1923. A Study in International Relations*. London: Macmillan, 1966.
- Babuna A. *Die nationale Entwicklung der bosnischen Muslimen: mit besonderer Berücksichtigung der österreichisch-ungarischen Periode*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Wien: Peter Lang, 1996.
- Bandžović S. *I seljavanje Bošnjaka u Tursku*. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava, 2006.
- Bataković D. *La Bosnie-Herzégovine: le système des alliances* // *Ислам, Балкан и велике силе (XIV–XX век): Међународни научни скуп 11–13. децембар 1996* / одг. ур. С. Терзић. Београд: Историјски институт САНУ, 1997.
- Bataković D. *Les Serbes de Bosnie-Herzégovine face à l'annexion (1908–1914)* // *1908, l'annexion de la Bosnie-Herzégovine, cent ans après* / C. Horel (dir.). Bruxelles: Peter Lang, 2011.
- Bataković D. *Prelude to Sarajevo: The Serbian question in Bosnia and Herzegovina 1878–1914* // *Balkanica*. 1996. XXVII.
- Bencze L., Schubert F. *The occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878*. New York: Columbia University Press, 2006.
- Besarović R. *Iz kulturnog života u Sarajevu pod austrougarskim upravom*. Sarajevo: Veselin Masleša, 1974.
- Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja Drugog svjetskog rata / ur. I. Tepić. Sarajevo: Bosanski kulturni centar, 1993.
- Bosna i Hercegovina u okviru Austro-Ugarske 1878–1918. *Međunarodna konferencija održana u Sarajevu 30. i 31. marta 2009*. Zbornik radova / gl. ur. Z. Šehić. Sarajevo: Filozofski fakultet u Sarajevu, 2011.
- Bougarel X. *Survivre aus empires. Islam, identité et allegiances politique en Bosnie-Herzégovine*. Paris: Karthala, 2015.
- Bridge F.R. Aerenthal, Izvolsky, Grey and the Annexation of Bosnia // *Brennpunkt Mitteleuropa: Festschrifte für Helmut Rumpfer zum 65. Geburtstag* / U. Burz (Hrsg.). Klagenfurt: Carinthia, 2000. P. 421.
- Bridge F.R. *From Sadowa to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary. 1866–1914*. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1972.
- Bridge F.R. *The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1915*. New York; Oxford; Munich: Berg, 1990.

- D'Agostini A. French Policy and the Hajj in Late-Nineteenth-Century Algeria: Governor Cambon's Reform Attempts and Jules Gervais-Courtellemont's Pilgrimage to Mecca // *The Hajj and Europe in the Age of Empire* / ed. by U. Ryad. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 123.
- Daković L. *Političke organizacije bosanskohercegovačkih katolika Hrvata*. Zagreb: Globus, 1985.
- Detrez R. *Reluctance and Determination: The Prelude to the Austro-Hungarian Occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878* // *Wechselwirkungen. Austria-Hungary, Bosnia-Herzegovina, and the Western Balkans, 1878–1918* / ed. by C. Ruthner, D. Reynolds Cordileone, U. Reber, R. Detrez. New York: Peter Lang Publishing, 2015.
- Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. I–XII. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973–2000.
- Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild / Erzherzog Rudolf (Hrsg.). Bd. 1–24. Wien: k.k. Hof- und Staatsdruckerei; Alfred von Hölder, 1886–1902.
- Dioszégi I. *Einleitung* // *Die Protokolle Des Gemeinsamen Ministerrates der österreichisch-ungarischen Monarchie 1867–1918*. Bd. 4. 1883–1895. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.
- Diószegi I. *Bismarck und Andrassy: Ungarn in der deutschen Machtpolitik in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts*. Wien; München: Oldenbourg, 1999.
- Donia R.J. *Islam under the Double Eagle: The Muslims of Bosnia and Herzegovina, 1878–1914*. New York: Columbia University Press, 1981.
- Donia R.J. *Sarajevo. A Biography*. London: Hurst & Company, 2006.
- Donia R.J. *The Habsburg Imperial Army in the Occupation of Bosnia and Herzegovina* // *Insurrections, wars and the Eastern Crisis in the 1870s* / B.K. Király, G. Stokes (eds). New York: Columbia University Press, 1985.
- Donia R.J., Fine J.V.A. *Bosnia and Herzegovina. A Tradition Betrayed*. New York: Columbia University Press, 1994.
- Džaja S.M. *Bosnien-Herzegowina in der österreichisch-ungarischen Epoche (1878–1918): die Intelligentsia zwischen Tradition und Ideologie*. München: Oldenbourg, 1994.
- Džaja S.M. *Konfesionalnost i nacionalnost Bosne i Hercegovine*. Mostar: ZIRAL, 1999.
- Ekmečić M. *Ustanak u Bosni. 1875–1878*. Sarajevo: Veselin Masleša, 1960.
- Filandra Š. *Bošnjačka politika u XX. stoljeću*. Sarajevo: Sejtarija, 1998.
- Glenny M. *The Balkans*. New York: Penguin, 2000.
- Gölen Z. *Tanzimat dönemi Bosna isyanları, 1839–1878*. S.l.: Alter, 2009.

- Grijak Z. Benjamin Kállay i vrhbosanski nadbiskup Josip Stadler. Problemi katolicizma u Bosni i Hercegovini // Prilozi Instituta za istoriju u Sarajevu. Br. 33. Sarajevo, 2004.
- Grijak Z. Politička djelatnost vrhbosanskog nadbiskupa Josipa Stadlera. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2001.
- Gross M. Hrvatska politika u Bosni i Hercegovini od 1878. do 1914. // Historijski zbornik. Godina XIX-XX. 1966-1967. Zagreb, 1968.
- Grunert H. Glauben im Hinterland. Die Serbisch-Orthodoxen in der habsburgischen Herzegowina 1878-1918. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2016.
- Hadžibegović I. Bosanskohercegovački gradovi na razmeđu 19. i 20. stoljeća. Sarajevo: Institut za istoriju, 2004.
- Hadžibegović I. Postanak radničke klase u Bosni i Hercegovini i njen razvoj do 1914. Sarajevo: Svjetlost, 1980.
- Hadžijahić M. Formiranje nacionalnih ideologija u Bosni i Hercegovini u XIX vijeku // Jugoslovenski historijski časopis. 1970. Br. 1-2.
- Hajdarpasić E. Whose Bosnia? Nationalism and Political Imagination in the Balkans, 1840-1914. Ithaca: Cornell University Press, 2015.
- Haselsteiner H. Bosnien-Hercegovina. Orientkrise und Südslavische Frage. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 1996.
- Hauptmann F. Die österreichisch-ungarische Herrschaft in Bosnien und der Hercegovina 1878-1918. Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsentwicklung. Graz: Institut für Geschichte der Universität, 1983.
- Hauptmann F. Predgovor // Borba Muslimana Bosne i Hercegovine za vjersku i vakufsko-mearifsku autonomiju / sabrao i uredio F. Hauptmann. Sarajevo: Arhiv Socijalistike Republike Bosne i Hercegovine, 1967. (Građa za proučavanje političkih, kulturnih i socijalno-ekonomskih pitanja iz prošlosti Bosne i Hercegovine (XIX i XX vijek). T. III.)
- Hengel G. We, of tomorrow. A history of the young Bosnian student networks. Dissertation. Groningen, 2016
- Heuberger V. Unter den Doppeladler: die Nationalitäten der Habsburger Monarchie 1848-1918. Wien: Brandstätter, 1997.
- Imamović M. Historija Bošnjaka. Sarajevo: Bošnjačka zajednica kulture "Preporod", 1997.
- Imamović M. Pravni položaj i unutrašnje-politički razvitak Bosne i Hercegovine: od 1878. do 1914. Sarajevo: Bosanski kulturni centar, 1997.
- Jahić D. Bošnjački narod i njegov jezik. Sarajevo: Liljan, 1999.
- Jalimam D. Djelatnost dominikanaca u srednjovjekovnoj Bosni. Tuzla: Hamidović, 1999.

- Jászi O. *The Dissolution of the Habsburg Monarchy*. Chicago: University of Chicago Press, 1929.
- Jelavich B. *Russia's Balkan Entanglements, 1806–1914*. New York: Cambridge University Press, 1991.
- Jeřábek R. *Potiorek: General im Schatten von Sarajevo*. Graz: Verlag Styria, 1991.
- Jovanović J. *Gavrilo Sergeevič Veselitski-Božidarović i Hercegovački ustanak 1875–1878 // Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine. XXVIII–XXX. 1977–1979*.
- Jukić I. F. *Putopisi i istorisko-etnografski radovi*. Sarajevo: Svjetlost, 1953.
- Juzbašić D. *Nacionalno-politički odnosi u Bosanskohercegovačkom saboru i jezičko pitanje (1910–1914)*. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1999.
- Juzbašić D. *O uključenju Bosne i Hercegovine u zajedničko carinsko područje // Prilozi Instituta za istoriju u Sarajevu. Godina XVII. Br. 19. Sarajevo, 1982*.
- Juzbašić D. *Politika i privreda u Bosni i Hercegovini pod austrougarskom upravom*. Sarajevo: ANU BiH, 2002.
- Kakanien revisited. URL: <https://www.kakanien-revisited.at>
- Kann R. A. *A History of the Habsburg Empire, 1526–1918*. Berkeley: University of California Press, 1974.
- Kann R. A., David Z. V. *The peoples of the Eastern Habsburg Lands. 1526–1918*. Seattle: University of Washington Press, 1984.
- Kapidžić H. *Bosna i Hercegovina pod austrougarskom upravom*. Sarajevo: Svjetlost, 1968.
- Kapidžić H. *Hercegovački ustanak 1882. godine*. Sarajevo: Veselin Masleša, 1958.
- Kappeler A. *Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall*. München: Beck, 1992.
- Kasumović A. *Austrougarska trgovinska politika u Bosni i Hercegovini 1878–1914*. Sarajevo: Udruženje za modernu historiju / Udruga za modern povijest, 2016.
- Klaić V. *Povjest Bosne*. Zagreb, 1882.
- Kolm E. *Die Ambitionen Österreich-Ungarns im Zeitalter des Hochimperialismus*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern: Peter Lang, 2001.
- Kraljačić T. *Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882–1903)*. Sarajevo: Veselin Masleša, 1987.
- Kraljačić T. *Mjere austrougarske uprave u Bosni i Hercegovini na suzbijanju ruskih utucaja u prvim godinama okupacije // Glasnik Arhiva i Društva arhivskih radnika Bosne i Hercegovine. Godina 1987. Br. XXVII. Sarajevo, 1987*.

- Kreševljaković H. Sarajevo za vrijeme austrougarske uprave (1878–1918). Sarajevo: Arhiv grada Sarajeva, 1969.
- Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. Sarajevo: Veselin Masleša, 1978.
- Kržišnik-Bukić V. Bosanski identitet između prošlosti, budućnosti. Sarajevo: Sarajevska knjiga, 1997.
- Kurto N. Arhitektura austrougarskog perioda u Bosni i Hercegovini. Historijske osnove rane moderne // Prilozi Instituta za istoriju u Sarajevu. Br. 28. Sarajevo, 1999.
- Lampe J., Jackson M. Balkan Economic History, 1550–1950. From Imperial Borderlands to Developing Nations. Bloomington: Indiana University Press, 1982.
- Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven: Yale University Press, 2003.
- Lis T.J. Polskie osadnictwo i duchowieństwo w Bośni i Hercegowinie od 1894 do 1920 roku. Toruń; Nowa Ruda: Maria, 2014.
- Ljubibratić D. Mlada Bosna i Sarajevski atentat. Sarajevo: Muzej grada Sarajeva, 1964.
- Malcolm N. Bosnia: A Short History. New York: New York University Press, 1994.
- Marriott J. The Eastern Question. An Historical Study in European Diplomacy. Oxford: Clarendon Press, 1968.
- May A. The Habsburg Monarchy. 1867–1914. New York: W.W. Norton, 1968.
- Medlicott W.N. The Congress of Berlin and After. A Diplomatic History of the Near Eastern Settlement, 1878–1880. Edinburgh: Frank Cass & Co, 1963.
- Miljković-Djurić J. The Eastern Question and the Voices of Reason: Austria-Hungary, Russia, and the Balkan States 1875–1908. New York: Columbia University Press, 2002. (East European Monographs. DXCII.)
- Molnár A. Confessionalization on the Frontier. The Balkan Catholics between Roman Reform and Ottoman Reality. Roma: Viella, 2019. (Interadria. Culture dell'Adriatico, 22.)
- Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the Soviet Union / R.L. Rudolph, D.F. Good (eds). New York: St. Martin's Press in association with the Center for Austrian Studies, University of Minnesota, 1992.
- Okey R. A Trio of Hungarian Balkanists: Beni Kallay, Istvan Burian and Lajos Thalloczy in the Age of High Nationalism // Slavonic and East European Review. 2002. Vol. 80. No. 2.

- Okey R. Taming Balkan Nationalism. The Habsburg 'Civilizing Mission' in Bosnia, 1878–1914. New York: Oxford University Press, 2007.
- Povijest Hrvata. Zagreb: Povijest Hrvata. Zagreb: Školska knjiga, 2003–2007.
- Rauscher W. Die fragile Großmacht: Die Donaumonarchie und die europäische Staatenwelt 1866–1914. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014.
- Redžić E. Historijski pogledi na vjerske i nacionalne odnose u Bosni i Hercegovini. Sarajevo: Svjetlost, 2005.
- Reynolds D. Kavaljeri, kostimi, umjetnost: kako je Beč doživljavao Bosnu, 1878–1900 // Prilozi Instituta za istoriju u Sarajevu. Br. 31. Sarajevo, 2002.
- Šamić M. Istorijski izvori Travničke hronike Ive Andrića i njihova umjetnička transpozicija. Sarajevo: Veselin Masleša, 1962.
- Samonsky N. Bosnien und Herzegovina in den Beziehungen zwischen Österreich-Ungarn und Russland. 1882–1908. Dissertation. Wien, 1928.
- Schall G. Der österreichisch-ungarische Dualismus als Integrationskonzept. Hamburg: Kovač, 2001.
- Schmid F. Bosnien und die Herzegowina unter der Verwaltung Österreich-Ungarns. Leipzig, 1914.
- Šehić N. Autonomni pokret Muslimana za vrijeme austrougarske uprave u Bosni i Hercegovini. Sarajevo: Svjetlost, 1980.
- Šehić Z. U smrt za cara i domovinu! Bosanci i Hercegovci u vojnoj organizaciji Habsburške Monarhije. 1878–1918. Sarajevo: Kulturno naslijeđe, 2007.
- Sel Turhan F. The Ottoman Empire and the Bosnian Uprising: Janissaries, Modernisation and Rebellion in the Nineteenth Century. London: I.B. Tauris, 2014.
- Seton-Watson R. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. London: Frank Cass, 1971.
- Seton-Watson R. The Role of Bosnia in International Politics 1875–1919. London: H. Milford, 1932.
- Somogyi E. Einleitung // Die Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates der österreichisch-ungarischen Monarchie 1867–1918. Bd. 5. 1896–1907 / bearb. von. E. Somogyi. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991.
- Sparks M. The Development of Austro-Hungarian Sarajevo, 1878–1918. An urban history. London; New York: Bloomsbury Academic, 2014.
- Sosnosky T. Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns. Berlin; Stuttgart, 1913.
- Sugar P.F. Austria-Hungary and the Balkan Crisis: An Ingenious Improvisation // Insurrections, wars and the Eastern Crisis in the 1870s / B.K. Király, G. Stokes (eds). New York: Columbia University Press, 1985.

- Sugar P.F. *Industrialization of Bosnia-Herzegovina, 1878–1918*. Seattle: University of Washington Press, 1963.
- Sundhussen H. *Sarajevo. Die Geschichte einer Stadt*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2014.
- Taylor A.J.P. *The Habsburg Monarchy, 1809–1918: A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary*. London: Macmillan, 1942.
- Todorova M. *Imagining the Balkans*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Tilly C. *Contention and Democracy in Europe, 1650–2000*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Tilly C. *Popular Contention in Great Britain, 1758–1834*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.
- Tilly C. *et al.* *The Rebellious Century, 1830–1930*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1973.
- Vervaet S. *Centar i periferija u Austro-Ugarskoj: dinamika izgradnje nacionalnih identiteta u Bosni i Hercegovini od 1878. do 1918. godine na primjeru književnih tekstova*. Zagreb; Sarajevo: Synopsis, 2013.
- Vovchenko D. *Containing Balkan Nationalism. Imperial Russia and Ottoman Christians, 1856–1914*. New York: Oxford University Press, 2016.
- Wank S. *Aerenthal's "Holy Mission". Some Psychological Notes for a Biography // Brennpunkt Mitteleuropa: Festschrift für Helmut Rumpfer zum 65. Geburtstag / U. Burz (Hrsg.)*. Klagenfurt: Carinthia, 2000.
- Wank S. *Aerenthal and the Sanjak of Novibazar Railway Project: A Reappraisal // The Slavonic and East European Review*. Vol. 42. No. 99 (Jun., 1964).
- Wank S. *In the Twilight of Empire. Count Alois Aerenthal (1852–1912), Imperial Habsburg Patriot and Statesman*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau 2009.
- Wechselwirkungen. *Austria-Hungary, Bosnia-Herzegovina, and the Western Balkans, 1878–1918 / ed. by C. Ruthner, D. Reynolds Cordileone, U. Reber, R. Detrez*. New York: Peter Lang Publishing, 2015.
- Williamson S., Jr. *Austria-Hungary and the Origins of the First World War*. London: Palgrave Macmillan, 1990.

Карты и иллюстрации

На обложке: открытка «Привет из Сараева». 1901. Собрание открыток Австрийской национальной библиотеки (Sarajevo. 1901. AKON / Österreichische Nationalbibliothek)

Карта 1. Общая карта Боснии и Герцеговины. 1893. Собрание карт и Музей глобусов Австрийской национальной библиотеки (General-Karte von Bosnien und der Hercegovina. 1893. Kartensammlung und Globenmuseum / Österreichische Nationalbibliothek)

Илл. 1. Адальберт Гётшнер. Плакат в честь героев Австрии в Боснии и Герцеговине. Литография. 1878 г. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки (Götschner, Adalbert. Gedenkblatt "Zu Ehren Österreichs Helden in Bosnien und Hercegowina". Lithografie. 1878. Bildarchiv / Österreichische Nationalbibliothek)

Илл. 2. Вид на Сараево с северо-востока. До 1896 г. В центре фотографии — идет строительство ратуши (*Vijećnica*). Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки (Sarajevo. Bildarchiv / Österreichische Nationalbibliothek)

Илл. 3. Серпантинная дорога между Рогатицей и Горажде. Черно-белый диaposитив. 1900 г. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки (Serpentinenstraße in Bosnien. Schwarz-Weiß-Diapositiv. 1900. Bildarchiv / Österreichische Nationalbibliothek)

Илл. 4. Бенямин Каллай. Год неизвестен. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки (Kállay-Nagy-Kálló, Benjamin von. Porträtsammlung. Bildarchiv / Österreichische Nationalbibliothek)

Илл. 5. Иштван Буриан. Год неизвестен. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки (Burian, Stefan Graf. Porträtsammlung. Bildarchiv / Österreichische Nationalbibliothek)

Илл. 6. Глигорие Евтанович. Иллюстрация из журнала «Вардар» за 1909 г. Wikimedia

- Илл. 7. Войслав Шола. Иллюстрация из журнала «Вардар» за 1909 г. Wikimedia
- Илл. 8. П.А. Ровинский. Год неизвестен. Wikimedia
- Илл. 9. А.Н. Харузин. Иллюстрированный адрес-календарь Бессарабской губернии на 1913 г. Wikimedia
- Илл. 10. А.Б. Лобанов-Ростовский. Год неизвестен. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки (Lobanow-Rostowski, Alexei Fürst. Porträtsammlung. Bildarchiv / Österreichische Nationalbibliothek)
- Илл. 11. П.А. Капнист с семьей. 1901 г. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки (Kapnist, Petr Aleksejewitsch Gf. 1901. Bildarchiv / Österreichische Nationalbibliothek)
- Илл. 12. А.И. Нелидов. Иллюстрация из журнала «Всемирная история» за 1884 г. Wikimedia
- Илл. 13. И.А. Зиновьев. Иллюстрация из журнала «Нива» за 1901 г. Wikimedia
- Илл. 14. Иоаким III. Год неизвестен. Фонд Дугласа. Библиотека Ламбетского дворца (Lambeth Palace Library. Douglas 78, f. 1)
- Илл. 15. Артур Лайош Гальми. Заседание совета министров Габсбургской монархии под председательством Франца Иосифа I. Карандашный рид сунок. 1898 г. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки (Halmi, Arthur Lajos. Gemeinsame Ministerkonferenz unter dem Vorsitz Kaiser Franz Josefs I. Bleistiftzeichnung. 1898. Bildarchiv / Österreichische Nationalbibliothek)
- Илл. 16. Мартин Фаше. Франц Иосиф в Сараеве. Черно-белая фотография. 31 мая 1910 г. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки (Fachet, Martin. Reise von Franz Joseph I., Kaiser von Österreich, durch Bosnien und Herzegowina 30.5.1910 – 3.6.1910. Schwarz-Weiß-Abzug. Bildarchiv / Österreichische Nationalbibliothek)
- Илл. 17. Почтовая открытка «Мост на Дрине». 1910 г. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки (Eisenbahnbrücke nahe der Limmündung. Lichtdruck. 1910. Bildarchiv / Österreichische Nationalbibliothek)
- Илл. 18. Сараево. Год неизвестен. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки (Sarajevo. Bildarchiv / Österreichische Nationalbibliothek)
- Илл. 19. Автор неизвестен. Фотография карикатуры на Франца Иосифа. 1908 г. На коленях императора-короля две девушки, олицетворяющие Боснию и Герцеговину. Коллекция картин и фотографий Австрийской национальной библиотеки (Karikatur von Franz Joseph I., Kaiser von Österreich. 1908. Bildarchiv / Österreichische Nationalbibliothek)

Abstract

Pakhomova, Lidia Yu. Balkan Litmus. Austro-Hungarian Policy in Bosnia-Herzegovina and Russian Diplomacy, 1878–1908. Moscow: Indrik, 2021.

This monograph focuses on the activities of Russian consuls in Sarajevo, as well as the work of diplomats on the Bosnian-Herzegovinian issue both during the Great Eastern Crisis and before the Annexation Crisis. The Congress of Berlin, held after the Russian-Turkish War of 1877–78, placed the region under the control of the Habsburg Monarchy, but under the sovereignty of the Ottoman Sultan. The book shows that the Russian Military Ministry had a plan to prevent the occupation. One of the research subjects is the Russian-Austrian negotiation on the status of the provinces. The decisions made by the St. Petersburg were based on an analysis of the situation in the province — the center for collecting information was the Consulate in Sarajevo, hence the author's attention to its functioning. The assessment of the Austro-Hungarian modernisation policy in the occupied territory by the Russian Ministry of Foreign Affairs is analysed historiographically for the first time. The study of the ethnographic works by Pavel A. Rovinsky and Aleksei N. Kharuzin made it possible to trace the changes in the life of Bosnian and Herzegovinian inhabitants during the Austro-Hungarian occupation. Thus, the author attempts to demonstrate the connection between the internal development of the region and the decisions about its fate at the international level.

Именной указатель

А

- Абдул Хамид II (1842–1918) — османский султан 47, 227
- Александр II (1818–1881) — российский император 39–40, 48, 51, 69, 149
- Александр III (1845–1894), цесаревич Александр Александрович — российский император 48, 89, 91, 147, 149, 159
- Александр I Обренович (1876–1903) — сербский король 168, 199
- Альбрехт (1817–1895) — эрцгерцог, престолонаследник Габсбургской монархии 34, 46
- Андраши, Дьюла (1823–1890) — австро-венгерский политический деятель, канцлер, министр иностранных дел 20, 30, 32–34, 39, 41–43, 46, 48, 65, 67, 70, 84, 86, 118–119, 164, 166, 271
- Андрич, Иво (1892–1975) — югославский писатель, дипломат 26, 275
- Анфим — митрополит дабробоснийский 108, 110
- Аппель, Йоганн (1826–1906) — австро-венгерский государственный и военный деятель, генерал-губернатор Боснии и Герцеговины 156, 162
- Аргиропуло, Кимон Эммануилович (1842–1918) — российский дипломат, министр-резидент в Цетинье 140, 162
- Аргус, см. Веселитский-Божидарович, Гавриил Сергеевич

Б

- Бабиц, Голуб (1824–1910) — участник боснийско-герцеговинского восстания 1875–1877 гг. 58
- Бабиц, Спасое — участник боснийско-герцеговинского восстания 1875–1877 гг., председатель сараевской православной общины 125
- Базили, Александр Константинович (1846–1902) — российский дипломат, генеральный консул в Будапеште 165–166
- Бакунин, Модест Модестович (1848–1913) — российский дипломат, консул в Сараеве, сын Модеста Николаевича Бакунина 5, 99–101, 103–104, 110, 113–114, 123–134, 137, 139–140, 142–146, 153, 154–157, 162, 165, 167, 169–171, 185, 190, 252
- Бакунин, Модест Николаевич (1827–1889) — российский дипломат, консул в Венеции, отец Модеста Модестовича Бакунина 100
- Барятинский, Александр Иванович (1815–1879) — российский государственный и военный деятель 50
- Башагич, Сафвет-бег (1870–1934) — боснийско-герцеговинский политический и общественный деятель, писатель, председатель боснийско-герцеговинского сабора 243
- Бек, Макс Владимир (1854–1943) — австро-венгерский государственный деятель, министр-президент Австрии 229
- Бек-Ржиковский, Фидрих (1820–1830) — австро-венгерский государственный и военный деятель, начальник Генерального штаба 177
- Белимаркович, Йован (1827–1906) — сербский государственный и военный деятель 168
- Бенкендорф, Александр Константинович (1849–1917) — российский дипломат, советник посольства в Вене 186
- Бенко, Исидор (1846–1925) — австро-венгерский государственный деятель, гражданский управляющий Боснии и Герцеговины 241
- Берхтольд, Леопольд (1863–1942) — австро-венгерский государственный и дипломатический деятель, посол в Петербурге 230

- Билинский, Леон (1846–1923) — австро-венгерский государственный деятель, министр финансов 246
- Блазнавац, Миливое (1824–1873) — сербский государственный и военный деятель 31
- Бойст, Фридрих (1809–1886) — австрийский государственный деятель, министр иностранных дел 29, 38
- Болярич, Гаврило (1864–1906) — православный священник, преподаватель церковного пения в сараевской семинарии 130
- Будберг, Федор Андреевич (1851–1916) — российский дипломат, сотрудник посольства в Вене 188, 193–194
- Буксгевден, Карл Карлович (1856–1935) — российский дипломат, директор Департамента личного состава и хозяйственных дел МИДА 130
- Бунге, Николай Христианович (1823–1895) — российский государственный деятель, министр финансов 172
- Буриан, Иштван (1851–1922) — австро-венгерский государственный деятель, министр финансов 205, 223–226, 232, 236–237, 240
- Буцонич (Буцониг), Пашкаль (1834–1910) — католический священник, епископ мостарско-дувновский 156–157
- Буцов, Евгений Карлович (1837–1904) — российский дипломат, посланник в Греции 138

В

- Валиадис, Константинос, см. Константин V
- Векерле, Шандор (1848–1921) — австро-венгерский государственный деятель, министр-президент Венгрии 229
- Веселитский, Гавриил Петрович (1774–1829) — русский военный деятель, участник Отечественной войны 1812 года, дед Г.С. Веселитского-Божидаровича 147–148
- Веселитский-Божидарович, Гавриил Сергеевич (1838–1930) — русский журналист, публицист, работавший под псевдонимами Аргус, X. X., С-ев 9, 117, 147–153
- Виктор Эммануил III (1869–1947) — итальянский король 237
- Витте, Сергей Юльевич (1849–1915) — российский государственный деятель, племянник Ростислава Андреевича Фадеева 49–52
- Власов, Петр Михайлович (1850–1904) — российский дипломат, министр-резидент в Цетинье 188
- Вулетич, Марко — австрийский дипломат, консул в Сараеве 27

Г

- Габсбург, см. Альбрехт; Рудольф; Франц Иосиф
- Гаврила, Эмиль (1861–1933) — сербский общественный деятель в Австро-Венгрии, адвокат, публицист 197
- Гай, Людевит (1809–1872) — хорватский просветитель, филолог, поэт 33–34
- Георгий Карагеоргиевич (1887–1972) — принц, сербский престолонаследник 239
- Герасим (Петранович) (1820–1906) — епископ боко-которский 115
- Гильфердинг, Александр Федорович (1831–1872) — российский дипломат, ученый, консул в Сараеве 27–28, 35–37, 74, 105, 130, 210
- Гирс, Николай Карлович (1820–1895) — российский государственный деятель, министр иностранных дел 29, 52, 55, 66, 89, 91–96, 102–103, 109–112, 114, 120, 123, 132, 135, 143, 147, 159–161, 163–164, 169, 171–172, 185
- София Гогенберг (1868–1907) — супруга эрцгерцога Франца Фердинанда 248
- Голуховский, Агенор (1849–1921) — австро-венгерский государственный деятель, министр иностранных дел 176–177, 180–181, 184, 221, 227
- Горчаков, Александр Михайлович (1798–1882) — российский государственный деятель, канцлер, министр иностранных дел 35, 38–42, 48, 52, 59, 67, 190
- Гради, Элеонора — жена российского консула в Сараеве М.М. Бакунина 145
- Грамматопулс, М. — драгоман российского посольства в Константинополе 205–207
- Грипарис, Иоаннис (1852–1922) — греческий дипломат, посланник в Константинополе 208
- Груич, Сава (1840–1913) — сербский государственный деятель 58, 65

Губастов, Константин Аркадьевич (1845–1919) — российский дипломат, генеральный консул в Вене, посланник в Сербии 132–133, 182

А

Дален, Герман (1828–1887) — австро-венгерский государственный и военный деятель, генерал-губернатор Боснии и Герцеговины 123

Деак, Ференц (1803–1876) — венгерский политический деятель 29

Деведзис, Христос, см. Иоаким III

Демелич — чиновник в канцелярии императорско-королевского двора в Вене 113

Димитриевич, Лазар — боснийско-герцеговинский политический деятель 222, 236

Дионисий (Илиевич) (1838–1894) — митрополит зворникский 115

Драганчич — австро-венгерский дипломат, консул в Бая-Луке 31

Дурново, Петр Николаевич (1842–1915) — российский государственный деятель, министр внутренних дел 172

Е

Евтанович, Глигорие (1840–1927) — боснийско-герцеговинский политический и общественный деятель, предприниматель 180, 193–197, 200, 205, 222, 224, 233–234, 250

Егоров, Петр — российский подданный, пациент сараевской больницы 173

Екатерина Вторая (1729–1796) — российская императрица 26–27

Ж

Жомини, Александр Генрихович (1814–1888) — российский государственный деятель, дипломат 41, 148

З

Зиновьев, Иван Алексеевич (1835–1917) — российский государственный деятель, дипломат, посол в Константинополе 142, 194–198, 205–207, 252

Зимонич, Богдан — участник боснийско-герцеговинского восстания 1875–1877 гг. 58

Зичи, Ференц (1811–1900) — австро-венгерский дипломат, посол в Константинополе 46, 70

Зогорац — боснийско-герцеговинский предприниматель 250

И

Иванович, И.С. — русский офицер в отставке 98

Игельстрём (Игельстром), Густав Викторович (1855–?) — российский дипломат, консул в Сараеве 99–100, 185–188, 190, 192–193, 196, 201, 210, 246–249, 252

Игнатий (Икономидис) (1828–?) — митрополит захумско-герцеговинский 115

Игнатъев, Николай Павлович (1838–1908) — российский государственный и общественный деятель, дипломат, посол в Константинополе 14, 28, 36–37, 46, 48, 51, 147, 149, 152, 154, 256, 258, 268

Извольский, Александр Петрович (1856–1919) — российский государственный деятель, министр иностранных дел 21, 153, 190, 230–234, 239–240, 260, 264

Иларионов, Николай Александрович (1844–?) — российский дипломат, вице-консул в Мостаре 105

Иоаким III (1834–1912) — Константинопольский патриарх, избирался два раза: в 1878–1884 гг. и 1901–1912 гг., во второй раз с именем Иоаким V, в миру Христос Деведзис 110–112, 135, 199, 206, 208–209

Иоаким IV (1837–1887) — Константинопольский патриарх, в миру Николаос Крусулудис 135–136

Иоаким V, см. Иоаким III

Иоанникий (Памучина) (1810–1870) — боснийско-герцеговинский церковный и общественный деятель 105, 247

Йованович, Димитрий — православный священнослужитель в Боснии и Герцеговине 112

Йованович, Йован — уроженец Боснии и Герцеговины, проситель русского МИДа 138

Йованович, Михаил (1826–1898) — митрополит Сербский 148

Йованович, Павле (1849–1897) — сербский общественный деятель в Австро-Венгрии, журналист 128

- Ионин, Александр Семенович (1837–1900) — российский дипломат, консул в Рагузе, посланник в Черногории, брат Владимира Семеновича Ионина 28, 44, 53, 55, 59, 66–67, 91–93, 96
- Ионин, Владимир Семенович (1838–1883) — российский дипломат, секретарь консульства в Рагузе, брат Александра Семеновича Ионина 44–45, 59

К

- Каличе, Генрих (1831–1912) — австро-венгерский дипломат, посол в Константинополе 135, 177, 195, 206–207
- Каллай (Каллаи), Бенямин (1839–1903) — австро-венгерский государственный деятель, дипломат, министр финансов 5, 19, 30–32, 46, 118–123, 128, 131, 133, 135, 152, 154, 158, 164, 178–179, 184, 192–194, 197–198, 204–205, 214, 220, 225, 259, 260, 266
- Кальноки, Густав (1832–1898) — австро-венгерский государственный деятель, министр иностранных дел 92–93, 96, 120, 131, 133, 147, 153–154, 160–162, 164, 176–177
- Камбон, Жюль (1845–1935) — французский государственный деятель, генерал-губернатор Алжира 190
- Кантакузин, Григорий Львович (1843–1902) — российский дипломат, советник посольства в Вене 126, 128–130, 153–155
- Капнист, Петр Алексеевич (1839–1904) — российский дипломат, посол в Вене 23, 115, 176–181, 183–184, 187, 191–193, 196–204, 221, 252, 254
- Капу, Гийом (1857–1931) — французский этнограф, писатель 175, 176, 216, 259
- Каратеодори-паша (Александр Каратеодори) (1833–1906) — османский государственный деятель, дипломат 70
- Карагеоргиевич, см. Георгий Карагеоргиевич
- Караджич, Вук (1787–1864) — сербский просветитель, филолог 34
- Касанович, Сава, см. Сава (Косанович)
- Катков, Михаил Никифорович (1818–1887) — русский публицист, издатель, редактор газеты «Московские ведомости» 147
- Кишель-Богуславлевич — бывший сербский офицер, проситель российского МИДа 138
- Ковалевский, Егор Петрович (1809–1868) — российский дипломат, ученый, директор Азиатского департамента МИДа 27, 36
- Ковачевич, Стоян (1821–1911) — герцеговинский воевода, участник нескольких боснийско-герцеговинских восстаний 88
- Константин Багрянородный (905–959) — византийский император 211
- Константин V — Константинопольский патриарх (1833–1914), в миру Константинос Валиадис 195, 197
- Косанович, Сава, см. Сава (Косанович)
- Кочич, Петар — боснийско-герцеговинский общественный деятель, публицист (1877–1916) 222
- Кудрявцев, Алексей Николаевич — российский дипломат, консул в Сараеве (1836–?) 28, 37
- Крамарж, Карл (1860–1937) — чешский государственный и политический деятель 232
- Крусулудис, Николаос, см. Иоаким IV
- Кучера, Хуго (1847–1909) — австро-венгерский государственный деятель, гражданский управляющий Боснии и Герцеговины 124–127, 131–133, 155–156
- Куэн-Хедервари, Карой (1849–1918) — австро-венгерский государственный деятель, бан Хорватии, министр-президент Венгрии 178–179
- Куянджич, Коста (1847–1925) — глава православной общины в Ливно 194–195, 200
- Кхевенхюллер, Рудольф (1844–1910) — австро-венгерский дипломат, посол в Париже

Л

- Ладыженский (Лодыженский, Ладыжинский), Николай Николаевич (1846–1916) — российский дипломат, консул в Сараеве 86, 99, 101–103, 106
- Ламздорф, Владимир Николаевич (1845–1907) — российский государственный деятель, министр иностранных дел 21, 199, 202, 204, 221, 264
- Ленк — австрийский офицер 29
- Леонтий (Радулович) (1835–1888) — митрополит захумско-герцеговинский 112

Лихтенштейн, Франц (1853–1938) — австро-венгерский дипломат, посол в Петербурге 23, 173, 179–180
 Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович (1824–1896) — российский государственный деятель, дипломат, посол в Константинополе и Вене, министр иностранных дел 21, 29, 84, 91, 93, 119–120, 123–124, 126–129, 131–136, 139–140, 143–144, 146–147, 151–152, 156, 159–161, 163–167, 169–171, 176, 185, 190, 252, 266

М

Макаров, Александр Александрович (1857–1919) — российский государственный деятель, министр внутренних дел 209
 Маккио, Карл фон (1859–1945) — австро-венгерский дипломат, сотрудник посольства в Константинополе 195
 Мандич, Никола (1869–1945) — боснийско-герцеговинский государственный деятель, вице-бургумистр Сараева 235–236, 245–246
 Мандич, Николай, см. Николай (Мандич)
 Мандич, Петар, см. Николай (Мандич)
 Марченко — российский военный агент в Австро-Венгрии 228
 Мария Александровна (1824–1880) — российская императрица 139
 Недим-паша (Махмуд Недим-паша) (1818–1883) — османский государственный деятель, великий визирь 148
 Мелентий (Спандонидис) (1824–1895) — митрополит рашко-призренский 115
 Мерицци, Эрих (1873–1914) — австро-венгерский офицер, адъютант Оскара Поттиорека 248
 Мертваго, Софья Петровна (1851–?) — руководительница Марининского женского института в Цетинье 187–188, 268
 Кямиль-паша (Мехмед Кямиль-паша) (1833–1913) — османский государственный деятель, великий визирь 227
 Миерозовски, Станислав (1827–1900) — австро-венгерский ученый, советник боснийского правительства 113
 Милан I Обренович (1854–1901) — сербский князь, король 51, 53, 57, 67, 167, 167–168
 Милаш, Никодим, см. Никодим (Милаш)
 Милетич, Светозар (1826–1901) — сербский политический деятель в Австро-Венгрии 111, 197

Милютин, Дмитрий Алексеевич (1812–1916) — российский государственный и военный деятель, военный министр 44, 49–52, 54–55, 59–62, 64–65, 259
 Миодрагович, Йован — участник боснийско-герцеговинского восстания 1875–1877 гг. 58
 Миушкович, Лазар (1867–1936) — черногорский государственный деятель, премьер-министр 239
 Михайлович, Христофор — православный священнослужитель в Боснии и Герцеговине 112
 Муравьев, Михаил Николаевич (1845–1900) — российский государственный деятель, министр иностранных дел 23, 176, 179–181, 184, 187, 192–193

Н

Наполеон III (1808–1873) — французский император 30
 Небольсин — военный агент 154
 Нелидов, Александр Иванович (1835–1910) — российский дипломат, посол в Константинополе 134–136, 153–154, 252
 Никодим (Милаш) (1845–1915) — митрополит далматинско-истринский 134
 Никола I Петрович (Негош) (1841–1921) — черногорский князь, король 52, 59, 66, 89, 92–93, 136, 154, 158, 161, 180, 188
 Николай (Мандич) (1840–1907) — митрополит зворникско-тузланский, дабробоснийский, в миру Петар Мандич 188, 192, 201
 Николай II (1868–1918) — российский император 179, 188, 199, 202, 227, 239
 Николай Николаевич Старший (1831–1891) — великий князь 48, 149
 Николитч, Феодор (Теодор) (1836–1903) — австро-венгерский государственный деятель, гражданский управляющий Боснии и Герцеговины 134, 146
 Новиков, Евгений Петрович (1826–1903) — российский государственный деятель, дипломат, посол Константинополе и Вене 43, 67, 109, 111–112
 Новиков, Н. — русский офицер 154

О

- Обренович, см. Александр Обренович
Обручев, Николай Николаевич (1830–1904) — российский военный деятель 48, 65, 260
Овечин — российский дипломат, сотрудник посольства в Константинополе 182–183
Омерович, Мустафа (1816–1895) — боснийско-герцеговинский общественный и религиозный деятель, ученый, первый реис-уль-улема
Орешкович, Антоние (1829–1906) — австрийский, сербский военный деятель 30

П

- Памучина, Иоанникий, см. Иоанникий (Памучина)
Папалепоре, Доменико (1842–?) — итальянский дипломат, консул в Сараеве 132
Пассек, Василий Богданович (1854–1888) — российский дипломат, вице-консул в Рагузе 87–90, 97, 108, 116, 140–142, 145
Пашич, Никола (1845–1926) — сербский государственный деятель, премьер-министр 168–169, 194–195, 239, 269
Перович, Мелетий — православный священнослужитель в Боснии и Герцеговине 112
Перович, Серафим, см. Серафим (Перович)
Персиани, Александр Иванович (1842–1896) — российский дипломат, посланник в Сербии 57, 167
Петранович, Герасим, см. Герасим (Петранович)
Печанац, Милан — сотрудник сербского посольства в Константинополе 194, 197, 202, 206–207
Победоносцев, Константин Петрович (1827–1907) — российский государственный деятель, обер-прокурор Св. Синода 114, 147, 266
Попович, С.И. — русский офицер в отставке 98
Погиорек, Оскар (1853–1933) — австро-венгерский государственный и военный деятель, генерал-губернатор Боснии и Герцеговины 246, 248
Принцип, Гаврило (1894–1918) — член организации «Молодая Босния»,

убивший эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу Софию Хотек 250

- Протиц, Коста (1831–1892) — сербский государственный и военный деятель 168
Пулич (Поцца), Орсат (1821–1882) — австро-венгерский политический деятель, писатель 90
Пыпин, Александр Николаевич (1833–1904) — русский филолог, историк 210, 266

Р

- Радович, Владимир — один из участников сербских депутаций в Вену и Константинополь 194–195
Реннер, Генрих — немецкий журналист, путешественник 175, 259
Ристич, Иван (1831–1899) — сербский государственный деятель 31–32, 57–58, 65, 67, 168
Ровачевич, Симеон — православный священнослужитель 112
Ровинский, Павел Аполлонович (1831–1916) — русский общественный деятель, журналист, ученый 5, 24, 71–83, 96, 116, 210–211, 259, 265, 266, 268
Родич, Гаврило (1812–1890) — австро-венгерский военный деятель 33, 88
Рудольф Габсбург (1858–1889) — кронпринц, престолонаследник Габсбургской монархии 17, 124, 155, 237

С

- Савва (Косанович) (1839–1903) — боснийско-герцеговинский церковный и общественный деятель, митрополит дабробоснийский 5, 109–111, 113–115, 117, 133–136, 146, 264
Савфет-паша (Мехмед Савфет-паша) (1814–1883) — османский государственный деятель, великий визирь 70
Сабуров, Петр Александрович (1835–1918) — российский дипломат, посол в Берлине 91–96
Сватковский, Всеволод Павлович (1862–1920) — корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства 244–245
Серафим (Перович) (1827–1903) — митрополит герцеговинский 112, 195

- Сечени, Имре (1825–1898) — австро-венгерский дипломат, посол в Берлине 164, 169
- Силади, Дежё (1840–1901) — венгерский государственный и политический деятель 179
- Симич, Георгий (1843–1921) — сербский государственный деятель 180
- Скендерова, Стака (1828–1891) — боснийско-герцеговинская общественная деятельница, православная монахиня, основательница школы для девочек в Сараеве 139–140
- Скобелев, Михаил Дмитриевич (1843–1882) — российский военный деятель 97–98, 269
- Слави, Йозеф (1818–1900) — австро-венгерский государственный деятель, министр финансов 107, 110
- Сопрон, Игнац (Сопрон, Игнат) (1821–1894) — австрийский издатель 34
- Сршкич, Милан (1880–1937) — боснийско-герцеговинский, югославский политический и государственный деятель 222
- Старчевич, Анте (1823–1896) — хорватский политический деятель в Австро-Венгрии 128
- Старчевич, Миле (1862–1917) — хорватский политический деятель в Австро-Венгрии 234
- Столыпин, Петр Аркадьевич (1862–1911) — российский государственный деятель 212
- Суворин, Алексей Сергеевич (1834–1912) — русский журналист, издатель газеты «Новое время» 149–151, 257

Т

- Талоци, Лайош (1857–1916) — австро-венгерский дипломат, историк 119
- Теодорович, С. — австро-венгерский дипломат 31
- Тиса, Кальман (1830–1902) — венгерский государственный и политический деятель, министр-президент Венгрии 164–166
- Томсон, Гарри — британский путешественник 175, 259
- Трифкович, Степо — православный священнослужитель в Боснии и Герцеговине 139

У

- Убри, Павел Петрович (1818–1896) — российский дипломат, посол в Берлине и Вене 3, 69, 89, 91, 93, 95–96, 104, 110, 114
- Урусов, Лев Павлович (1839–1928) — российский дипломат, посол в Вене 228
- Узелац, Петар — боснийско-герцеговинский политический деятель 152

Ф

- Фадеев, Ростислав Андреевич (1824–1882) — российский военный деятель, генерал-майор, публицист 5, 25, 48–68, 251, 264, 267
- Фальер, Клеман Арман (1841–1931) — французский государственный деятель, президент 237
- Фердинанд I (Саксен-Кобург-Готский) — болгарский князь, царь 231
- Филиппович, Йосип (1818–1889) — австро-венгерский военный деятель, командующий оккупационными войсками в Боснии и Герцеговине 110
- Фирдус, Али-бег (1862–1910) — боснийско-герцеговинский государственный и политический деятель 243
- Франц Йосиф (1830–1916) — император Австрии, король Венгрии 6, 29, 34, 40, 46, 84, 110, 113, 119, 136, 159–161, 164, 166, 178–179, 184, 191, 202, 224, 227, 234–235, 237–241, 243, 248
- Франц Фердинанд Габсбург (1863–1914) — эрцгерцог, престолонаследник Габсбургской монархии 240, 247–249

Х

- Х.Х., см. Веселитский-Божидарович, Гавриил Сергеевич
- Хаджи-Кочевич, Петр — уроженец Герцеговины, проситель российского МИДа 138
- Хаймерле, Генрих (1828–1881) — австро-венгерский государственный деятель, министр иностранных дел 101, 107
- Харузин, Алексей Николаевич (1864–1932) — российский государственный деятель, этнограф 6, 9, 24, 109, 116, 176, 209–218, 259, 263, 266

Хитрово, Михаил Александрович (1837–1896) — российский дипломат 98

Хотек, София, см. София Гогенберг

Ч

Чабринович, Неделько (1885–1916) — участник покушения на эрцгерцога Франца Фердинанда

Чарыков, Николай Валерьевич (1855–1930) — российский дипломат, посол в Белграде и Константинополе 21, 190, 198–200, 230–234, 239, 269

Черняев, Михаил Григорьевич (1828–1898) — русский военный и общественный деятель, главнокомандующий сербской армией во время сербско-турецкой войны 1876 года 137

Ш

Шантич — боснийско-герцеговинский предприниматель 250

Шаренач, Лазар — православный священнослужитель 112

Шарич, Иван (1871–1960) — боснийско-герцеговинский политический деятель, архиепископ Врхбосны 245

Шатохин, Борис Платонович — российский дипломат, консул в Русуке 142

Шебеко, Николай Николаевич (1863–1953) — российский дипломат, посол в Вене 248–249

Шёнайх, Франц (1844–1916) — австро-венгерский военный и государственный деятель, военный министр 237

Шиманович, Андрей — уроженец Герцеговины, проситель русского МИДа 137–138

Шишкин, Николай Павлович (1830–1902) — российский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел 131–132, 173

Шола, Воислав (1863–1921) — боснийско-герцеговинский политический и общественный деятель 193–195, 200, 222, 243

Шонейссон — российский подданный, сотрудник австрийской фирмы 128

Штадлер, Йосип (1848–1918) — боснийско-герцеговинский политический деятель, архиепископ Врхбосны 11, 146, 233, 272

Штрассмайер, Йосип Юрай (1815–1905) — католический епископ, хорватский общественный и политический деятель 148

Шувалов, Петр Андреевич (1827–1889) — российский государственный деятель, посол в Лондоне 50, 65, 69, 163

Щ

Щербачев, Юрий Николаевич (1851–1917) — российский дипломат, советник посольства в Константинополе, посланник в Греции 195–196, 202, 205

Щулепников, Евграф Романович (1820–?) — российский дипломат, консул в Сараеве 104

Э

Эванс, Артур (1851–1941) — британский ученый, этнограф, археолог 97

Эдуард VII (1841–1910) — британский король 227, 234

Эренталь, Алоиз (1854–1912) — австро-венгерский государственный деятель, министр иностранных дел 153, 171, 177, 227–228, 230, 232, 238–239, 264, 270, 276

Ю

Юкич, Иван Франьо (1818–1857) — католический монах, историк 26, 33

Я

Якич, Антоний — австро-венгерский общественный деятель, издатель 140

Научное издание

Л. Ю. Пахомова

БАЛКАНСКИЙ ЛАКМУС
Австро-венгерская политика
в Боснии и Герцеговине
и российская дипломатия
(1878-1908)

Издательство «Индрик»

Оригинал-макет А.С. Старчеус

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by **www.indrik.ru** or by tel./fax: +7 **495 938-01-00**

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

19,5 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский печатный двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

В центре внимания автора находятся деятельность российских консулов в Сараеве и работа дипломатов по решению боснийско-герцеговинского вопроса в период между двумя кризисами — Великим восточным и аннексионным. Берлинский конгресс, состоявшийся после русско-турецкой войны 1877-1878 гг., передал Боснию и Герцеговину под управление Габсбургской монархии, оставив османского султана сувереном. В работе показывается, что у российского военного министерства был план помешать оккупации края. Предметом исследования стали также русско-австрийские переговоры о статусе провинций. Решения МИДа основывались на анализе ситуации в крае: центром сбора информации было консульство в Сараеве, поэтому в книге уделено внимание убраться его функционированию. Впервые в историографии анализируется, как министерство иностранных дел России оценивало австро-венгерскую политику модернизации на оккупированной территории. Изучение этнографических трудов П.А. Ровинского и А.Н. Харузина дало возможность проследить изменения в жизни боснийцев и герцеговинцев в период австро-венгерской оккупации. Таким образом, в монографии предпринята попытка показать связь между внутренним развитием Боснии и Герцеговины и решением их судьбы на международном уровне.

Gruss aus Sarajevo.